

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ЭКОНОМИКА»

Научный журнал
Основан в 2003 г.
Выходит четыре раза в год

2021
Т. 19, № 2

Включен в перечень ВАК

Редколлегия журнала

- В.Н. Бобков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (Москва, Россия)
- Х. Вольман, профессор (в отставке) социально-экономического института Берлинского университета имени Гумбольдта (Германия)
- Н. Вуняк, профессор Modern Business School (Белград, Сербия)
- Р.А. Долженко, д-р экон. наук, доцент Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)
- С.А. Дятлов, д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Т.А. Лапина, *отв. редактор*, канд. экон. наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- А.Е. Миллер, д-р экон. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- Ю.Г. Одегов, д-р экон. наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
- В.С. Половинко, *гл. редактор*, д-р экон. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- Х. Хануш, профессор Университета Аугсбурга (Германия)
- В.А. Шабашев, д-р экон. наук, профессор Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Учредитель

ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского»

Адрес редакции:

644053, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пл. Лицкевича, д. 1, каб. 307

Тел.: +7 (3812) 26-82-36

E-mail: vestnik@omeco.ru

Сайт журнала:

<http://journal.omeco.ru/ru/index.html>

Гл. редактор

Владимир Семёнович Половинко

Редактор Д.С. Нерозник

Технический редактор Н.В. Москвичёва

Дизайн обложки З.Н. Образова

Редактор английского текста

О.С. Коржова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-72191

от 15 января 2018 г.

выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Объединенный подписной каталог

«Пресса России». Индекс 35915

Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах

научных электронных библиотек

eLIBRARY.RU (elibrary.ru)

и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).

С 2007 г. журнал включен в Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет 09.07.2021

Ризография. Формат 60x84 1/8.

Печ. л.18,0. Усл. печ. л. 16,7.

Уч.-изд. л. 14,5.

Тираж 60 экз. Заказ 95.

Отпечатано в типографии

ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии:

644077, Россия, Омская обл.,

г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Academic periodical
Founded in 2003
Published four times a year

2021
Vol. 19, no. 2

Included in HAC list

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series "ECONOMICS"

Founder

*Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"Dostoevsky Omsk State University"*

Address of editorial office:
office 307, 1, Litskevicha pl., Omsk,
Omsk Oblast, 644053, Russia

Phone: +7 (3812) 26-82-36
E-mail: vestnik@omeco.ru

Web-site:
<http://journal.omeco.ru/en/index.html>

Editor-in-Chief
Vladimir Semyonovich Polovinko

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva

Design of cover Z.N. Obrazova

Editor of English text
O.S. Korzhova

Journal Registration Certificate
III No. ФС77-72191
from January 15, 2018
given The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media

United subscription catalog
"The Russian Press". Index 35915
Free price

The full text version of the journal
is posted on the websites
of scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and Cyberleninka (cyberleninka.ru).
Since 2007 the journal is included
in Russian science citation index (RSCI)

Date of publication July 9, 2021
Risography. Format 60x84 1/8.
Printed p. 18,0.
Conventionally printed p. 16,7.
Accounting publishing p. 14,5.
Edition 60 copies. Order 95.

Printed in polygraphic base
of Dostoevsky Omsk State University

Address of publisher and printing house:
55a, Mira pr., Omsk,
Omsk Oblast, 644077, Russia

Editorial staff

V.N. Bobkov, Head of the laboratory of problems of life level and quality of
Institute of socio-economic problems of population of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)

H. Wollmann, Professor (emeritus) of Social Science Institute of Humboldt
University in Berlin (Germany)

N. Vunjak, Full Professor of Modern Business School (Belgrade, Serbia)

R.A. Dolzhenko, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of Ural
State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

S.A. Dyatlov, Doctor of Economic Sciences, Professor of St. Petersburg
State University of Economics (St. Petersburg, Russia)

T.A. Lapina, *Executive Editor*, PhD in Economic Sciences, Associate Profes-
sor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

A.E. Miller, Doctor of Economic Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk
State University (Omsk, Russia)

Yu.G. Odegov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Plekhanov Rus-
sian University of Economics (Moscow, Russia)

V.S. Polovinko, *Editor-in-Chief*, Doctor of Economic Sciences, Professor
of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

H. Hanusch, Professor of University of Augsburg (Germany)

V.A. Shabashev, Doctor of Economic Sciences, Professor of Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2021. Т. 19, № 2

Экономика и финансовая политика

<i>Бирюков В.В.</i> Идеи, интересы и промышленная политика	5
<i>Миллер А.Е., Давиденко Л.М.</i> Разработка концепции управления научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции российских предприятий нефтеперерабатывающей, нефтехимической промышленности	12
<i>Тарануха Ю.В.</i> О периодизации развития теории отраслевых рынков.....	23

Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика

<i>Ермакова М.Л.</i> Современные тенденции развития трудовых отношений в России.....	38
<i>Кортенко Л.В.</i> Информационные системы управления оперативной производственной безопасностью горных предприятий	48
<i>Пеша А.В., Шавровская М.Н., Николаева М.А.</i> Ассесмент-центр компетенций онлайн: возможности и методология	56
<i>Половинко В.С., Арбуз А.В., Диннер И.В.</i> Противоречия в процессе профессионального самоопределения: оценка и методы регулирования	69
<i>Терентьева А.Р.</i> Исследование влияния организационных аспектов на обеспечение экономической надежности промышленных предприятий.....	80

Региональная экономика и управление публичной сферой

<i>Климова Ю.О.</i> Источники формирования бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности	93
<i>Маленова А.Ю., Федотова Е.Е.</i> Субъективное благополучие студенческой молодежи с разным уровнем дохода.....	107
<i>Румянцев Н.М.</i> Активизация инвестиционной деятельности региона в условиях пост-пандемии.....	117
<i>Фомина Ю.А., Катунина И.В.</i> Факторы успеха социального предпринимательства в сфере образования и просвещения Европейского Союза	131

Информация для авторов	144
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Economics", 2021, Vol. 19, no. 2

Economics and financial policy

<i>Biryukov V.V.</i> Ideas, interests and industrial policy	5
<i>Miller A.E., Davidenko L.M.</i> Development of the management concept of scientific, technological and financial risks of technological integration of Russian companies in the oil refining, petrochemical industries	12
<i>Taranukha Yu.V.</i> On the periodization of industrial organization theory.....	23

Management and marketing: theory, methodology, practice

<i>Ermakova M.L.</i> Modern trends in the development of labor relations in Russia	38
<i>Kortenko L.V.</i> Information systems for managing operational production safety of mining enterprises	48
<i>Pesha A.V., Shavrovskaya M.N., Nikolaeva M.A.</i> Opportunities and methodology of competence assessment center in online format	56
<i>Polovinko V.S., Arbuz A.V., Dinner I.V.</i> Contradictions in the process of professional self-determination: assessment and methods of regulation	69
<i>Terenteva A.R.</i> Study of the impact of organizational aspects on ensuring the economic reliability of industrial enterprises	80

Regional economy and management of the public sphere

<i>Klimova Yu.O.</i> Sources of budget formation of the foundations supporting scientific, scientific-technical and innovative activities	93
<i>Malenova A.Yu., Fedotova E.E.</i> Subjective well-being of students with different levels of income	107
<i>Rumyantsev N.M.</i> Increasing the investment activity of the region in the conditions of post-pandemic	117
<i>Fomina Yu.A., Katunina I.V.</i> Success factors of social entrepreneurship in the field of education and enlightenment of the European Union	131

<i>Information for authors</i>	144
---	-----

УДК 338.2

JEL: D02, D83, D91, E71, Z10

DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(2).5-11

ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

В.В. Бирюков

Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
22 декабря 2020 г.

Дата принятия в печать
8 февраля 2021 г.

Тип статьи

Обзорная статья

Ключевые слова

Промышленная политика, ценности, идеи, интересы

Аннотация. Рассматриваются вопросы интерпретации роли идей и интересов в осуществлении промышленной политики в контексте происходящего методологического поворота в экономической науке и формирования идеационного подхода. Для разработки реалистичного видения процессов реализации промышленной политики предлагается пересмотреть концептуальное ядро различных теорий экономического мейнстрима, в которых абсолютизируется значимость экономических интересов в результате опоры на методологический индивидуализм. Показано, что складывающееся в последние годы идеационное направление в исследовании экономики и промышленной политики предполагает использование конструктивистской методологии понимания субъекта экономики как носителя и создателя экономических ценностей, на основе которых конструируются экономические идеи. Это позволяет рассматривать интересы как разновидность идей, которые возникают эндогенно из нормативных и казуальных представлений; в результате интернализации они оказывают причинное воздействие на выбор модели промышленной политики и траектории экономических изменений. Показана необходимость смены сложившейся парадигмы промышленной политики на основе отказа от устаревшей неоллиберальной модели, вызвавшей глубокие структурные диспропорции и социально-экономические противоречия. В качестве альтернативы предполагается создание инклюзивной модели, формирующей условия для более справедливого и устойчивого развития экономики в результате изменения доминирующего экономического мировоззрения и идеологии, конструирования новых ценностных представлений, приоритетов и методов промышленной политики.

IDEAS, INTERESTS AND INDUSTRIAL POLICY

V.V. Biryukov

Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Article info

Received
December 22, 2020

Accepted
February 8, 2021

Type paper

Review

Keywords

Industrial policy, values, ideas, interests

Abstract. The article deals with the interpretation of the role of ideas and interests in the implementation of industrial policy in the context of the ongoing methodological turn in economics and the formation of an ideational approach. To develop a realistic vision of the processes of implementing industrial policy, it is proposed to revise the conceptual core of various theories of the economic mainstream, in which the importance of economic interests is absolutized as a result of relying on methodological individualism. It is shown that the ideational trend that has been developing in recent years in the study of economics and industrial policy involves the use of a constructivist methodology for understanding the subject of the economy as a carrier and creator of economic values, based on which economic ideas are constructed. This allows considering interests as a variety of ideas that arise endogenously from normative and casual representations; as a result of internalization, they have a causal effect on the choice of the model of industrial policy and the trajectory of economic changes. The article shows the need to change the existing paradigm of industrial policy based on the rejection of the outdated neoliberal model, which caused deep structural imbalances and socio-economic contradictions. As an alternative, it is proposed to create an inclusive model that creates conditions for more equitable and sustainable economic development as a result of changing the dominant economic worldview and ideology, constructing new value concepts, priorities, and methods of industrial policy.

1. Введение. Складываются сегодня в условиях четвертой промышленной революции новые драйверы радикальных перемен в современной экономике обуславливают настоятельную необходимость переосмысления доминирующих подходов в проведении промышленной политики и выработки адекватной реалиям модели ее реализации. В условиях интенсивных процессов трансформации сегодня всё больше стран осуществляют поиск новых решений в области структурной политики. Последнюю в мировом экономическом сообществе принято рассматривать как индустриальную политику, т. е. промышленную политику в широком смысле слова (*industrial policy*).

В последние годы в рамках возникшего в конце прошлого века методологического поворота в анализе промышленной политики формируется новая волна исследований, сторонники которой фокусируют внимание на том, что для разработки реалистичного видения механизмов ее проведения требуется пересмотр концептуального ядра сложившихся в рамках современного экономического мейнстрима разнообразных исследовательских подходов. Сложный и противоречивый процесс трансформации экономической науки, происходящий в результате ухода гегемонии позитивистско-философских идей, способствовал тому, что сегодня теория рационального выбора, образующая ядро современного плюралистического мейнстрима, уже часто понимается как нормативная, предписывающая, а не дескриптивная. Это позволяет разрабатывать различные концепции, связанные с попытками учета влияния разнообразных факторов на развитие экономических процессов; однако, по-прежнему открытым остается вопрос о том, могут ли люди действовать так, как должны согласно теории рационального выбора [1].

Важное значение в формировании нового концептуального ядра изучения экономики и экономической политики сегодня приобретает идеационный подход, который ориентирован на пересмотр традиционных представлений о роли частных интересов и идей в конструировании экономических процессов, что позволяет существенно изменить пространство выбора экономических стратегий. В современных политико-экономических моделях, как отмечает Д. Родрик, «идеям» не придается особого значения. Во многих теориях выбора экономической политики основополагающая роль при-

надлежит частным интересам (*vested interests*): акторы и лоббистские группы, движимые частными интересами, стремятся их реализовать за счет общества в целом и получить ренту. Интерпретация ключевых проблем экономического развития и экономической политики сегодня осуществляется обычно на основе силы частных интересов. Для содержательного описания экономических действий индивидуальных и коллективных субъектов следует учитывать их экономические интересы; однако при этом важно осознать и признать изменчивость интересов [2, с. 22–23].

Сторонники смены парадигмы изучения процессов развития экономики и промышленной политики исходят из того, что происходящие радикальные изменения в современной экономике порождают качественно новые вызовы, для ответов на которые необходима разработка новых экономических концепций, ориентированных на формирование инклюзивной модели устойчивого развития [3, с. 26]. В связи с этим весьма актуальным становится исследование проблемы роли идей и интересов в конструировании экономических процессов, а также в выборе приоритетов и методов промышленной политики.

2. Обзор литературы. Складываются в последние годы концептуальное переосмысление роли ключевых факторов в формировании промышленной политики опирается на представления сторонников идеационного поворота, который возник в конце прошлого века и способствовал становлению авторитетного направления в политической науке [4]. В рамках данного направления указывается на то, что политическая система формируется совокупностью идей и системы норм. При этом отмечается, что идеи способны реально воздействовать на характер и динамику национальных и глобальных политических процессов, когда разделяются многими людьми и становятся интересубъективными, что сопровождается формированием институционализированных практик.

Следует отметить, что на важную роль идей в социально-экономическом развитии общества указывали многие известные экономисты еще в период становления мейнстрима современной экономической науки – Дж.М. Кейнс, Ф.А. Хайек и др. В последние годы усиливается внимание к анализу роли когнитивной компоненты и нематериальных факторов в конст-

руировании экономических процессов; на данной основе сложились значительные концептуальные расхождения в понимании взаимосвязи идей и интересов, а также их роли в осуществлении экономической политики и институциональных изменений [5]. В отличие от доминирующего в рамках экономического мейнстрима неинституционального подхода к анализу экономики и экономической политики, сегодня формируется идеационный подход, который ориентирован на рассмотрение не только институтов, но и идей в качестве значимых причин экономических изменений, что способствует появлению нового концептуального ядра изучения экономики и промышленной политики [2; 3; 6].

Сложившаяся упрощенная трактовка роли идей в развитии экономики и осуществлении промышленной политики способствует тому, что в современных политико-экономических моделях пространство экономических стратегий произвольным образом ограничивается. Однако новые идеи, связанные с изменением подходов к решению проблем проведения экономической политики, могут рассматриваться как экономико-политические инновации. Учитывая значимость идей, можно более содержательно интерпретировать как процессы политико-экономического застоя, так и позитивные перемены в политико-экономической жизни. Исходя из этого можно объяснить то обстоятельство, что на практике экономические реформы, которые раньше блокировали правящие группы, при изменении модели проведения оказываются им выгодны и получают существенную поддержку [2, с. 23, 29].

3. Гипотеза и методы исследования. Для разработки реалистичного видения механизмов проведения промышленной политики важно учитывать, что концептуальное построение сложившихся в рамках экономического мейнстрима разнообразных конкурирующих исследовательских подходов формируется на основе методологического индивидуализма. Опора на данную методологию предполагает, что интересы и предпочтения субъектов рассматриваются как данные, экономические идеи являются следствием корыстных интересов и их разновидностью. Утвердившийся неинституциональный мейнстрим исходит из моноказуального видения проблемного поля, в рамках которого институты определяют значимость идей и идеологий; ему также присущи и дру-

гие системные изъяны, на которые всё чаще указывают экономисты.

Складывающееся в последние годы идеационное направление в исследовании экономики и промышленной политики основывается на конструктивистской методологии. Его сторонники отказываются от методологии индивидуализма и холизма. Социальный конструктивизм, исходя из достижений и ограничений социологического реализма и номинализма, предлагает стратегию, которая опирается на признание intersubъективной природы социальной реальности и ориентирует на изучение поведения субъектов, которые включены в социокультурную систему, обладают культурно-ценностными ориентациями и на основе формирования совместного знания достигают согласия о ценностях. Использование конструктивистской логики ориентирует на поиск более содержательного понимания роли в развитии экономики и проведении промышленной политики таких экономико-культурных феноменов, как экономические идеи, идеологии и интересы.

4. Результаты исследования. Парадигмальный пересмотр представлений о процессах осуществления промышленной политики и проблемном поле исследования предполагает рассмотрение субъектов экономики как обладающих экономической культурой, что позволяет с помощью конструктивистской логики объяснять экономическое поведение людей, устранив крайности методологий индивидуализма и холизма. В рамках каждого экономико-временного контекста особенности экономической деятельности людей и их взаимодействий определяются сложившимися у них экономической культурой и экономическими ценностями, которые образуют ядро экономической культуры и в определенной мере соответствуют экономической реальности [6].

В сложившихся сегодня моделях и концепциях экономического мейнстрима не учитывается огромное разнообразие способов, которыми в экономическую деятельность людей включается ценностная составляющая [7, с. 59]. Экономические идеи, связанные с выбором тех или иных экономических действий и форм экономических взаимодействий, появляются на основе экономико-ценностного осмысления деловой среды с помощью сложившихся ментальных конструкций. Прошедшие фильтрацию и превратившиеся в убеждения экономи-

ческие идеи определяют экономические интересы, цели и общую логику экономического поведения. Сегодня в условиях происходящей четвертой промышленной революции, вызванной сменой технико-экономической парадигмы, конкуренция промышленных предприятий превращается в конкуренцию экономико-инновационных идей, на основе которых создаются инновационные проекты и программы. При этом ошибочные идеи становятся ключевой причиной появления неудачных результатов, а реалистичные идеи приводят к экономическому успеху.

Сегодня та промышленная политика, которую предлагают проводить сторонники экономического мейнстрима, концентрируется на ценностно-нейтральном ее понимании и рассмотрении процедурно-инструментальных аспектов ее реализации. Однако важно учитывать, что поведение представителей государственного менеджмента и хозяйствующих субъектов определяется особенностями сложившейся у них экономической культуры. Последняя выступает такой частью национальной культуры, которая является и составной частью экономической реальности. Экономико-культурные феномены (экономические ценности, идеи, идеологии, мифы и др.) формируют определенные экономико-мировоззренческие позиции и становятся внутренними мотивами экономической деятельности людей, если люди убеждены в их значимости. В экономическом мировоззрении людей особое место занимают экономические идеологии, выражающие ключевые особенности сложившейся экономической культуры общества и экономической деятельности людей. Они характеризуют обобщенные представления о построениях экономики, базовых правилах экономического поведения людей и основополагающих ценностях.

Особенности конструирования промышленной политики определяются своеобразием процесса взаимодействий акторов, обладающих разными материальными и нематериальными ресурсами. При этом доминирующие группы обычно стремятся в ходе столкновения экономических идеологий и обмена мнениями на основе достижения некоторого баланса экономических ценностей утвердить в качестве общепринятой предпочтительную конвенциональную модель промышленной политики, которая может в разной степени соответствовать реальности и благоприятствовать развитию эконо-

мики. Общепризнанные идеи и ценности экономической идеологии доминирующих групп становятся когнитивными механизмами и фильтрами осмысления меняющейся реальности, а также пространства выбора легитимных стратегий промышленной политики. Сегодня наблюдается усложнение содержания экономических идеологий и использование более разнообразных способов легитимации. Радикальные перемены в формировании коммуникативных каналов, связанные с резким возрастанием роли Интернета и цифровых технологий, вызвали создание платформ и систем, в которых происходит конструирование, обмен и распространение ценностей. «Предлагая совершенно новый канал восприятия мира и взаимодействия с ним, они становятся одной из самых мощных преобразующих мир технологий Четвертой промышленной революции» [8, с. 205].

В отличие от традиционной ценностно-нейтральной парадигмы изучения промышленной политики, предлагаемый ценностно-ориентированный подход исходит из того, что успешность проведения промышленной политики в одних странах и неудачи ее реализации в других во многом объясняются особенностями сложившихся ценностно-нормативных компромиссов, которые обуславливают своеобразие структурирования экономических интересов, характер, направление и рамки изменений инструментов промышленной политики, регулирующих движение ресурсно-финансовых потоков. В системе факторов, определяющих конструирование модели промышленной политики, экономические идеи, связанные с формированием ценностно-нормативного компромисса, не являются единственной переменной, но они занимают центральное место и задают пространство выбора экономических приоритетов, а также побудительных и принудительных методов регулирования промышленных предприятий, порождающих благоприятное или неблагоприятное состояние деловой среды. Рассмотрение экономических интересов как разновидности идей позволяет пересмотреть традиционный подход к интерпретации роли частных интересов в реализации промышленной политики и проведении институциональных изменений. Согласно данному подходу реформы должны происходить в соответствии с частными интересами; если они происходят вопреки этим интересам, то эконо-

мические преобразования их не затронули. Однако часто экономические преобразования осуществляются успешно, когда для реализации частных интересов применяются более адекватные реальности стратегии и эти интересы пересматриваются [2, с. 40–41].

В последние три десятилетия основной тренд трансформации мировой экономики определялся реализацией неолиберального проекта, опирающегося на распространение иллюзий построения мирового порядка всеобщего благополучия. Однако осуществление данного проекта вызывало рост несправедливости, бедности и неравенства в мире, сокращение в экономике доли малого и среднего бизнеса, а также вымывание среднего класса. Как констатируют аналитики компании *Edelman*, раньше экономический рост способствовал поддержанию доверия к социальным институтам, но усиление несправедливости институциональных систем вызвало другой тренд. Так, в конце 2019 г. больше, чем у половины населения мира, в том числе во многих развитых странах Европы и в России, сложилось мнение, что капитализм в его нынешнем виде приносит больше вреда, чем пользы. Наименее справедливым люди считают институт власти: 57 % населения в мире были уверены, что правительство служит интересам лишь отдельной группы лиц, и лишь 30 % полагали, что правительство служит интересам всех¹. Это породило глубокие перемены в общественном сознании и массовые протесты 2019–2020 гг., запускающие глобальные процессы деинституционализации.

Критики неолиберального проекта справедливо указывают на то, что еще до пандемии явно обнаружился его кризис и ограниченная способность решать проблемы, которые порождает меняющаяся глобальная ситуация, поскольку не были устранены фундаментальные причины предшествующего глобального финансово-экономического кризиса. Влияние неолиберальной идеологии на экономическую политику не было преодолено; слишком многие сделали свое богатство за счет эксплуатации других, а не за счет создания богатства. В связи с этим глобализация не стала инклюзивной. Пандемия с ее далеко идущими последствиями, накладываясь на глобальные процессы смены технико-экономической парадигмы, выступила детонатором кризиса. Во многих странах, охваченных пандемией, временные огра-

ничения гражданских свобод могут сохраниться и после ее преодоления [3; 9]. Это порождает угрозы повышения роли информационных, цифровых и эпидемиологических технологий в усилении контроля над людьми при проведении промышленной политики.

Кризис неолиберальной модели обуславливает необходимость коренного поворота в промышленной политике на основе отказа от устаревшей парадигмы видения экономической реальности. Выработка адекватного ответа на новые вызовы требует реализации проектов консолидации сил, ориентированных на изменение парадигмы развития мирового сообщества. В качестве альтернативы неолиберальной политике, вызвавшей глубокие структурные диспропорции и социально-экономические противоречия в результате утверждения доминирующей роли крупных корпораций и ключевых участников финансовых рынков, сегодня всё больше внимания обращается на необходимость создания модели инклюзивного капитализма, формирующей условия для более справедливого и устойчивого развития экономики.

Сложившиеся сегодня стратегические угрозы и вызовы порождают настоятельную потребность смены исчерпавшей свой потенциал устаревшей модели развития российской экономики, обуславливающей в последнем десятилетии в результате дисбаланса общенациональных и частных интересов развитие стагнационных и конфронтационных процессов, ухудшение конкурентных позиций страны в мировой экономике, отток человеческого и финансового капитала, снижение реальных доходов населения и концентрацию национального капитала у узкой группы лиц. Вместе с тем опора государственного менеджмента на основанную на дефиците «горизонта» миропонимания неолиберальную парадигму не позволяет осмысливать системную природу трансформаций, которые требуется реализовать для радикального изменения ситуации к лучшему за счет реализации мер, направленных на защиту национальных экономических ценностей и интересов и выхода на траекторию справедливого и сбалансированного развития.

Мировой опыт свидетельствует о том, что если государство ставит задачи перехода на траекторию успешного развития страны, то неизбежно возникает потребность ее решения на основе отказа от применения модели промышленной политики, не обеспечивающей форми-

рование благоприятной деловой среды и способствующей доминированию рентоориентированных мотивов над инновационным. Выработка ответа на новые угрозы требует реализации альтернативных идей и проектов, способствующих укреплению экономического суверенитета, осуществлению адекватных изменений в доминирующем мировоззрении и ценностно-нормативных основах общества, конструированию с учетом парадигмальных перемен инклюзивной модели промышленной политики, обеспечивающей справедливый доступ к ресурсам и реализации стратегических преимуществ страны на основе сбалансированности интересов. Смена парадигмы развития национальной экономики не означает выбор «правильной» модели (потому что ее не существует), она предусматривает конструирование такой модели, которая соответствует условиям развития национальной экономики, национальным ценностям и целям. Экономическая реальность, ценности и цели меняются, и представления об экономике должны трансформироваться [10, p. 19–20].

5. Заключение. Сложившиеся теории экономического мейнстрима исходят из абсолютизации роли частных интересов в конструировании экономических процессов и реализации промышленной политики. Преодоление системных изъянов концептуальных подходов к разработке промышленной политики предполагает отказ от методологического индивидуализма, лежащего в ее основании и оправ-

дывающего общезначимость процессов конструирования неолиберальной модели. Использование конструктивистской логики позволяет более содержательно изучать развитие экономики, процессы формирования приоритетов и методов промышленной политики, рассматривая интересы как разновидность идей, которые возникают эндогенно из экономико-культурных представлений (ценностей, идеологий, мифов и др.).

Выработка ответа на стратегические вызовы должна базироваться на формировании новых ценностных установок промышленной политики и регуляторах выстраивания технико-экономических связей. Признание особой значимости идей позволяет пересмотреть роль частных интересов в выборе промышленной политики. Если результаты промышленной политики интерпретируются исходя из неизменной структуры экономических интересов, то нет смысла давать рекомендации. Они могут выступать лишь в виде идеологической ширмы частных интересов, применяемой, чтобы «подсластить пилюлю» публике, наблюдающей грубое использование властных ресурсов [2, с. 41].

Примечание

¹ Edelman Trust Barometer 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020_01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

Литература

1. Хендс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 52–75. – DOI: 10.32609/0042-8736-2012-10-52-75.
2. Родрик Д. Когда важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики. – 2015. – № 1. – С. 22–44. – DOI: 10.32609/0042-8736-2015-1-22-44.
3. Колодко Гж. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. – 2020. – № 5. – С. 25–44. – DOI: 10.32609/0042-8736-2020-5-25-44.
4. Алексеева Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – № 1. – С. 4–21.
5. Тамбовцев В. Л. Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 26–45. – DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-26-45.
6. Бирюков В. Ценности, институты и экономическое развитие // Общество и экономика. – 2020. – № 4. – С. 5–24. – DOI: 10.31857/S020736760009149-2.
7. Ставерен И. ван. Этика эффективности // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 58–71. – DOI: 10.32609/0042-8736-2009-12-58-71.
8. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. – М. : Эксмо, 2016. – 208 с.

9. Stiglitz J. E. People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent. – New York ; London : W.W. Norton, 2019. – 366 p.
10. Raworth K. Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21-st Century Economist. – Vermont : Chelsea Green Publishing, 2017. – 320 p.

References

1. Hands U. Normative Rational Choice Theory: Past, Present, and Future. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 52-75. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-10-52-75. (in Russian).
2. Rodrik D. When ideas trump interests: Preferences, Worldviews, and Policy innovations. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 1, pp. 22-44. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-1-22-44. (in Russian).
3. Kolodko Gr.W. After. Economics and politics of the post-pandemic world. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 25-44. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-5-25-44. (in Russian).
4. Alexeyeva T.A. Think like constructivist: Discovering a polyphonic world. *Comparative Politics Russia*, 2014, no. 1, pp. 4-21. (in Russian).
5. Tambovtsev V.L. Ideas and interests, economic policy and institutions. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 5, pp. 26-45. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-26-45. (in Russian).
6. Biryukov V. Values, institutions, and economic development. *Society and Economics*, 2020, no. 4, pp. 5-24. DOI: 10.31857/S020736760009149-2. (in Russian).
7. Staveren I. van. Ethics of Efficiency. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 12, pp. 58-71. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-12-58-71. (in Russian).
8. Schwab K., Davis N. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Moscow, Eksmo publ., 2016. 208 p. (in Russian).
9. Stiglitz J.E. *People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent*. New York, London, W.W. Norton publ., 2019. 366 p.
10. Raworth K. *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21-st Century Economist*. Vermont, Chelsea Green Publishing, 2017. 320 p.

Сведения об авторе

Бирюков Виталий Васильевич – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления персоналом
 Адрес для корреспонденций: 644105, Россия, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2А
 E-mail: sciencebv@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3385-3603
 Scopus AuthorID: 56808949700
 РИНЦ AuthorID: 646839; SPIN-код: 7962-4150

About the author

Vitaly V. Biryukov – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economy and Personnel Management
 Postal address: 2A, 4-ya Chelyuskintsev ul., Omsk, 644105, Russia
 E-mail: sciencebv@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-3385-3603
 Scopus Author ID: 56808949700
 RSCI AuthorID: 646839; SPIN-code: 7962-4150

Для цитирования

Бирюков В. В. Идеи, интересы и промышленная политика // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 5–11. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).5-11.

For citations

Biryukov V.V. Ideas, interests and industrial policy. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 5-11. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).5-11. (in Russian).

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ И ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ, НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

А.Е. Миллер¹, Л.М. Давиденко²

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

² Инновационный Евразийский университет (Павлодар, Казахстан)

Информация о статье

Дата поступления
2 февраля 2021 г.

Дата принятия в печать
1 марта 2021 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Научно-технологические риски, финансовые риски, технологическая интеграция, «зеленые финансы», искусственный интеллект

Аннотация. Раскрыты концептуальные подходы в области риск-менеджмента технологической интеграции. Теоретические положения и выводы касаются комплекса экологических, технологических, финансово-экономических мер по минимизации влияния научно-технологических и финансовых рисков технологической интеграции предприятий нефтепереработки и нефтехимии (открытие технологических испытательных полигонов с целью тестирования наукоемких и перспективных технологий производства нефтепродуктов, тонкой химии, катализаторов технологических процессов). Показана динамика отечественного нефтяного рынка, которая целиком зависит от волатильности цен на углеводороды и общего спада мировой экономики. В качестве меры по преодолению технологического отставания, увеличению глубины переработки сырья на отечественных предприятиях определен поиск новых способов получения катализаторов посредством развития института стейкхолдерских отношений и совершенствования системы управления научно-технологическими рисками. Подчеркивается, что сочетание преимуществ внутреннего и внешнего роста способствует наращиванию инновационного потенциала российских нефтегазовых компаний, являясь важным стимулом при заключении сделок по объединению капитала связанных производств, поддержки системы образования, здравоохранения, национальных культурных традиций населения в регионах присутствия нефтеперерабатывающих и нефтехимических компаний. Раскрывается перспективность проектов международной технологической интеграции с непосредственным участием российских хозяйственных субъектов, в числе которых инновационные проекты на рынке ЕАЭС, привлечение выгодных источников кредитования по линии green finance. В качестве элементов концепции управления рисками выделены такие научные подходы, как открытая система «пространства корпоративной интеграции», инновационность интеграционной стратегии, экономика знаний, интеллектуализация производства. Подчеркивается высокое значение искусственного интеллекта в системе риск-менеджмента современной компании.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00081.

DEVELOPMENT OF THE MANAGEMENT CONCEPT OF SCIENTIFIC, TECHNOLOGICAL AND FINANCIAL RISKS OF TECHNOLOGICAL INTEGRATION OF RUSSIAN COMPANIES IN THE OIL REFINING, PETROCHEMICAL INDUSTRIES

A.E. Miller¹, L.M. Davidenko²

¹ Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

² Innovative University of Eurasia (Pavlodar, Kazakhstan)

Article info

Received
February 2, 2021

Accepted
March 1, 2021

Type paper

Research paper

Abstract. The article reveals conceptual approaches in the field of risk management of technological integration. The theoretical provisions and conclusions suggest a complex of environmental, technological, financial, and economic measures to minimize the impact of scientific, technological, and financial risks of technological integration of oil refining and petrochemical enterprises (for example, opening technological test sites to test science-intensive and promising technologies for the production of oil products, fine chemicals, catalysts technological processes). There are shown dynamics of the domestic oil market which entirely depends on the volatility of prices for hydrocarbons and the general recession of the world economy. The search for new methods of obtaining catalysts, the development of the institution of stakeholder relations, and the improvement of the scientific and technological risk manage-

ment system are named as a measure to overcome the technological backwardness, increase the depth of processing of raw materials at domestic enterprises. The combination of the benefits of internal and external growth contributes to building the innovative potential of Russian oil and gas companies. This is an important incentive when concluding deals on pooling the capital of related industries, supports the education system, healthcare, national cultural traditions of the population in the regions where oil refining and petrochemical companies are present. The prospects of international technological integration projects with the direct participation of Russian business entities are revealed, including innovative projects on the EAEU market, attracting profitable sources of credit through "green finance". The following scientific approaches are highlighted as elements of the risk management concept: an open system of "corporate integration space", innovativeness of the integration strategy, knowledge economy, intellectualization of production. There is emphasized high importance of artificial intelligence in the risk management system of a modern company.

Keywords

Scientific and technological risks, financial risks, technological integration, "green finance", Artificial Intelligence

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-010-00081.

1. Введение. хозяйственные субъекты нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплексов страны составляют фундамент для экономического роста и наращивания научно-технологических преимуществ России и ее партнеров по экономической деятельности. Сложность и специфика организации производства, межотраслевая направленность конечной продукции требуют систематизации концептуальных основ управления рисками. Поиск внутренних источников и нивелирование сопутствующих технологическому росту рисков входят в число первоочередных задач становления отечественной промышленности нового поколения, связанной с безопасным производством, высокими экологическими стандартами, внедрением искусственного интеллекта. По этим причинам существенную часть рисков в области технологической интеграции можно классифицировать в виде совокупности научно-технологических и финансовых рисков, которые напрямую и косвенно связаны с категорией научно-технических рисков. В условиях волатильности нефтяного рынка и сложной эпидемиологической ситуации в мире потеря спроса для российского нефтегазового комплекса составила около 17 млн т углеводородов, что в долгосрочной перспективе может отразиться на уровне 85 % загрузки мощностей в отрасли¹. Учитывая актуальность технологической стратегии интеграции производственных структур, в рамках которой разрабатываются универсальные программы в ответ на технологические вызовы, сфокусируем внимание на поиске концептуальных основ управления научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции российских предприятий нефтеперерабатывающей, нефтехимической промышленности.

2. Обзор литературы. Несмотря на падение темпов роста мировой экономики, для предприятий нефтепереработки и нефтехимии складывается благоприятная обстановка, которая служит основанием в продвижении технологических моделей поведения компаний нефтяного сектора, в том числе путем разработки и внедрения интеллектуальных моделей управления связанными производствами. Именно в этом аспекте активизировались методы и приемы технологической интеграции отраслевых и межгосударственных партнерств. Каждая из отраслей экономики проходит определенные стадии жизненного цикла – от зарождения до старения, чтобы продлить временной интервал между ними, ученые исследуют возможные точки роста, одной из которых можно назвать специализацию на цикле создания новой ценности, предлагаемую научной школой Санкт-Петербургского государственного экономического университета. А.Е. Карлик, В.В. Платонов, М.В. Тихонова, О.С. Павлова разработали инструменты межфирменной кооперации, в которой изначально фигурируют субъекты и объекты технологической интеграции. С большой долей уверенности можно сказать, что предлагаемый инструментальный поможет активизировать технологическое развитие отечественных компаний, представляющих опору национального благосостояния [1]. Для российской экономики предприятия нефтегазодобычи, переработки, нефтехимии являются системообразующими компаниями. Изучение специфики формирования технологических партнерств в нефтяном секторе, проводимое исследователями научной школы Ухтинского государственного технического университета О.В. Андруховой и С.В. Размановой, способствует росту рентабельности производственно-хозяйствен-

ной деятельности нефтегазовых и нефтехимических холдингов [2]. Говоря о перспективах развития этого сектора экономики, важно реально оценивать его позиции в конкурентной среде. Нефтегазохимия должна стать технологическим направлением национальной экономики, поэтому представляется важной активизация именно технологической составляющей в общей системе управления промышленными компаниями.

По мнению экономистов К. Шваба и П. Ванхама, то, что когда-то считалось внешними факторами при разработке национальной экономической политики и принятии индивидуальных корпоративных решений, теперь необходимо будет включать или интегрировать в деятельность правительства каждого государства, компании, сообщества и отдельных лиц [3]. Общечеловеческие ценности по сохранению экосистемы в рамках планетарного масштаба ложатся в основу института стейкхолдерских отношений. В этом ракурсе управление научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции промышленных компаний является центральным звеном при разработке и принятии управленческих решений в области науки и инноваций.

3. Гипотеза и методы исследования. В настоящее время менеджмент научно-технологических и финансовых рисков технологической интеграции как никогда нуждается в логическом переосмыслении и адаптации к кризисной ситуации во всех сферах общественной

жизни. Предлагаемые концептуальные основы управления данными видами риска включают в себя обобщенные методы научного исследования, апробированные практикой функционирования отечественных и зарубежных интегрированных промышленных комплексов; принципы достоверности, объективности, причинно-следственной связи экономических явлений. Для исследования тенденций развития нефтяной отрасли используются методы экономико-статистического анализа (динамические ряды, структурный анализ), метод графической иллюстрации данных, выборочного наблюдения. Выработке концепции управления научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции российских предприятий нефтеперерабатывающей, нефтехимической промышленности способствует систематизация научных подходов и мер воздействия на риск.

4. Результаты исследования. Процесс технологической интеграции и глубокой переработки сырья ярко представлен российскими хозяйственными субъектами нефтепереработки и нефтехимии, ориентированными на добычу, переработку, сбыт углеводородов и продуктов из них. Динамичность отраслевого рынка полностью вошла в зависимость от волатильности цен на углеводороды и общий спад мировой экономики: добыча углеводородов снижается, а более половины объема добытых углеводородов направляется на переработку (рис. 1).

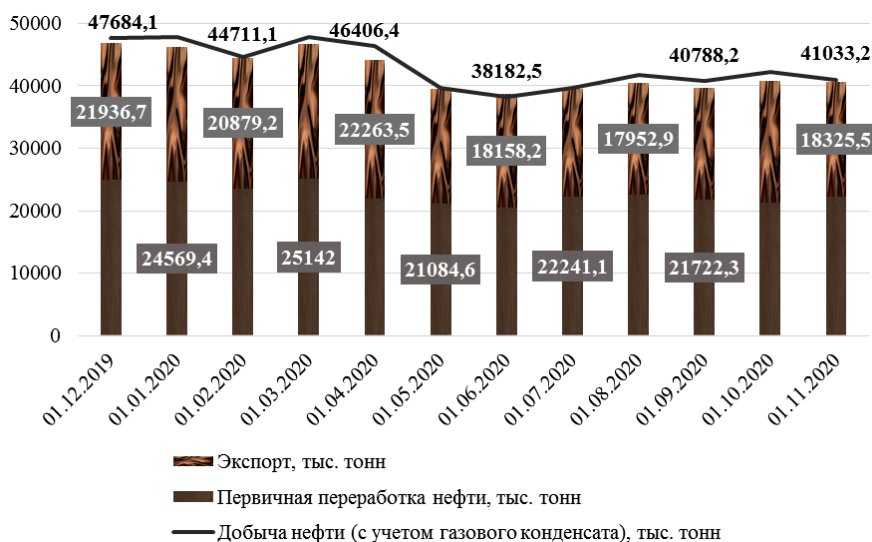

Рис. 1. Динамика добычи и переработки углеводородного сырья в России в 2020 г. (сост. по данным Министерства энергетики Российской Федерации (<https://minenergo.gov.ru/activity/statistic>))

Fig. 1. Dynamics of production and processing of hydrocarbons in Russia in 2020 (comp. based on data of the Ministry of Energy of the Russian Federation (<https://minenergo.gov.ru/activity/statistic>))

По состоянию на начало 2020 г. добычу нефти и газового конденсата (нефтяного сырья) осуществляли 292 организации, имеющие лицензии на право пользования недрами. В их состав вошли 105 организаций – структурных подразделений одиннадцати вертикально интегрированных компаний (далее – ВИНК), на долю которых приходится 84,7 % национальной нефтедобычи; 184 независимые добывающие компании, а также три компании, работающие на условиях соглашений о разделе продукции (операторы СРП)².

Основным видом сырья для нефтехимии выступает природный и попутный нефтяной газ, добычу которых на территории России осуществляет 251 предприятие, в том числе 80 субъектов, входящих в состав ВИНК (15 дочерних компаний в составе ПАО «Газпром», девять структурных подразделений ПАО «НОВАТЭК»); 144 независимые нефтегазодобывающие компании и три оператора СРП³. Эффективное управление интегрированными хозяйственными структурами основывается на выявлении и снижении влияния научно-технологических и финансовых рисков.

Наблюдения российских специалистов показывают, что с учетом возможного снижения количества нефти, поступающей на переработку, а также дальнейшего ухудшения ее качества, для обеспечения растущего спроса в сегменте светлых видов топлива особый акцент должен быть сделан на технологическую интеграцию в области совершенствования имеющихся и разработки новых процессов глубокой переработки вакуумных газойлей и других нефтяных остатков. Каталитический крекинг и гидрокрекинг являются основными процессами, разработанными специально с этой целью. Однако, большая часть наиболее востребованных типов катализаторов нефтепереработки производится за рубежом и концентрируется преимущественно в десяти ведущих компаниях, 53 % мирового рынка катализаторов обеспечивают немецкая корпорация *BASF Societas Europaea* (18,1 %), американский концерн *W.R. Grace and Company* (7,0 %), британская компания *Johnson Matthey* (5,9 %), американская группа *Albemarle Corp.* (9,3 %), датская компания *Haldor Topsoe* (3,0 %) и американская корпорация *Honeywell* (9,8 %) [4].

Практически полное отсутствие в технологическом процессе российских компаний катализаторов гидрокрекинга и гидроочистки,

а также обеспечение внутреннего рынка отечественными катализаторами флюид-каталитического крекинга (*FCC*) менее чем на 40 % объясняется длительной ориентацией на импорт катализаторов и отсутствие собственных разработок [4]. С целью преодоления технологического отставания отечественные компании ведут активный поиск новых способов получения катализаторов за счет развития института стейкхолдеров и совершенствования системы управления научно-технологическими рисками. В частности, ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть», ЗАО «Нижегородские сорбенты», АО «Всероссийский научно-исследовательский институт по переработке нефти» (АО «ВНИИ НП»), ФИЦ «Институт катализа СО РАН» (г. Новосибирск, г. Омск), ООО «РН-ЦИР» проводят совместные испытания отечественных катализаторов, в том числе для производства зимних (арктических) топлив и масел (рис. 2).

Представляя собой крупный и средний бизнес, компании нефтегазового сектора относятся к флагманам российской индустрии, сочетая преимущества внутреннего и внешнего роста для наращивания собственного инновационного потенциала. В 2019 г. из десяти крупнейших сделок на рынке *Mergers and Acquisitions (M&A)* шесть соглашений были заключены между хозяйственными субъектами нефтяной отрасли, а именно: состоялась обратный выкуп акций ПАО «ЛУКОЙЛ», продажа 6,5 % акций ПАО «Газпром», продажа китайским и японским партнерам доли ПАО «НОВАТЭК» в проекте «Арктик СПГ-2» (10 % – французская корпорация *Total S.A.*, 10 % – *China National Petroleum Corporation*, 10 % – *China National Offshore Oil Corporation*, 10 % – японский консорциум *Mitsui и Jorgmec*)⁴.

В действительности менеджмент российских нефтеперерабатывающих и нефтехимических компаний нацелен на создание международных образовательных платформ по подготовке кадров с учетом специфики организации производства, действующей системы образования, здравоохранения, национальных культурных традиций населения в регионах своего присутствия.

В качестве подходов к мультинациональной организации бизнес-процессов отечественными предприятиями адаптируется опыт развитых промышленных центров, каким является Антверпенский нефтехимический кластер,

открывший собственную платформу экспертов с целью организации технических тренингов в области механики, электротехники, эксплуатации контрольно-измерительных приборов и автоматики и технологического проектирования. В составе кластера успешно взаимодействуют четыре нефтеперерабатывающих завода – *Total S.A., Exxon Mobil Corporation, Gunvor*

Petroleum Antwerpen, ATPC (VTTi Group); три паровые крекинговые установки обеспечивают шаговую доступность сырьевых материалов и энергоресурсов⁵. Двигаясь в аналогичном направлении, российские компании способны в значительной мере снизить негативные последствия научно-технологических рисков в области технологической интеграции.

Рис. 2. Система управления научно-технологическими рисками. Производство катализаторов (с использованием [3])

Fig. 2. Scientific and technological risk management system. Catalyst production (by [3])

Введение санкционных ограничительных мер в области технологий способствовало поиску новых партнеров на растущих рынках по всей цепочке создания стоимости. В числе

прорывных проектов можно выделить следующие шаги международной технологической интеграции с прямым участием российских компаний:

– формирование Дорожной карты по обеспечению внедрения в нефтегазовую отрасль Республики Казахстан передового опыта ПАО «Татнефть»⁶;

– участие в создании и функционировании Международного центра развития нефтегазового машиностроения в Республике Казахстан⁷;

– открытие Института нефтегазовых технологических инициатив под эгидой ПАО «Газпром», ПАО «Газпром нефть», ПАО «СИБУР Холдинг», ПАО «Татнефть» с привлечением международных экспертов для разработки стандартов, аналогичных действующим стандартам Американского института нефти и Французского института нефти⁸.

Неоспорим факт, что эффективное управление интегрированными хозяйственными структурами невозможно без учета общих рисков, в числе которых инвестиционный, инфляционный, валютный, налоговый виды риска, риск возникновения неплатежеспособности хозяйственных субъектов в условиях введения карантинных мероприятий для снижения угрозы распространения пандемии.

Делая переход к системе управления финансовыми рисками технологической интеграции, считаем необходимым регулярно исследовать рискованные зоны, обусловленные глобальными вызовами экономического кризиса в нефтяном секторе мировой экономики, резким ухудшением экологической обстановки планетарного масштаба, а также ограничениями иностранного финансирования инновационных идей, технологий и разработок. Первые две из указанных зон риска носят глобальный характер и требуют межнационального регулирования. В последнем случае альтернативным ва-

риантом поддержки инновационной активности отечественных компаний выступают государственные программы.

Специфика отраслевой принадлежности нефтеперерабатывающих и нефтехимических компаний проявляется в экологической составляющей организации производственного процесса. Мировая практика предлагает форму «зеленого финансирования» в области структурирования финансовой деятельности для обеспечения лучших экологических результатов, представляющую собой набор долговых механизмов и инвестиций, которые используются для поощрения развития «зеленых» проектов или минимизации воздействия на климат традиционных проектов; к ним относятся инвестиционные проекты в областях возобновляемой энергетики и энергоэффективности, предотвращения и контроля за загрязнением природы, сохранения биоразнообразия, поддержания циркулярной экономики, устойчивого использования природных ресурсов. Данная форма финансирования инвестиционных проектов новая, поэтому статистика стран, открывающих доступ к национальным «зеленым кредитным линиям», показывает, что лишь 5–10 % от общего объема выданных банковских кредитов относятся к классу *green finance*⁹.

Растущий международный интерес к углублению технологических процессов, открытости экосистемы ведения бизнеса, технологическое развитие отраслей экономики, экономика знаний и интеллектуализация производства легли в основу формирования концептуальных подходов к управлению научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции (табл.).

Концептуальные подходы к управлению научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции

Conceptual approaches to managing scientific, technological and financial risks of technological integration

Меры воздействия на риск	Эмпирическая база (объект)	Источник
1. Системный подход к управлению технологической интеграцией через сложность и многокомпонентность открытой системы «пространства корпоративной интеграции»		
1.1. Нивелирование отрицательных последствий глобальных рисков в соответствии с принципами открытости экономической системы должно осуществляться внешними по отношению к проблемной системе субъектами, способными и заинтересованными в независимой оценке. Растущая роль институциональных стейкхолдеров	Правительственные структуры и органы власти (государства, местные сообщества); гражданское общество (профсоюзы, НПО, учреждения образования); компании (частный сектор, фрилансеры, крупные транснациональные корпорации); международное сообщество (международные организации, такие как ООН, а также региональные организации, такие как Европейский Союз, АСЕАН и др.)	[3]

Продолжение табл.
The continuation of Table

<i>Меры воздействия на риск</i>	<i>Эмпирическая база (объект)</i>	<i>Источник</i>
1.2. Нарращивание научно-исследовательского потенциала с целью выявления и количественной оценки кредитных и рыночных рисков, которые возникают с учетом экологических аспектов при оценке активов	Банки, институциональные инвесторы, управляющие фондами при реализации стратегии роста в различных вариантах волатильности либо экономической активности отраслевого рынка путем диверсификации портфеля и экологической / климатической обстановки (опыт стран Европейского Союза)	[5]
1.3. Разнообразие элементов управляющей системы не должно уступать многоплановости управляемого объекта. Выработка ключевых инструментов климатической политики путем раскрытия связанных с ухудшением климата финансовых рисков	«Климатическая инфраструктура» как новый класс активов. Формирование системы ценообразования на выбросы углерода в атмосферу в странах Восточной Азии и Африки	[6]
2. Инновационность интеграционной стратегии, ориентированной на технологический рост и использование результатов НИОКР		
2.1. Стратегическое управление и пространственное развитие экономики инноваций и окружающей среды	Система финансовых инструментов для решения проблем «климатически устойчивого» экономического роста «зеленой» экономики России с сохранением природных ландшафтов и наращиванием потенциала «экосистемных» услуг (кластерные структурные формирования России)	[7]
2.2. Интеграция производственных технологий порождает мультипликативную синергию в рамках международных проектов, таких как «Один пояс, один путь»	Компании стран ЕАЭС, китайские государственные предприятия, политические и коммерческие банки – участники <i>The Belt and Road Initiative (BRI)</i> . Механизмы привлечения инвестиций для финансирования научно-технологических исследований и прорывных проектов путем устранения внутренних системных рисков	[8; 9]
3. Экономика знаний с приращением человеческого капитала		
3.1. Стратегия управления человеческими ресурсами через стимулирование лидерских позиций, эмоциональную приверженность работников своей организации, расширение прав и возможностей персонала	Рабочие коллективы компаний, зарегистрированных и функционирующих на территории США	[10]
3.2. Разработка и внедрение эффективных поведенческих концепций в отношении потенциала человеческих ресурсов и стимулирование к развитию профессиональных навыков, в том числе «развитие талантов»	Поведенческие факторы, влияющие на политику «управления талантами». Общественные отношения в условиях глобальной рецессии, структурные изменения в экономике, ускоренное развитие автоматизации производства. Доля основных навыков и компетенций занятого на производстве персонала в ближайшие пять лет изменится на 40 %; доля сотрудников, которым потребуется переподготовка – 50 %. Доля опрошенных руководителей предприятий, которые намерены сократить рабочую силу – 43 %; доля руководителей, планирующих увеличить рабочую силу за счет интеграции технологий – 34 %	[11] ¹⁰
3.3. Система личностного доверительного управления персоналом	Организационная культура компаний, ориентированная на обмен знаниями и поддержку сотрудников, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях	[12]
3.4. Трансформация обучения персонала под воздействием «сетизации» и цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека	Кластеризация и стратификация российских образовательных технологий с формированием корпуса лидеров, ведущими силовыми центрами рынка в лице корпораций. Сохранение темпов устойчивого развития с высокой степенью «фрагментированности» рынка	[13]

Окончание табл.
The end of Table

<i>Меры воздействия на риск</i>	<i>Эмпирическая база (объект)</i>	<i>Источник</i>
4. Цифровизация производственных систем и интеллектуализация производства		
4.1. Построение «умных» систем управления предприятиями ТЭК	Разработка и внедрение компьютеризированной системы оценки текущего состояния сложной системы, формирование рекомендаций по ее совершенствованию на основании анализа показателей системы и подсистем	[14]
4.2. Оценка потенциала конкурентных резервов, определение вероятности неравномерного экономического развития в будущем, ограниченного возможностями предприятий ТЭК	Система совершенствования и повышения эффективности ТЭК на всех этапах производства, распределения и потребления электроэнергии	[15]
4.3. Цифровая трансформация на уровне отраслей	Внедрение технологий, изменяющих производственный цикл, начиная автоматизацией и заканчивая масштабным внедрением технологических решений по повышению производительности, оптимизации затрат, росту качества и надежности системы межхозяйственных отношений	[16]

5. Заключение. Глобальный кризис 2020 г., в отличие от предшествующих, затронул не только и не столько финансовый сектор, рынок технологий, сырьевой рынок, но и, главным образом, человеческий капитал. Менеджеры ведущих компаний вынуждены констатировать факт сжатия сроков и рост дефицита человеческих ресурсов для эффективной технологизации экономических процессов. Проведя данное исследование и обобщив концептуальные подходы к минимизации негативных последствий деформации мировой экономики, можно подчеркнуть незаменимую роль искусственного интеллекта, так как именно с его помощью в скором будущем представится возможность стандартизировать процессы риск-менеджмента, тем самым повысить эффективность функционирования промышленных предприятий. Действительно, менеджмент научно-технологических и финансовых рисков в рамках технологической интеграции может и должен пройти адаптацию к современной кризисной ситуации. В качестве рычага точечного воздействия рекомендуется рассматривать технологические ресурсы с применением искусственного интеллекта. С нашей точки зрения, в условиях пандемии особый стимул к развитию должны получить отечественные стартапы промышленного дизайна и инжиниринга, которые помогут дистанционно управлять технологическими процессами без нанесения ущерба подсистемам управления.

Примечания

¹ Статистика // Министерство энергетики Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://min-energo.gov.ru/activity/statistic>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Проект «Арктик СПГ 2» // ПАО «НОВАТЭК»: офиц. сайт. URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/>.

⁵ EuroChem Antwerpen, Antwerpen, Belgium: Official site. URL: <https://www.werkenbijeurochem.be/>.

⁶ «Татнефть» и «КазМунайГаз» подписали Дорожную карту сотрудничества // ПАО «Татнефть»: офиц. сайт. URL: <https://www.tatneft.ru/press-tsentr/press-relizi/more/7743?lang=ru>.

⁷ Международный центр развития нефтегазового машиностроения создаст 10 новых крупных производств по выпуску нефтегазового оборудования в РК // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. 2020. 10 дек. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/interviews/mezhdunarodnyy-centr-razvitiya-neftegazovogo-mashinostroeniya-sozdast-10-novyh-krupnyh-proizvodstv-povyusku-neftegazovogo-oborudovaniya-v-rk-1011354>.

⁸ ИНТИ и Росстандарт подписали соглашение о сотрудничестве // Институт нефтегазовых технологических инициатив: офиц. сайт. 29.01.2021. URL: https://inti.expert/news/inti_i_rosstandart_podpisali_soglashenie_o_sotrudnichestve/?sphrase_id=99.

⁹ Fleming S. What is green finance and why is it important? // World Economic Forum: Official site. Nov. 9, 2020. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/11/what-is-green-finance/>.

¹⁰ См. также: The Future of Jobs Report 2020 / World Economic Forum. October 2020. 162 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf.

Литература

1. Карлик А. Е., Платонов В. В., Тихонова М. В., Павлова О. С. Межфирменная кооперация как фактор промышленного развития в информационно-сетевой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 6 (126). – С. 7–14.
2. Андрухова О. В., Разманова С. В. Роль интеграционных структур в развитии отечественного нефтесервиса // Проблемы устойчивого развития в отраслевом и региональном аспекте : материалы междунар. науч.-практ. конф., 15 окт. 2020 г. : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Корякина. – Тюмень : ТИУ, 2020. – Т. 2. – С. 173–176.
3. Schwab K., Vanham P. Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. – Wiley, 2021. – 304 p.
4. Пинаева Л. Г., Доронин В. П., Белый А. С., Лавренов А. В., Капустин В. М., Носков А. С. Современные катализаторы нефтепереработки: научно-технический уровень и обеспечение российскими катализаторами предприятий топливно-энергетического комплекса России // Мир нефтепродуктов. – 2020. – № 2. – С. 6–15.
5. Leitao J., Ferreira J., Santibanez-Gonzalez E. Green bonds, sustainable development and environmental policy in the European Union carbon market // Business Strategy and the Environment. – 2021. – Vol. 30, iss. 4. – P. 2077–2090. – DOI: 10.1002/bse.2733.
6. Dafermos Ya., Gabor D., Michell J. The Wall Street Consensus in pandemic times: what does it mean for climate-aligned development? // Canadian Journal of development studies – 2021. – Vol. 4, iss. 1–2. – P. 238–251. – DOI: 10.1080/02255189.2020.1865137.
7. Tarkhanova E. A., Chizhevskaya E. L., Fricler A. V., Baburina N. A., Firtseva S. V. Green economy in Russia: the investments' review, indicators of growth and development prospects // Entrepreneurship and Sustainability Issues. – 2020. – Vol. 8. – Iss. 2. – P. 649–661. – DOI: 10.9770/jesi.2020.8.2(39).
8. He A. The Belt and Road Initiative: Motivations, financing, expansion and challenges of Xi's ever-expanding strategy // Journal of Infrastructure Policy and Development. – 2020. – Vol. 4. – Iss. 1. – P. 139–169. – DOI: 10.24294/jipd.v4i1.1180.
9. Miller A. E., Miller M. A., Davidenko L. M. Development of technological innovations in the frames of «One Belt and One Road Initiative» // North-East Asia Academic Forum (Publication of scientific articles). – 2018. – № 1 (13). – P. 55–58.
10. Kim M., Beehr T. A. Empowering leadership: leading people to be present through affective organizational commitment? // International Journal of Human Resource Management. – 2020. – Vol. 31. – Iss. 16. – P. 2017–2044. – DOI: 10.1080/09585192.2018.1424017.
11. Shahi T., Farroksheresht B., Taghipourian M. Ja., Aghajani H. A. Behavioral Factors Affecting Talent Management: Meta-Synthesis Technique // Iranian Journal of Management Studies. – 2020. – Vol. 13. – Iss. 1. – P. 117–137. – DOI: 10.22059/ijms.2019.283845.673684.
12. Rohman A., Eliyana A., Purwana D., Hamidah H. Individual and Organizational Factors' Effect on Knowledge Sharing Behavior // Entrepreneurship and Sustainability Issues. – 2020. – Vol. 8. – Iss. 1. – P. 38–48. – DOI: 10.9770/jesi.2020.8.1(3).
13. Шальнев О. Г. Современные форматы организации корпоративного обучения в условиях диджитализации промышленности // Организатор производства. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 34–43. – DOI: 10.25987/VSTU.2020.14.50.004.
14. Покушко М. В., Ступина А. А., Медина-Було И., Дресвянский Е. С. Исследование метода анализа среды функционирования и его применение для оценки эффективности предприятий топливно-энергетического комплекса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. – 2020. – Т. 5. – № 2 (16). – С. 251–262. – DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262.
15. Дзюба А. П. Тенденции и структурные особенности развития мирового топливно-энергетического комплекса // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: экономические науки. – 2020. – № 1 (23). – С. 53–66.
16. Lola I. S., Bakeev M. Pilot Study of Industry 4.0 and digital Technology Prevalence in Russian manufacturing Companies // Management and Production Engineering Review. – 2020. – Vol. 11. – Iss. 3. – P. 26–37. – DOI: 10.24425/mper.2020.134929.

References

1. Karlik A.E., Platonov V.V., Tikhonova M.V., Pavlova O.S. Inter-firm cooperation as a factor of industrial development in the network information economy. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 2020, no. 6 (126), pp. 7-14. (in Russian).
2. Andruhova O.V., Razmanova S.V. Rol' integratsionnykh struktur v razvitii otechestvennogo nefteservisa [The role of integration structures in the development of domestic oilfield services], in: Koryakina E.A. (ed.) *Problemy ustoichivogo razvitiya v otraslevom i regional'nom aspekte [Problems of sustainable development in sectoral and regional aspects]*, materials of international scientific and practical conference, October 15, 2020, in 2 volumes, Tyumen, Tyumen Industrial University publ., 2020, Vol. 2, pp. 173-176. (in Russian).
3. Schwab K., Vanham P. *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Wiley publ., 2021. 304 p.
4. Pinaeva L.G., Doronin V.P., Bely A.S., Lavrenov A.V., Kapustin V.M., Noskov A.S. Modern refining catalysts: scientific and technical level and providing Russian enterprises with catalysts fuel and energy complex of Russia. *World of Petroleum Products*, 2020, no. 2, pp. 6-15. (in Russian).
5. Leitao J., Ferreira J., Santibanez-Gonzalez E. Green bonds, sustainable development and environmental policy in the European Union carbon market. *Business Strategy and the Environment*, 2021, Vol. 30, iss. 4, pp. 2077-2090. DOI: 10.1002/bse.2733.
6. Dafermos Ya., Gabor D., Michell J. The Wall Street Consensus in pandemic times: what does it mean for climate-aligned development? *Canadian Journal of development studies*, 2021, Vol. 4, iss. 1-2, pp. 238-251. DOI: 10.1080/02255189.2020.1865137.
7. Tarkhanova E.A., Chizhevskaya E.L., Fricler A.V., Baburina N.A., Firtseva S.V. Green economy in Russia: the investments' review, indicators of growth and development prospects. *Entrepreneurship and sustainability Issues*, 2020, Vol. 8, iss. 2, pp. 649-661. DOI: 10.9770/jesi.2020.8.2(39).
8. He A. The Belt and Road Initiative: Motivations, financing, expansion and challenges of Xi's ever-expanding strategy. *Journal of infrastructure Policy and Development*, 2020, Vol. 4, iss. 1, pp. 139-169. DOI: 10.24294/jipd.v4i1.1180.
9. Miller A.E., Miller M.A., Davidenko L.M. Development of technological innovations in the frames of «One Belt and One Road Initiative». *North-East Asia Academic Forum (Publication of scientific articles)*, 2018, no. 1 (13), pp. 55-58.
10. Kim M., Beehr T.A. Empowering leadership: leading people to be present through affective organizational commitment? *International Journal of Human Resource Management*, 2020, Vol. 31, iss. 16, pp. 2017-2044. DOI: 10.1080/09585192.2018.1424017.
11. Shahi T., Farroksheresht B., Taghipourian M.Ja., Aghajani H.A. Behavioral Factors Affecting Talent Management: Meta-Synthesis Technique. *Iranian Journal of Management Studies*, 2020, Vol. 13, iss. 1, pp. 117-137. DOI: 10.22059/ijms.2019.283845.673684.
12. Rohman A., Eliyana A., Purwana D., Hamidah H. Individual and Organizational Factors' Effect on Knowledge Sharing Behavior. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2020, Vol. 8, iss. 1, pp. 38-48. DOI: 10.9770/jesi.2020.8.1(3).
13. Shalnev O.G. Modern formats of corporate training organization in the context of industry digitalization. *Organizer of productions*, 2020, Vol. 28, no. 3, pp. 34-43. DOI: 10.25987/VSTU.2020.14.50.004. (in Russian).
14. Pokushko M., Stupina A., Medina-Bulo I., Dresvianskii E. Data envelopment analysis in performance assessment of fuel and energy complex enterprises. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2020, Vol. 5, no. 2 (16), pp. 251-262. DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262. (in Russian).
15. Dzyuba A.P. Trends and structural features of the development of the world fuel and energy complex. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Economics*, 2020, no. 1 (23), pp. 53-66. (in Russian).
16. Lola I.S., Bakeev M. Pilot Study of Industry 4.0 and digital Technology Prevalence in Russian manufacturing Companies. *Management and Production Engineering Review*, 2020, Vol. 11, iss. 3, pp. 26-37. DOI: 10.24425/mpcr.2020.134929.

Сведения об авторах

Миллер Александр Емельянович – д-р экон. наук, заведующий кафедрой экономики и финансовой политики

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: aem55@yandex.ru

Scopus AuthorID: 56712204000

ResearcherID: R-2948-2016

РИНЦ AuthorID: 383531; SPIN-код: 7023-6349

Давиденко Людмила Михайловна – канд. экон. наук, доцент (ассоциированный профессор) кафедры бизнеса и управления

Адрес для корреспонденции: 140000, Казахстан, Павлодар, ул. М. Горького, 102/4

E-mail: davidenkolm@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-7541-8677

Scopus AuthorID: 55895246100

ResearcherID: T-2318-2017

РИНЦ AuthorID: 885300; SPIN-код: 7707-7938

Вклад авторов

Миллер А.Е. – введение, идея и методы исследования, результаты исследования, заключение

Давиденко Л.М. – аннотация, введение, обзор литературы, результаты исследования

Для цитирования

Миллер А. Е., Давиденко Л. М. Разработка концепции управления научно-технологическими и финансовыми рисками технологической интеграции российских предприятий нефтеперерабатывающей, нефтехимической промышленности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 12–22. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).12-22.

About the authors

Alexander E. Miller – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economy and Financial Policy

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: aem55@yandex.ru

Scopus AuthorID: 56712204000

ResearcherID: R-2948-2016

RSCI AuthorID: 383531; SPIN-code: 7023-6349

Lyudmila M. Davidenko – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Business and Management

Postal address: 102/4, M. Gor'kogo ul., Pavlodar, 140000, Kazakhstan

E-mail: davidenkolm@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-7541-8677

Scopus AuthorID: 55895246100

ResearcherID: T-2318-2017

RSCI AuthorID: 885300; SPIN-code: 7707-7938

Authors' contributions

Miller A.E. – introduction, idea and methods of research, research results, resume

Davidenko L.M. – abstract, introduction, review, research results

For citations

Miller A.E., Davidenko L.M. Development of the management concept of scientific, technological and financial risks of technological integration of Russian companies in the oil refining, petrochemical industries. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 12-22. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).12-22. (in Russian).

О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Ю.В. Тарануха

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
3 марта 2021 г.

Дата принятия в печать
7 апреля 2021 г.

Тип статьи

Обзорная статья

Ключевые слова

Теория отраслевых рынков, возникновение теории отраслевых рынков, этапы развития теории отраслевых рынков, периодизация теории отраслевых рынков

Аннотация. Рассматривается вопрос о периодизации развития теории отраслевых рынков, о дискусионности которого свидетельствуют имеющиеся различия в подходах к выделению исторических этапов развития этой научной дисциплины. Констатируется, что наличествующее в последние десятилетия стремление к расширению ее временных границ делает эту проблему еще более актуальной. Показывается, что оснований для расширения исторических границ теории отраслевых рынков не существует, напротив, такие попытки наносят ущерб самой теории, так как способствуют размыванию ее предметной области, равно как стиранию различий со смежными научными дисциплинами и, в конечном счете, растворению теории отраслевых рынков в системе экономического знания. На основе сопоставительного исторического анализа существующих трактовок периодизации развития теории отраслевых рынков раскрывается причина существующих расхождений при выделении этапов развития этой научной дисциплины – отсутствие четких критериев для их выделения. При этом обосновывается положение о том, что основанием для периодизации научной теории должны стать качественные перемены в методологии исследования, что позволяет отслеживать качественные скачки в самой теории. Именно это должно служить основанием для периодизации любой научной дисциплины, в том числе и теории отраслевых рынков. Применение такого критерия позволило систематизировать процесс развития теории отраслевых рынков. В рамках этого процесса выделяются четыре этапа, отражающие два подхода к решению проблемы и включающие ряд подэтапов; каждый отдельный этап имеет собственные подэтапы.

ON THE PERIODIZATION OF INDUSTRIAL ORGANIZATION THEORY

Yu.V. Taranukha

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Article info

Received
March 3, 2021

Accepted
April 7, 2021

Type paper

Review

Keywords

Industrial organization theory, genesis of the industrial organization theory, stages of evolution of industrial organization theory, periodization of the industrial organization theory

Abstract. In the theory of industrial organisation, the question of periodization of its development remains debatable, as shown by different approaches to identification of historical stages in the development of this scientific discipline. In addition to this, the recent decades trend to expand its time boundaries makes this problem even more urgent. In this article, the author seeks to demonstrate that there is no reason to expand the historical boundaries of the theory of industrial organisation. On the contrary, such attempts are detrimental to the theory of industrial organisation as they contribute to the erosion of its subject area. They contribute to the blurring of differences with related scientific disciplines and, ultimately, to the dissolution of the theory of industrial organisation in the system of economic knowledge. Based on a comparative historical analysis of the existing interpretations of the periodization of development of the theory of industrial organisation, the author reveals the reason for existing discrepancies in identifying the stages of development of this scientific discipline – the lack of clear criteria to identifying them. At the same time, the proposition is substantiated that the basis for the periodization of a scientific theory should be qualitative changes in the research methodology, which makes it possible to track qualitative leaps in the theory itself. This should serve as the basis for the periodization of any scientific discipline, including the theory of industrial organisation. The application of this criteria made it possible to systematize the process of developing the theory of industrial organisation. This process is divided between two approaches, which are collectively represented by four stages, and each stage has its own sub-stages.

1. Введение. «Теория отраслевых рынков», в западной литературе известная как *Theory of Industrial organization*, или *Industrial economics*, – достаточно молодая отрасль экономического знания, чтобы оставаться активно развивающимся направлением экономической науки. В то же время она относительно зрелая, чтобы говорить об этапах ее развития. С момента возникновения теорией отраслевых рынков (далее – ТОР) достигнуты значительные научные результаты. Однако к настоящему времени вопрос об этапах ее развития остается нерешенным. Во всяком случае мнения по этому поводу существенно расходятся. Более того, в последнее время оформилась тенденция к расширению временных границ ТОР, что вносит еще больше разночтений в понимание этапов ее развития. Поэтому цель настоящей статьи – исследовать не научные достижения ТОР, а вскрыть причину отсутствия должной ясности в отношении периодизации ТОР как научной дисциплины, а также показать, что ошибочное понимание ее исторических рамок и этапов развития становится причиной размытия ее предмета и границ, ее научного анализа, а также основанием ее соотношения с другими экономическими дисциплинами, в частности такими, как микроэкономика.

Решение поставленной задачи определяется ответом как минимум на два взаимосвязанных вопроса: первый – об установлении исторических границ теории, второй – о ее периодизации, т. е. о выделении этапов в ее развитии. Оба вопроса могут вызвать сомнения в обоснованности их выделения, первый вообще может показаться надуманным. Что касается второго вопроса, то несмотря на очевидную значимость исследования процесса становления и развития научной дисциплины, могут возникнуть сомнения в необходимости такого исследования теории. Мы постараемся показать, что ошибочны оба суждения.

Конечно, проблема периодизации ТОР может показаться малозначащей на фоне тех проблем, которые в настоящее время решаются в рамках данной теории. На самом деле это не так. Во-первых, правильное определение временных рамок теоретического анализа позволяет выявить и очертить границы предметной области теории. Во-вторых, определение этапов развития теории дает возможность проследить ход уточнения предмета и совершенствования методологии исследования. Соот-

ветственно, методологической базой нашего исследования является системность подхода и опора на сравнительный исторический анализ. При этом нашей рабочей гипотезой выступает тезис о том, что периодизация научной дисциплины должна опираться на эволюцию методологии.

Во втором разделе статьи мы обратимся к вопросу о временных рамках ТОР, учитывая наблюдающееся в последнее время стремление некоторых авторов к их расширению, и постараемся доказать обоснованность и непродуктивность таких попыток. В третьем разделе мы представим спектр имеющихся представлений о периодизации ТОР. Четвертый, основной раздел статьи, посвящен обоснованию нашего видения решения вопроса о периодизации ТОР, которое опирается на критерии, отражающие качественные сдвиги в понимании предмета дисциплины и в переменах методологии ее исследования. В заключение представлена авторская концепция периодизации ТОР.

2. Исторические рамки генезиса ТОР.

Выявление генезиса научной теории – важный момент в определении ее предметной области. Неверная трактовка причин происхождения теории не только мешает определению предмета исследования, но и способствует размытию области анализа, в то время как правильное решение этого вопроса позволяет понять подлинные причины возникновения ТОР, т. е. ответить на вопросы, почему, как и из чего она возникла.

Именно игнорирование вопросов, связанных с генезисом ТОР, стало причиной возникшего в последние десятилетия стремления раздвигать исторические рамки этой теории под предлогом «необходимости отражения "пионерного вклада"» [1, р. 19], относя к пионерам всякого, «...кто расширяет сферу изучения, добавляя новые идеи и доказательства» [2, р. xxii] (см. также: [3]). Некоторые авторы даже полагают, что «закладка научного фундамента... имеет без преувеличения тысячелетнюю историю» [4, с. 23]. Правда, большинство авторов всё же более осторожны и ограничивают временные рамки закладки научного фундамента ТОР концом XIX в. [2; 5, с. 12].

Ни один из предложенных вариантов расширения исторических рамок ТОР не представляется обоснованным. Во-первых, факт наличия каких-либо хозяйственных решений времен древнего мира и средних веков нельзя трак-

товать в качестве научного знания вообще, так как в этих обществах любые рассуждения на тему хозяйственного устройства и регулирования носили сакральную, а не научную природу. Проблемы экономики просто не могли стать объектом научного анализа в силу отсутствия научной методологии. В античных обществах хотя и ставились вопросы о закономерностях хозяйственного развития и даже о монополизации, но эти постановки носили инстинктивный характер, а ответы на них имели форму догадок, но не результатов научного анализа. Такое знание не может быть фундаментом никакой отрасли экономического знания, кроме той, которая занимается историей экономической мысли. Если же принимать любое, пусть даже здоровое, суждение за фундаментальный элемент экономической науки, то при таком подходе само рациональное ведение хозяйственной деятельности становится фундаментом зарождения практически всех отраслей экономического знания. К примеру, зарождение математики как науки связано не с использованием счета, а с началом применения вычислений на основе разработанных абстрактных понятий.

Даже продление исторического горизонта ТОР ранее XX в. вряд ли оправдано. Нет сомнения, и А. Смит, и К. Маркс, и А. Маршалл, и многие другие затрагивали в своих работах разные стороны отраслевой организации. Но никто из них не формулировал каких-либо положений, которые могли бы послужить основой для формирования теории отраслевых рынков как «автономной отрасли знания». К. Маркс первым указал наличие барьеров для перелива капиталов, а также место и роль потенциальной конкуренции [6, с. 228], но это не делает его предтечей ТОР. В этом смысле уместно сослаться на замечание видных специалистов в этой области Д. Хэя и Д. Морриса о том, что хотя интерес к функционированию отраслей возник еще во времена промышленной революции, выделение учения об отраслевых рынках в отдельную отрасль экономического знания происходит существенно позже [7, с. 11].

С крайней осторожностью в число пионеров ТОР можно включить Э. Чемберлина, хотя сам он вряд ли согласился бы на это. Э. Чемберлин доказывал невозможность получения устойчивой прибыли в долгосрочном периоде, т. е. проводил идею, противоположную той, которая была положена в основу ТОР: отрас-

левая структура – источник получения устойчивой прибыли, – хотя нельзя не признать, что его теория монополистической конкуренции послужила катализатором для становления современной ТОР [7, с. 14] в той части, где наличие рыночной власти и прибыли не рассматривается свидетельством несовершенства рынка. Однако это не дает оснований для того, чтобы включать его, а тем более Дж. Робинсон, в группу разработчиков гарвардской парадигмы, как делают некоторые авторы (см.: [8, с. 15–16]). Они, несомненно, много сделали для раскрытия природы несовершенной конкуренции, но все их объяснения этого феномена связывались, во-первых, с характеристиками именно фирмы, а не отрасли, во-вторых, опирались исключительно на методологию микроанализа рынков. Иначе говоря, все эти исследования велись строго в рамках теории фирмы, в то время как ТОР требует анализа особенностей функционирования отраслевой организации. В крайнем случае, можно согласиться с В. Гальпериным, который считал, что публикации книг Дж. Робинсон и Э. Чемберлина в 1933 г. стали переломным моментом в становлении теории организации промышленности, но ее становление связано с именами Э. Мэйсона и Дж. Бэйна [9, с. VIII].

Э. Мэйсон заложил программу исследований отраслевых рынков, выдвинув в 1939 г. идею о взаимосвязи между структурой отрасли, поведением фирм и результативностью работы рынка [10], которая получила развитие в его более поздней работе, посвященной состоянию проблемы монополии в США [11]. Дж. Бэйн выделил барьеры входа в отрасль в качестве фактора рыночной структуры, предсказуемым образом влияющего на поведение фирм и результаты работы рынка. Он классифицировал рынки в зависимости от высоты барьеров входа [12]. В последующем высказанные ими идеи нашли воплощение в парадигме «структура – поведение – результат», ставшей базой для формирования ТОР. Всё это дает основания для вывода о том, что история ТОР начинается с конца 1940-х – начала 1950-х гг. Аргументом в пользу такой трактовки является и то, что в 1952 г. начинает выходить в свет *Journal of Industrial Economics* – первое периодическое издание, посвященное проблематике, которая легла в основу ТОР.

3. Анализ существующих подходов к периодизации ТОР. Область анализа и предмет

любой научной дисциплины определяются не сразу. Они выкристаллизовываются, т. е. приобретают ясную, отчетливую форму в процессе ее развития. Поэтому анализ эволюции научных воззрений в области изучения отраслевых рынков – важный инструмент для поиска ответа на вопрос о предметной области ТОР.

У ТОР уже сформировалось достаточное интеллектуальное наследие, позволяющее выделять этапы ее развития. Ни одна теория не развивается прямолинейно. Не является исключением и ТОР. Ее развитие представляет собой «ветвистое дерево» со своими скелетными ветками и вегетативными веточками. Но наша цель состоит не в отображении всего этого многообразия и хронологии формирования самой теории, а в выделении этапов эволюции научных взглядов на проблему, т. е. качественных перемен в этих взглядах. Образно говоря, наша задача сводится к выделению только «скелетных ветвей» ТОР. Решение этой задачи может быть дано по-разному, весь вопрос в выборе критериев периодизации.

Между тем периодизация, построенная на основе избранного критерия, всегда будет носить формальный характер в том смысле, что, отвечая такому критерию, она будет считаться научно обоснованной. Но такая периодизация, независимо от того, на какой из критериев она опирается, вряд ли позволит решить вопрос об установлении предметной области теории уже потому, что несет на себе печать субъективного выбора. Нам потребуется другой тип периодизации, которая отражает не развертывание процесса обогащения теории по оси времени, т. е. представляет собой не историческую периодизацию приращения научного знания, а демонстрирует качественные сдвиги в понимании предметной области анализа и его методологии. Она, естественно, тоже будет опираться на определенный критерий. Но его принципиальное отличие будет заключаться в том, что он не выбирается исследователем, а генерируется самим процессом развития научной теории. К сожалению, многие авторы, исследующие проблемы ТОР, по всей видимости, не считают вопрос периодизации научно значимым. Нередко этот вопрос освещается размыто, без указания на критерии выделения соответствующих этапов.

Часто в новых зарубежных учебниках по ТОР исторический аспект развития ТОР вообще опускается [13; 14], в тех, где он присутст-

вует, – имеет обзорный характер [15; 16], а иногда сводится к выделению гарвардского и чикагского подходов [17]. При преподавании ТОР применяется как трехстадийная периодизация: 1) до 1940-х и 1940-е гг., 2) 1950–1960-е гг., 3) с конца 1980-х гг.¹, – так и пятистадийная: 1) предшественники (*background* – О. Курно, Ф. Бертран, Г. фон Штакельберг, Г. Хотеллинг, Э. Чемберлин); 2) Гарвардская школа (Дж. Бэйн, Э. Мэйсон, Дж. Гэлбрейт); 3) Чикагская школа (Дж. Стиглер, Г. Демсец); 4) Австрийская (Европейская) школа (Й. Шумпетер, Ф. Хайек); 5) новая индустриальная экономика (Ж. Тироль и др.)².

Однако Ж. Тироль – нобелевский лауреат 2014 г. и один из ведущих специалистов в области отраслевых рынков – в своей работе о рыночной власти [9, с. 3], фактически ставшей базовым учебником по ТОР, выделил только две «волны» в развитии этой теории. Первую волну он связал со становлением гарвардской традиции, вторую – с привнесением моделей олигополистического взаимодействия, «теоретико-игровой революцией» и усилением государственного вмешательства в экономику в 1970–1980-е гг. Можно, конечно, допустить, что он воздержался говорить о третьей волне, которую сегодня часто связывают с его именем. Главное, однако, в том, что он говорил не о периодизации, а всего лишь об отражении изменений в интересе к исследованию отраслевых рынков, указав всплески и спады этого интереса в 1950–1980-е гг. Поэтому он и назвал их «волнами», что, между прочим, прозрачно указывало на размытость объекта исследований ТОР. И всё же выделение этих волн Ж. Тиролем опирается на четкий критерий – перемену в методологии исследования отраслевых рынков. Первая волна при анализе рынка опиралась на эмпирические исследования особенностей хозяйственной практики, вторая волна, напротив, – на теоретическую базу и применение формализованных моделей.

Д. Хэй и Д. Моррис [7, с. 11–27] предлагают более строгий подход к определению этапов в развитии ТОР. Следуя их логике, в истории ТОР можно выделить три этапа [7, с. 20–21]. Каждый этап отличается особенностью задач и применяемой методологии анализа. Первый этап – это период становления гарвардской парадигмы. Второй этап характеризуется активным проникновением в ТОР микроэкономической методологии – «теории фирмы», по опре-

делению авторов. Третий этап развития ТОР они связывают с постановкой вопроса о принципах изменения структуры отрасли в рамках формулы обратной связи. Здесь ставится задача показать, как активное поведение фирмы воздействует на структуру отрасли – ее решение связано с привлечением как микроэкономических, так и эмпирических методов анализа. Тем самым авторы обращают внимание на наметившиеся изменения в целевых ориентирах исследователей, всё дальше отходящих от традиционных задач микроэкономического анализа, но при расширении применения микроэкономической методологии анализа. Сходный взгляд на периодизацию развития ТОР прослеживается и у У.Дж. Шеферда [18].

К сожалению, в последние десятилетия в зарубежной литературе проблема периодизации фактически полностью трансформирована в плоскость последовательного хронологического отражения новых идей по исследованию проблематики отраслевых рынков, причем всё более трансформировавшейся в анализ условий обеспечения эффективности рыночной конкуренции [2].

Позиция отечественных авторов по данной проблеме полностью отражает описанную выше ситуацию. Наиболее четко это прослеживается в учебных пособиях. Так, С.Б. Авдашева и Н.М. Розанова, следуя тем же принципам, на которые опирается периодизация Хэя–Морриса, выделили три этапа развития ТОР [19]: первый этап они связывают с доминированием Гарвардской школы, с ее эмпирическим подходом, второй этап – с доминированием Чикагской школы, опирающейся на традиционную теорию фирмы, но с привлечением новой методологии анализа – теории игр, а третий – с рождением новой эмпирической теории, которая стала своеобразной объединяющей теорией, соединяющей в себе элементы эмпирических исследований и микроэкономического анализа при широком применении эконометрических методов. В последующем Н.М. Розанова отошла от указанных представлений о периодизации ТОР [20, с. 150–185]. При этом ее подход к истории развития экономики отраслевых рынков представлен в виде истории развития концепции рыночной конкуренции, которое было связано с критикой концепции совершенной конкуренции. Каких-то этапов она не выделяет, говоря лишь о вкладе в развитие теории конкуренции той или иной науч-

ной школы, а стандартный перечень адептов ТОР дополняется такими именами, как Й. Шумпетер, Ф. фон Хайек, И. Кирцнер.

Н.В. Пахомова и К.К. Рихтер подходят к проблеме более строго. Во-первых, они выделяют два подхода в исследовании отраслевых рынков [4, с. 21–22]: первый – структурный, представленный гарвардской парадигмой, другой – поведенческий, современный подход, фокусирующийся на анализе деятельности фирмы, которая оказывает активное воздействие на эволюцию структуры рынка и эффективность его работы. При этом они выделяют четыре этапа в развитии ТОР [4, с. 23–38]: 1) этап «закладки» научного фундамента, начинающийся в глубокой древности и длящийся вплоть до формирования теории несовершенной конкуренции; 2) этап формирования ТОР как самостоятельной научно-прикладной и вузовской дисциплины, он начинается с момента возникновения теории несовершенной конкуренции и охватывает период становления гарвардской парадигмы – он соответствует, по мнению авторов, первой, или традиционной, «волне» Ж. Тироля; 3) этап развития научно-прикладных подходов, он охватывает последнюю треть XX в. – это период противостояния Гарвардской и Чикагской школ в ТОР; 4) современный этап, который авторы связывают с расширением объекта анализа (расширение палитры анализируемых отраслей и рынков), а также с переходом к использованию при анализе отраслевых рынков новых концептуальных подходов: шумпетерианской теории инновационного развития, институциональной и эволюционной теории и стратегического менеджмента [4, с. 36–46].

В учебнике А.В. Заздравных и Е.Ю. Бойцовой [5, с. 12–13] дается еще более обширная периодизация этапов формирования ТОР как науки. Первый этап (1890-е – начало 1930-х гг.) связывается с началом исследования монопольных эффектов. Второй этап (1930-е гг.) знаменует становление теории несовершенной конкуренции и связан с исследованиями Э. Чемберлина и Дж. Робинсон. Третий этап (1950–1960-е гг.) – это время формирования парадигмы «структура рынка – поведение фирм – результативность рынка» (*SCP*) представителями Гарвардской школы экономической теории. Четвертый этап (1950–1970-е гг.) – время критики гарвардской парадигмы со стороны представителей Чикагской школы и укрепле-

ние господства последней в теории отраслевых рынков к концу 1970-х гг. Наконец, пятый этап (1980-е гг. – настоящее время) – это время сближения Гарвардской и Чикагской школ и исследование отраслевых рынков в условиях информационной и глобальной экономики.

4. Обоснование критерия и периодизация развития ТОР. Для всех указанных подходов к периодизации характерно то, что они опираются на весьма размытую критериальную базу. Из-за сложности выделения такого критерия иногда проблему периодизации обходят стороной [21]. Тяготение к отражению всего многообразия достижений дисциплины вполне понятно тем более, когда всё еще стоит вопрос о ее праве на обособленное существование. И сам по себе исторический метод анализа развития теории более чем правомерен, давая возможность проведения сравнительного анализа с учетом воздействующих факторов [22, с. 5–6]. Однако, являясь подходящим для отражения процесса развития экономической мысли, он не подходит для периодизации развития отдельной теории, для которой важен не исторический процесс накопления знаний, а эволюция методологии исследования, выступающей способом установления связи «между теорией и реальностью». В этом смысле периодизация развития теории должна опираться не на историческую преемственность теоретических воззрений, а на выделение качественных сдвигов в теоретической парадигме, отражающей «...научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [23, с. 11].

Сам вопрос о критериях периодизации экономического знания весьма далек от своего решения [24]. Не вдаваясь в нюансы проблемы, обратимся только к ее сути, которая состоит в том, что в экономической историографии расхождения сводятся к расстановке акцентов. Сторонники так называемого интерналистского подхода, такие как Й. Шумпетер и М. Блауг, например, при выделении этапов развития экономической теории фокусируются на переменах во внутренних источниках развития, т. е. в методологии анализа [25, с. 3; 26, с. 1]. Сторонники экстерналистского подхода, такие как Ш. Жид и Б. Селигмен, напротив, отдавали приоритет изменениям во внешних факторах, т. е. причинам, которые действовали в социально-экономической среде, рассматривая

их в качестве определяющих источников генерации новых идей. Однако нельзя не признать, что в обоих случаях, так или иначе, имело место влияние друг на друга противостоящих групп факторов, по меньшей мере обратная связь между ними присутствует всегда. Расстановка приоритетов во многом обуславливается целевой функцией авторов: если задача состоит в демонстрации процесса развития научного инструментария теории, то в приоритете окажется внутренний мир теории; если же задачей является выявление причин появления теории, то решить ее без учета влияния окружающей среды вряд ли удастся. И всё же нам представляется, что первенство следует отдать экстерналистскому подходу. Всё дело в том, что даже сформулированная идея «овладевает массами» только при наступлении подходящих условий. Поэтому подлинная причина рождения и эволюции теорий – это перемены в окружающей среде. Иногда даже внутренняя логика развития теории может стать фактором, определяющим направленность развития хозяйственной среды. Хотя и в этом случае первенство останется за внешней средой, так как именно она является продуцентом новых мыслей и инструментов мышления.

Но главный вопрос – это выделение критериев. Что следует принять в качестве критерия периодизации теории? Как ни странно, говоря о зависимости периодизации от избранного критерия, авторы весьма часто избегают четкого определения самих критериев, примененных ими для периодизации, ограничиваясь размытым указанием на развитие экономической мысли. Весь вопрос в том, что понимать под этим развитием: это может быть перемена в предмете – его модификация, т. е. новое прочтение; критерием могут быть изменения в методах анализа. На наш взгляд, не оставляющим сомнений критерием периодизации будет изменение теоретической парадигмы, т. е. перемена в предмете и методах ее решения.

На что опереться? Достаточно одного критерия или нужна их совокупность? Нам представляется, что критерий всегда должен быть один. Этим определяется строгость выполняемой им задачи. Другое дело, что такое утверждение не исключает возможности существования системы признаков, где каждый выполняет функцию оценочного сигнала для строго определенной сферы теоретических трансформаций. При этом их множество организовано

в виде иерархической системы, отражающей разную степень радикальности этих трансформаций и, соответственно, соподчиненность признаков, удостоверяющих наличие качественных перемен. Проще говоря, речь идет о существовании среди этих признаков соподчиненности, обусловленной степенью радикальности изменений, происходящих в «теле» теории.

Опираясь на этот принцип, следует выделить три уровня изменений, указывающих на разную степень перемены в конкретной теории. Их иерархия от низшего к высшему будет следующей: изменения в методах анализа, изменения в парадигме, изменения в предмете исследования.

Это не означает умаления роли методов анализа. Смена методологии может стать причиной переворота и в парадигме, и в предмете, примером чему может послужить марксистская теория. Речь идет лишь о том, что это наиболее подвижное звено этой системы, играющее роль «мягкой оболочки» теории по отношению к ее «жесткому ядру». Инструментальная мастерская теории может меняться, не сопровождаясь изменением господствующей парадигмы и предмета исследования. Смена теоретической парадигмы или существенная ее модификация – это наиболее важный, центральный критерий периодизации, так как именно на этом уровне прослеживаются этапы развития экономической мысли. Критерием изменений наивысшего уровня являются перемены, затрагивающие предметную область теории. В этом случае уместно говорить не о переходе к новому этапу развития теории, а о новом подходе к исследуемому объекту, предполагающем изменение предметной области, постановку иных задач, привлечение новых методов анализа. Так, если применить к анализу отраслевого рынка эволюционный подход, то становится понятным, что предметная область исследования также трансформируется – в фокусе анализа окажутся причины развития отраслевого рынка. В результате мы получаем стройную схему, отражающую анатомию эволюционного процесса теории. Достоинство такого подхода состоит еще и в том, что он может быть применен для периодизации развития экономической теории вообще и отдельных специализированных теорий в частности. Применив его к периодизации развития теории отраслевых рынков, мы получим следующую картину.

4.1. Гарвардская школа. В том, что начальный этап развития теории отраслевых рынков связан с деятельностью Гарвардской школы, сомнений нет. Именно ее представители Э. Мэйсон, а затем Дж. Бэйн сформулировали идею о прямой связи между структурой отраслевого рынка, поведением действующих на нем фирм и результативностью функционирования рынка, которая впоследствии получила известность как гарвардская парадигма. Трудность представляет только датировка рождения теории. Сама идея об отсутствии однотипности в функционировании отраслевых рынков, хотя и в неявном виде, была заявлена Мэйсоном [10] в конце 1930-х гг., но ее становление как теории приходится уже на 1950-е гг. [11; 12]. Мы предпочли бы взять за точку отсчета 1950-е гг., так как именно в этот период формируется идея об отраслевом рынке как организационной целостности, для исследования которой требуется особый подход, отличный от неоклассического мейнстрима. В эти же годы эта идея принимается научным сообществом (начинает издаваться *Journal of Industrial Economics*).

Хотя предметная область – определение условий эффективного состояния отраслевого рынка – не сильно отличалась от стандартного неоклассического анализа, у нового подхода были все основания для того, чтобы претендовать на новую теорию. Было предложено новое понимание принципов работы отраслевого рынка, в соответствии с которым эффективность работы рынка зависит не от численности конкурентов, а от набора отраслевых условий, определяющих особенности поведения фирм. Эти особые условия суть барьеры, препятствующие свободному входу фирм на отраслевой рынок и выходу из него. Впоследствии изучение влияния отраслевых барьеров на поведение фирм и функционирование отраслевого рынка оказалось в фокусе отраслевых исследований, превратив, фактически, отраслевые барьеры в предмет изучения ТОР.

Методологический инструментарий ТОР первого этапа – это симбиоз неоклассических и институциональных представлений с опорой на использование при анализе эмпирических данных, предоставляемых панельными исследованиями и статистическими источниками. Поэтому говорить о методологическом перевороте нельзя. Но есть основания, чтобы фиксировать перемену в доминировании методов

анализа. Основополагающими становятся эмпирические методы и инструменты. Другое важное методологическое обстоятельство было связано с признанием наличия обратной связи между отраслевой структурой и деятельностью фирм – это было существенной новацией, учитывая господство неоклассической теории фирмы, которая была лишена возможности влиять на рынок, как, собственно, и новая трактовка экономической природы концентрации, источником которой провозглашалась целая совокупность факторов, а не только эффект от масштаба.

4.2. Чикагская школа. С выделением следующего, второго этапа развития ТОР также не возникает особых проблем. Он связывается с возвратом в 1970-е гг. к доминированию теоретических методов анализа и господству в ТОР методологии Чикагской школы. На смену эмпирическим наблюдениям за реальным поведением участников рынка пришли теоретические постулаты теории фирмы и теории цен, в фокусе которых вместо вопросов специфики поведения фирм в конкретных условиях (на отраслевых рынках) находилась проблема влияния рыночной отраслевой структуры на эффективность распределения ресурсов. Другими словами, в ТОР активно стала использоваться методология микроэкономического анализа.

Но что дает основание для выделения произошедших перемен в качестве второго этапа, или «второй волны», по определению Ж. Тироля? Это изменение парадигмы. Новация заключалась в том, что в предложенной модели отраслевого рынка отсутствовала непосредственная связь между отраслевой структурой, поведением фирм и результативностью функционирования рынка. Формально содержательная сторона объекта исследования оставалась прежней – поиск эффективной структуры рынка. Но качественно трансформировалась содержательная сторона парадигмы.

Наиболее существенная трансформация касалась перемен в трактовке природы монополии и ее последствий для рынка. Сам по себе монополизм, конечно, не приветствовался, однако наличие на рынке высокого уровня концентрации уже не трактовалось как явный источник рыночной власти и препятствие эффективному функционированию рынка. Господствующим стало представление о том, что контроль над рынком и рыночная власть фирмы являются следствием завоевания конку-

рентных преимуществ и являются показателями эффективного функционирования фирмы – лучшего управления, удачного маркетинга, успешных инноваций [18, р. 24–25]. С этих позиций уровень концентрации рынка утрачивал свою значимость в качестве мерила конкурентности, а значит, и эффективности работы рынка на том основании, что всякая вырастающая на нем монополия в долгосрочном периоде неизбежно будет разрушена посредством конкуренции. При этом всякая устойчивая монополия является следствием непосредственной поддержки со стороны государства [27]. Из этого уже автоматически вытекало характерное для неоклассической методологии недоверие к государству как субъекту, препятствующему достижению рыночной эффективности через установление равновесия. Это полностью противоречило идеям Гарвардской школы о плодотворной роли государства в рыночной структуре и о необходимости его влияния на функционирование отраслевых рынков с целью повышения результативности их работы.

Возникший в 1970-е гг. второй этап развития ТОР выделяется многообразием методологических направлений исследования отраслевых структур. Одно из направлений было связано с развертыванием так называемой «теоретико-игровой революции», которая состояла в переходе к широкому использованию формальных олигополистических моделей и эконометрических способов анализа [28, с. 618]. Главной целью исследовательских усилий была попытка объяснить отраслевую конкуренцию и концентрацию с позиций теории игр, в результате чего «...теория бескоалиционных игр утвердилась (не без некоторых разногласий) в качестве стандартного инструмента анализа стратегических конфликтов и, таким образом, повлекла за собой создание единой методологии в данной области» [9, с. 3]. Второе направление разрабатывалось в рамках теории трансакционных издержек, интерпретирующей фирму как механизм их снижения.

Наконец, третье направление исследований нашло свое воплощение в теории состязательных рынков [28; 29], при помощи которой объяснялись конкурентные результаты работы монопольных, с точки зрения формальных признаков, структур.

Существующие между ними методологические различия являются основанием для выделения особых стадий, которые отражают

развитие методов исследования отраслей, но относятся к одной и той же стадии развития ТОР. Все они, хотя и по-разному, решали одну и ту же задачу [28, с. 618–619], а главное, их выводы укладывались в рамки одной теоретической парадигмы, противостоящей гарвардской парадигме «структура – поведение – результативность» и считающейся идеологическим обоснованием «рейганомики» [30].

4.3. Новая эмпирическая теория отраслевых рынков. Новый этап развития ТОР знаменует появление в конце 1980-х гг. новой эмпирической теории отраслевых рынков (далее – НЭТОР; *New empirical industrial organization – NEIO*). Российский вариант названия следует признать весьма неудачным, поскольку теоретическое наследие этого этапа не обладает необходимой целостностью. Объединительным фактором является только общая убежденность в том, что отраслевые различия слишком важны, чтобы корректно использовать межотраслевые сравнения [31]. Это определило специфику подхода – предметное изучение каждого отраслевого рынка с учетом специфики спроса, функции затрат и особенностей внутриотраслевой конкуренции. Методологическая задача состояла в том, чтобы, сохранив системность в анализе рынка, преодолеть главную проблему эмпирического подхода – ненадежность методов и несовершенство показателей. Иначе говоря, ставилась задача объединить концептуальную ясность экономической теории и убедительность эмпирических измерений. Результатом этого стало сближение между Гарвардской и Чикагской школами [7, с. 21].

Однако полученный результат не был простым компромиссом. Во-первых, он показал, что гарвардская триада всё еще остается основной интеллектуальной базой в области отраслевого анализа [32]. Во-вторых, он убедил в значимости для функционирования отраслевых рынков особенностей их технологического, экономического и институционального устройства. На основании этого в рамках НЭТОР была сформулирована новая парадигма: отраслевые рынки развиваются эндогенно (с учетом внутренних особенностей), – что позволяет классифицировать НЭТОР как особый этап в развитии ТОР. Теперь вопрос об источниках формирования отраслевой структуры [28, с. 115] решался как бы сам собой. Определяющая роль фирмы становится одной из главных идей НЭТОР. Ставится принципиально новая

задача – раскрыть процесс развития отрасли, показав влияние на него фирмы. Это указывало на стремление к исследованию отраслевой динамики, включавшее в поле зрения вопросы о моделях роста фирм и отраслей, способах их приспособления к циклическим колебаниям конъюнктуры, а также о структуре жизненного цикла отрасли. Вместе с тем опора на исследование специфических отраслевых условий порождала серьезную методологическую проблему, связанную с обобщением полученных результатов с целью установления общих закономерностей развития отраслевых рынков.

В настоящее время принято активно продвигать шумпетерианскую идею «созидательного разрушения» с характерной для нее проактивной позицией предпринимателя (фирмы) в экономике. Объективно в фокусе исследований оказывались динамические аспекты отраслевого рынка. Многие посчитали это основанием для выделения в качестве особого этапа развития ТОР Австрийской, или Европейской, школы. Квинтэссенция этого этапа сводилась к тому, что рыночная власть, являясь временной детерминантой рынка, выступает фактором развития, а борьба фирм за захват доминирующей позиции на рынке – стимулом для осуществления ими нововведений в виде новых продуктов и технологий, вследствие чего фирма превращается в первопричину создания рынков [35]. В этой связи нельзя не согласиться с теми экономистами [4], которые считают, что подключение к анализу эволюционной теории, опирающейся на теоретическое наследие Й. Шумпетера, будет способствовать развитию ТОР, особенно в условиях разворачивающейся цифровой революции. Но являются ли все эти признаки достаточным основанием для выделения особого этапа?

Прежде укажем на неадекватность терминологии. Во-первых, проблема структурной организации рынков никогда не находилась среди научных приоритетов у представителей Австрийской школы. Во-вторых, adeпты Австрийской, а точнее Неоавстрийской, школы (Ф. Хайек, И. Кирцнер, М. Ротбард), несмотря на свою приверженность шумпетерианской теории предпринимательства, являются откровенными поборниками либертарианства и полной предпринимательской свободы [34], что мало отвечает одному из концептуальных положений ТОР об обоснованности вмешательства государства в работу отрасли. Поэтому

связывать какое-либо из направлений развития ТОР с Австрийской школой, на наш взгляд, абсолютно необоснованно.

Сказанное не устраняет той существенной отличительной особенности, которая служит основанием для выделения нового этапа, – внесение элементов динамики в исследование отраслевых рынков. Дело, однако, в том, что такой подход стал традиционным для континентальной Европы. Это отразилось даже в европейском названии ТОР – «экономика промышленности» (*industrial economics*) – против «организации промышленности» (*industrial organization*), принятому в англосаксонских странах [9, с. XVII–XVIII]. Но это формальная сторона дела, главное состоит в том, что динамический подход постепенно переключивается за океан, а исследование организационной динамики отрасли становится одной из задач НЭТОР. Следовательно, вся специфика этого направления уже поглощена выделением стадии НЭТОР. Можно, конечно, указать на существенные различия в степени использования шumpетерианского наследия и эволюционного подхода в научных работах европейских и американских исследователей, но сути дела это не меняет. Поэтому нет и оснований для выделения подобных исследований в качестве особого этапа в развитии ТОР. Это будет еще более справедливым, если учесть, что сами приверженцы *industrial economics*, признавая сходство своих теоретических корней с *industrial organization*, указывают на принципиальные различия между двумя теоретическими подходами к исследованию отрасли, которые касаются предметной области, задач и методологии [35].

4.4. Стратегический подход. Сама идея об активном воздействии стратегии фирм на отраслевую структуру не была новой. Она была озвучена еще в первой половине 1960-х гг. И хотя тогда непосредственным предметом анализа была зависимость между стратегией фирмы и ее организационной структурой, главная идея о том, что «структура следует за стратегией», вызывала интерес и в сфере отраслевых исследований. В конце XX в. ситуация изменилась. Суть перемены состояла в том, что фактически открыто стали говорить об активном воздействии конкурентных стратегий фирм на рыночную структуру. Центральная для стратегического менеджмента проблема – создание и поддержание конкурентных пре-

имуществ, обеспечивающих недоступные для соперников ренты [36], – оказалась в фокусе среди исследователей ТОР [37]. Стал формироваться принципиально новый взгляд на механизм трансформации отраслевых структур, первоочередная роль в котором закреплялась за процессом принятия фирмами стратегических решений о собственном развитии [14–16]. Особенность этих решений заключается в том, что они касаются аспектов деятельности фирмы, которые затрагивают не только ее поведение, связанное с ценообразованием или выпуском, но и устройство среды, окружающей фирму [37].

Важный вклад в распространение такого взгляда внес М. Портер [38]. Он представлял отраслевую структуру, во-первых, как целостную среду и, во-вторых, не как набор детерминант, а как систему взаимоотношений агентов отрасли. Но самое главное заключалось в демонстрации того, что изучение рынка ТОР ведется исключительно с позиций фирмы, а не рынка. Кроме того, было обращено внимание на существенное упрощение действительности со стороны стандартной ТОР, которая традиционно рассматривала фирму в качестве унитарной хозяйственной единицы, в то время как в действительности она преимущественно имеет диверсифицированную структуру, представляя собой совокупность «бизнес-единиц». На этом основании была выдвинута концепция стратегических групп, состоящая в том, что при анализе отраслевых рынков фирмы следует группировать в соответствии с реализуемыми ими стратегиями, поскольку характер соперничества на рынке и реагирование на изменения на нем будут определяться конфигурацией этих групп [39]. В данном случае мы наблюдаем такую перемену в характере исследований, которая не ограничивается методологическими метаморфозами. По факту это трансформация в предметной области – переход к исследованию отраслевых факторов с точки зрения выработки стратегий, которые дадут фирмам конкурентное преимущество [37]. Ни Гарвардская, ни Чикагская школы такой задачи перед собой не ставили. Проще говоря, отраслевая структура исследуется под совершенно другим углом зрения. Это позволяет говорить не только о новом этапе в развитии ТОР, но и о качественно новом подходе к анализу отраслевых рынков, который вполне логично назвать стратегическим.

Более сложным является вопрос о влиянии на развитие ТОР процесса глобализации рынков. Качественные перемены неоспоримы. Обычно внимание обращается на пространственные характеристики рынков. Но главная перемена заключается в смене субъектов мировой торговли и, соответственно, объекта анализа теории мировой торговли. Вплоть до 1990-х гг. главной единицей ее анализа было государство. На рубеже тысячелетий ею уже становится транснациональная фирма. Это способствует интеграции теории международной торговли и ТОР [40–42]. Происходит перемена и в среде действующих лиц. На глобальных рынках конкурентоспособной может быть только транснациональная корпорация [43].

Однако меняет ли всё это парадигму ТОР? Пока перемен не наблюдается. Обсуждение, как и прежде, концентрируется вокруг вопросов обеспечения эффективной конкуренции и завоевания конкурентных преимуществ, только уже касательно мировых рынков. Значит, оснований для выделения нового этапа в развитии ТОР нет.

5. Заключение. В формализованном виде наше представление о периодизации развития ТОР дано в таблице, где отражены различия в подходах к пониманию предметной области, изменения в господствующей парадигме, а также перемены в применяемой методологии, которые являются результатом многих причин.

Периодизация развития теории отраслевых рынков
Periodization of the industrial organization theory development

<i>Предметная область</i>	<i>Господствующая парадигма (этапы развития)</i>	<i>Методология (подэтапы (стадии) развития)</i>
I. Структурный подход		
Определение условий эффективного состояния отраслевого рынка.	1. Рыночная структура определяет поведение фирмы и эффективность работы рынка	Эмпирический анализ
Отраслевые барьеры, определяющие поведение фирм и эффективность функционирования рынка	2. Отсутствие непосредственной связи между структурой, поведением и эффективностью работы рынка	A. Микроэкономический анализ
		B. Теория игр
		C. Теория трансакционных издержек
	3. Отраслевые рынки развиваются эндогенно с учетом отраслевых особенностей при отсутствии однотипных закономерностей функционирования	Эмпирические и аналитические методы исследования конкретных рынков с учетом наличия стратегического взаимодействия фирм
II. Стратегический подход		
Определение влияния стратегических отраслевых факторов на завоевание конкурентных преимуществ	Стратегические решения фирм являются активным фактором формирования рыночной структуры	Стратегическое и корпоративное управление

Проведенный анализ процесса развития ТОР убедительно показывает, что главной причиной расхождений исследователей является нечеткое понимание предметной области самой теории.

Примечания

¹ См.: *Schrimpf P.* Introduction to empirical industrial organization. Jan. 12, 2021. URL: <https://faculty.arts.ubc.ca/pschrimpf/565/01-introduction.pdf>.

² См.: *Villar M.E.* Industrial organization: characteristic and contents. 2014. URL: <http://present5.com/industrial-organization-characteristics-and-contents-marc-escrihuella-villar/>.

Литература

1. *Shepherd W. G., Shepherd J. M.* The Economics of Industrial Organization. – 5th ed. – Waveland Press, 2004. – 440 p.
2. *Pioneers of Industrial Organization. How the Economics of Competition and Monopoly Took Shape / Ed. by H. W. de Jong, W. G. Shepherd.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – xxxii, 309 p.

3. *Игнатюк А.* Зарождение и развитие теории отраслевых рынков // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія: Економіка.* – 2013. – № 146. – С. 34–39.
4. *Пахомова Н. В., Рихтер К. К.* Экономика отраслевых рынков и политика государства. – М. : Экономика, 2009. – 815 с.
5. *Заздравных А. В., Бойцова Е. Ю.* Теория отраслевых рынков. – М. : Юрайт, 2017. – 288 с.
6. *Маркс К.* Капитал. Т. III. – М. : Политиздат, 1961. – 545 с. – (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I).
7. *Хэй Д., Моррис Д.* Теория организации промышленности : в 2 т. – СПб. : Экономическая школа, 1999. – Т. 1. – 384 с.
8. *Романова Л. Е.* Проблемы анализа рыночных структур // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2010. – № 1–2. – С. 15–26.
9. *Тироль Ж.* Рынки и рыночная власть : в 2 т. / предисл. В. Гальперина. – СПб. : Экономическая школа, 2000. – Т. 1. – XL, 450 с.
10. *Мэйсон Э.* Ценовая и производственная политика крупного предприятия // *Вехи экономической мысли.* – СПб. : Экономическая школа, 2003. – Т. 5 : Теория отраслевых рынков. – С. 13–34.
11. *Mason E. S.* The Current Status of the Monopoly Problem in the United States // *Harvard Law Review.* – 1949. – Vol. 62, no. 8 (June). – P. 1265–1285.
12. *Bain J. S.* Barriers to New Competition: Their Character and Consequences in Manufacturing Industries. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1956. – 329 p.
13. *Belleflamme P., Peitz M.* Industrial organization. Markets and strategies. – Cambridge : Cambridge university Press, 2010. – 702 p.
14. *George K. D., Joll C., Lynk E. L.* Industrial Organization. Competition, Growth and Structural Change. – 4th ed. – London ; New York, 1991. – 455 p.
15. *Lipczynski J., Wilson J., Goddard J.* Industrial Organization. Competition, Strategy, Policy. – 2nd ed. – Edinburgh, 2005. – 780 p.
16. *Tremblay V. J., Tremblay C. H.* New Perspectives on Industrial Organization, With Contributions from Behavioral Economics and Game. – New York, 2012. – 837 p.
17. *Waldman D. E., Jensen E. J.* Industrial organization. Theory and practice. – 5th ed. – Pearson Education US, 2019. – 724 p.
18. *Shepherd W. G.* On the Core Concepts of Industrial Economics // *Mainstreams in Industrial Organization* / eds. H. W. de Jong, W. G. Shepherd. – Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1986. – P. 23–67.
19. *Авдашева С. Б., Розанова Н. М.* Теория организации отраслевых рынков. – М. : Магистр, 1998. – 320 с.
20. *Розанова Н. М.* Экономика отраслевых рынков. – М. : Юрайт, 2011. – 906 с.
21. *Рой Л. В., Третьяк В. П.* Анализ отраслевых рынков. – М. : Проспект, 2016. – 440 с.
22. *Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г.* История экономических учений. – М. : Инфра-М, 2008. – 271 с.
23. *Кун Т.* Структура научных революций. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
24. *Карамова О. В.* Анализ развития экономической науки в аспекте различных концептуальных подходов // *Вопросы экономики и права.* – 2013. – № 4. – С. 90–93.
25. *Шумпетер Й.* История экономического анализа. Т. 1. – СПб. : Экономическая школа, 2001. – 552 с.
26. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. – 4-е изд. – М. : Дело, 1994. – 687 с.
27. *DiLorenzo T.* The Myth of the natural monopoly // *The Review of Austrian Economics.* – 1996. – Vol. 9, no. 2. – P. 43–58.
28. *Баумоль У. Дж.* Детерминанты отраслевой структуры и теория состязательных рынков // *Панорама экономической мысли конца XX столетия* : в 2 т. / под ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт. – СПб. : Экономическая школа, 2002. – Т. 1. – С. 618–637.
29. *Baumol W. J., Panzar J. C., Willig R. D.* Contestable Markets and the Theory of Industry Structure. – New York, 1982. – 510 p.

30. Shepherd W. G. Mainstreams Industrial Organization and «New» Schools // *Revue economique*. – 1990. – No. 41-3. – P. 453–480.
31. Левин Дж., Эйнав Л. Эмпирические исследования отраслевых рынков: основные достижения // *Вопросы экономики*. – 2012. – № 1. – С. 21–41. – DOI: 10.32609/0042-8736-2012-1-21-41.
32. Jong H. W. de. European Industrial Organization: Entrepreneurial Economics in Organization Setting // *Mainstream in Industrial Organization* / ed. by H. W. de Jong, W. G. Shepherd. – Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1986. – P. 69–112. – (Studies in Industrial Organization, Vol. 6).
33. Хамел Г., Прахалад К. К. Конкурируя за будущее: Создание рынков завтрашнего дня. – М. : Олимп бизнес, 2002. – 275 с.
34. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – М. : Изограф, 2000. – 196 с.
35. Carlsson B. Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009 // *Industry and Innovation*. – 2016. – Vol. 23, iss. 1. – P. 1–61. – DOI: 10.1080/13662716.2015.1120658.
36. Катъкало В. С. Исходные концепции стратегического управления и их современная оценка // *Российский журнал менеджмента*. – 2003. – № 1. – С. 7–30.
37. Church J., Ware R. *Industrial Organization: A Strategic Approach*. – Boston : The McGraw-Hill Companies, Inc., 2000. – 1024 p.
38. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. – М. : Альпина бизнес букс, 2005. – 608 с.
39. Porter M. E. The Contributions of Industrial Organization to Strategic Management // *The Academy of Management Review*. – 1981. – Vol. 6, no. 4 (Oct.). – P. 609–620.
40. Krugman P. R. *Strategic Trade Policy and New International Economics*. – MIT Press, 1986. – 313 p.
41. Krugman P., Helpman E. *Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Competition and International Economy*. – MIT Press, 1987. – 283 p.
42. Krugman P., Helpman E. *Trade Policy and Market Structure*. – Cambridge, MA ; London : MIT Press, 1989. – 191 p.
43. Levitt T. The Globalization of Markets // *Harvard Business Review*. – 1983. – Vol. 61, no. 3. – P. 92–102.

References

1. Shepherd W.G, Shepherd J.M. *The Economics of Industrial Organization*, 5th ed. Waveland Press, 2004. 440 p.
2. de Jong H.W., Shepherd W.G. *Pioneers of Industrial Organization. How the Economics of Competition and Monopoly Took Shape*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. xxxii + 309 p.
3. Ignatyuk A. The birth and development of the theory of industry market. *Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv. Economics*, 2013, no. 146, pp. 34-39. (in Russian).
4. Pakhomova N.V., Rikhter K.K. *Ekonomika otraslevykh rynkov i politika gosudarstva [Economics of Industrial Organization and State Policy]*. Moscow, Ekonomika publ., 2009. 815 p. (in Russian).
5. Zazdravnykh A.V., Boitsova E.Yu. *Teoriya otraslevykh rynkov [Theory of Industrial Organization]*. Moscow, Yurait publ., 2017. 288 p. (in Russian).
6. Marx K. *Capital*, Vol. 3. Moscow, Politizdat publ., 1961. 545 p. (in Russian).
7. Hay D.A., Morris D.J. *Industrial economics: theory and evidence*, in 2 volumes. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola publ., 1999. Vol. 1. 384 p. (in Russian).
8. Romanova L.E. Problemy analiza rynochnykh struktur [Problems of Analysis of Market Structures]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2010, no. 1-2, pp. 15-26. (in Russian).
9. Tirole J. *Rynki i rinochnaya vlast' [Market Power and Regulation]*, in 2 volumes. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola publ., 2010. Vol. 1. XL + 450 p. (in Russian).
10. Mason E. Tsenovaya i proizvodstvennaya politika krupnogo predpriyatiya [Price and Production Policies of Large Enterprises], in: *Vekhi ekonomicheskoi mysli*, Vol. 5. Teoriya otraslevykh rynkov, St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola publ., 2003, pp. 13-34. (in Russian).
11. Mason E.S. The Current Status of the Monopoly Problem in the United States. *Harvard Law Review*, 1949, Vol. 62, no. 8 (June), pp. 1265-1285.

12. Bain J.S. *Barriers to New Competition: Their Character and Consequences in Manufacturing Industries*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1956. 329 p.
13. Belleflamme P., Peitz M. *Industrial organization. Markets and strategies*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 702 p.
14. George K.D., Joll C., Lynk E.L. *Industrial Organization. Competition, Growth and Structural Change*, 4th ed. London, New York, 1991. 455 p.
15. Lipczynski J., Wilson J., Goddard J. *Industrial Organization. Competition, Strategy, Policy*, 2nd ed. Edinburgh, 2005. 780 p.
16. Tremblay V.J., Tremblay C.H. *New Perspectives on Industrial Organization, With Contributions from Behavioral Economics and Game*. New York, 2012. 837 p.
17. Waldman D.E., Jensen E.J. *Industrial organization. Theory and practice*, 5th ed. Pearson Education US, 2019. 724 p.
18. Shepherd W.G. On the Core Concepts of Industrial Economics, in: de Jong H.W., Shepherd W.G. (eds.) *Mainstreams in Industrial Organization*, Dordrecht, Martinus Nijhoff publ., 1986, pp. 23-67.
19. Avdasheva S.B., Rozanova N.M. *Teoriya organizatsii otraslevykh rynkov [Theory of Industrial Organization]*. Moscow, Magistr publ., 1998. 320 p. (in Russian).
20. Rozanova N.M. *Ekonomika otraslevykh rynkov [Economics of Industrial Organization]*. Moscow, Yurait publ., 2011. 906 p. (in Russian).
21. Roi L.V., Tret'yak V.P. *Analiz otraslevykh rynkov [Analysis of Industrial Organization]*. Moscow, Prospekt publ., 2016. 440 p. (in Russian).
22. Pokidchenko M.G., Chaplygina I.G. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii [History of Economic Exercises]*. Moscow, Infra-M publ., 2008. 271 p. (in Russian).
23. Kuhn Th. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, Progress publ., 1977. 300 p. (in Russian).
24. Karamova O. Analysis of economic science development in the aspect of different conceptual approaches. *Economic and Law Issues*, 2013, no. 4, pp. 90-93. (in Russian).
25. Schumpeter J. *History of Economic Analysis*, Vol. 1. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola publ., 2001. 552 p. (in Russian).
26. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*, 4th ed. Moscow, Delo publ., 1994. 687 p. (in Russian).
27. DiLorenzo T. The Myth of the natural monopoly. *The Review of Austrian Economics*, 1996, Vol. 9, no. 2, pp. 43-58.
28. Baumol W.J. Determinants of Industry Structure and Contestable Market Theory, in: Bleaney M., Greenaway D., Stewart I. (eds.) *Companion to Contemporary Economic Thought*, St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola publ., 2002, Vol. 1, pp. 618-637. (in Russian).
29. Baumol W.J., Panzar J.C., Willig R.D. *Contestable Markets and the Theory of Industry Structure*. New York, 1982. 510 p.
30. Shepherd W.G. Mainstreams Industrial Organization and «New» Schools. *Revue economique*, 1990, No. 41-3, pp. 453-480.
31. Levin J., Einav L. Empirical Industrial Organization: A Progress Report. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 1, pp. 21-41. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-1-21-41. (in Russian).
32. de Jong H.W. European Industrial Organization: Entrepreneurial Economics in Organization Setting, in: de Jong H.W., Shepherd W.G. (eds.) *Mainstream in Industrial Organization*, Studies in Industrial Organization, Vol. 6, Dordrecht, Martinus Nijhoff publ., 1986, pp. 69-112.
33. Hamel G., Prahalad C.K. *Competing for the Future*. Moscow, Olimp biznes publ., 2002. 275 p. (in Russian).
34. Hayek F. *Individualism and Economic Order*. Moscow, Izograf publ., 2000. 196 p. (in Russian).
35. Carlsson B. Industrial Dynamics: A Review of the Literature 1990–2009. *Industry and Innovation*, 2016, Vol. 23, iss. 1, pp. 1-61. DOI: 10.1080/13662716.2015.1120658.
36. Katkalo V.S. The Founding Concepts of Strategic Management and their Contemporary Assessment. *Russian Management Journal*, 2003, Vol. 1, no. 1, pp. 7-30. (in Russian).
37. Church J., Ware R. *Industrial Organization: A Strategic Approach*. Boston, The McGraw-Hill Companies, Inc., 2000. 1024 p.
38. Porter M. *Competitive Strategy*. Moscow, Al'pina biznes buks publ., 2005. 608 p. (in Russian).

39. Porter M.E. The Contributions of Industrial Organization to Strategic Management. *The Academy of Management Review*, 1981, Vol. 6, no. 4 (Oct.), pp. 609-620.
40. Krugman P.R. *Strategic Trade Policy and New International Economics*. MIT Press, 1986. 313 p.
41. Krugman P., Helpman E. *Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition and International Economy*. MIT Press, 1987. 283 p.
42. Krugman P., Helpman E. *Trade Policy and Market Structure*. Cambridge, MA, London, MIT Press, 1989. 191 p.
43. Levitt T. The globalization of markets. *Harvard Business Review*, 1983, Vol. 61, no. 3, pp. 92-102.

Сведения об авторе

Тарануха Юрий Васильевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики

Адрес для корреспонденции: 199991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1/46

E-mail: Yu.taranukha@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7578-874X

ResearcherID: N-1417-2013

About the author

Yuri V. Taranukha – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economics

Postal address: 1/46, Leninskie gory, Moscow, 199991, Russia

E-mail: Yu.taranukha@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7578-874X

ResearcherID: N-1417-2013

Для цитирования

Тарануха Ю. В. О периодизации развития теории отраслевых рынков // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 23–37. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).23-37.

For citations

Taranukha Yu.V. On the periodization of industrial organization theory. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 23-37. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).23-37. (in Russian).

УДК 331.1
JEL: J01
DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(2).38-47

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

М.Л. Ермакова

*Энгельсский технологический институт (филиал)
Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина (Энгельс, Россия)*

Информация о статье

Дата поступления
22 декабря 2020 г.

Дата принятия в печать
11 мая 2021 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Трудовые отношения, занятость, дискриминация, научно-технический прогресс, дистанционная работа, заработная плата, условия труда

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития трудовых отношений, возникшие на российском рынке труда в последнее время. Цель исследования – выявление основных возникающих в условиях информатизации общества и экономических отношений тенденций развития трудовых отношений, определение их особенностей, что в дальнейшем позволит учитывать эти тенденции в процессе совершенствования трудовых отношений на современном этапе развития экономики России. К их числу относятся: сокращение доли занятых в промышленном производстве и увеличение доли работников в сфере услуг; рост различных форм нестандартной занятости (временной, дистанционной, фрилансерской); рост неформальной, т. е. нерегистрируемой занятости. Рассматриваются факторы, влияющие на изменение трудовых отношений, а также определяются основные на сегодняшний день тренды, характеризующие трудовые отношения, в том числе в условиях эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19. В ходе исследования используется системный подход для анализа экономических, политических и социальных параметров, объясняющих и обуславливающих современное состояние и развитие трудовых отношений в России. Делается вывод, что изменение трудовых отношений сложно и противоречиво, в них переплетаются различные интересы, отражаются все социально-экономические процессы, происходящие в обществе, при этом изменяются, исчезают некоторые формы трудовых отношений, меняется их содержание, возникают новые формы и их характеристики. Полученные выводы и результаты исследования позволяют учесть закономерности развития трудовых отношений, открывают новые возможности в управлении ими. Учет этих характеристик в управленческих стратегиях необходим на всех уровнях существования экономики, применимы для дальнейших исследований по данной проблеме.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LABOR RELATIONS IN RUSSIA

M.L. Ermakova

Engels Institute of Technology (branch) of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Engels, Russia)

Article info

Received
December 22, 2020

Accepted
May 11, 2021

Type paper

Analytical paper

Keywords

Labor relations, employment, discrimination, scientific and technological progress, remote work, wages, working conditions

Abstract. The article discusses the trends in the development of labor relations that have recently emerged in the Russian labor market. The purpose of the study is to identify the main trends in the development of labor relations that arise in the conditions of society and economic relations informatization, as well as to determine their features, which will allow taking these trends into account in the process of improving labor relations at the current stage of development of the Russian economy. These include reduction in the share of people employed in industrial production and an increase in the share of workers in the service sector; growth of various forms of non-standard employment (temporary, remote, freelance); growth of informal, i.e. unregistered employment. The article examines the factors influencing the change in labor relations, identifies the main trends characterizing labor relations today, including in the context of the COVID-19 epidemic. The study uses a systematic approach to analyze the economic, political, and social parameters that explain and condition the current state and development of labor relations in Russia. It is concluded that the change of labor relations is difficult and contradictory. Various interests are intertwined in labor relations, all socio-economic processes taking place in society are reflected, while some forms of labor relations change, disappear, their content changes, new forms and their characteristics arise. The obtained conclusions and the results of the study allow taking into account the regularities of the development of labor relations, open up new opportunities in their management. Taking into account these characteristics in management strategies is necessary at all levels of the economy, they are applicable for further research on this problem.

1. Введение. Под трудовыми отношениями принято понимать отношения между трудом и капиталом, наемным работником и работодателем. В западной литературе трудовые отношения обычно сводятся к отношениям на рынке труда, к взаимоотношениям, которые устанавливаются между работодателями и наемной рабочей силой и взаимодействию спроса и предложения на рынке труда [1]. При этом следует отметить, что трудовые отношения представляют собой более сложную систему со своей внутренней структурой. Их нельзя ограничивать только рамками рынка труда. На рынке труда отношения между работником и работодателем только начинаются. Далее они находят свое развитие в процессе труда и касаются таких важных для их субъектов проблем, как организация и нормирование, условия труда и его безопасность, система оплаты и т. п. Особенно это актуально в современных условиях, когда сохраняется часть существующих характеристик трудовых отношений (накопленные приемы организации труда (планирования, управления, нормирования и т. д.)), способов найма, мотивации. В то же время в экономике наблюдаются процессы, оказывающие непосредственное влияние на сферу труда: усиление информатизации общества и экономических отношений, автоматизация и роботизация, миграционные процессы и пр. Как следствие, происходит изменение в составе и значимости профессий, расширяются такие формы занятости, как совместительство и дополнительная занятость, работа на условиях неполного рабочего дня и гибкого графика работы. В силу этого меняется предметно-содержательная область трудовых отношений.

Под влиянием различных факторов, в том числе научно-технического прогресса, происходит изменение содержания труда в целом ряде производств, превращение его из жестко регламентированного в творческий и познавательный. Труд становится всё более индивидуализированным и децентрализованным, для работодателя большую важность приобретает не процесс труда, а его результат¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что трудовые отношения – это основанные на соглашении (формальном или неформальном) отношения, складывающиеся между субъектами трудовой деятельности непосредственно в процессе этой деятельности. Вовлекая в определение не только непосредственно отношения

в процессе труда, но и другие важные социальные аспекты, так или иначе связанные с трудовой сферой, приходим к понятию «социально-трудовых отношений», содержание которых значительно шире. Всё это требует новых подходов к осмыслению, организации и регулированию трудовых отношений в сложившихся условиях (пандемия, сокращение экономической активности, цифровизация и т. д.). В связи с этим целью исследования ставим необходимость выявить основные возникающие в условиях информатизации общества и экономических отношений тенденции развития трудовых отношений, обозначить их особенности, с тем чтобы в дальнейшем иметь возможность учитывать эти тенденции в процессе совершенствования трудовых отношений на современном этапе развития национальной экономики.

2. Обзор литературы. На данный момент имеется достаточно много публикаций, освещающих вопросы изменения трудовых отношений под влиянием различных факторов. Попытки по-новому оценить происходящие в обществе и системе трудовых отношений изменения, которые обусловлены становлением инновационной экономики в нашей стране, были предприняты рядом отечественных специалистов.

Анализу трансформации трудовых отношений в современной России посвящены работы таких отечественных ученых, как Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон [2; 3], С.Г. Кирдина [4]. Предпринятый в их работах анализ ряда аспектов занятости и трудовых отношений позволяет сделать вывод о том, что чрезвычайные антикризисные меры по поддержанию занятости в краткосрочной перспективе достаточно эффективны, однако долгосрочная политика является предметом серьезных дискуссий. В.Л. Иноземцев отмечает, что на рынке труда начинает возникать всё большая конкуренция в сфере массового индустриального производства. Такая ситуация связана с постепенным сокращением потребности в малоквалифицированном труде в промышленном производстве, а также сокращением уровня его оплаты [5].

Вопросами теневой экономики и занятости в неформальном секторе интересовались американские ученые Э. Фейг [6], П. Гутман [7], в конце 1970-х – начале 1980-х гг. обнаружившие, что реальная экономическая активность выше официально регистрируемой.

Новым формам взаимодействия субъектов трудовых отношений в современных организациях посвящены работы таких авторов, как Дж. Милнер [8], Ч. Хэнди [9], М. Кастельс [10].

Достаточно большое количество исследований посвящено вопросам, касающимся автоматизации рабочих мест, сокращения числа работников вследствие данной автоматизации, а также изменений в сфере занятости населения [11].

Несмотря на пристальное внимание ученых к проблемам становления и изменения трудовых отношений, данные вопросы остаются актуальными вследствие постоянно изменяющейся экономической, политической и социальной среды.

3. Тенденции развития трудовых отношений. В процессе функционирования любой системы, в том числе и системы трудовых отношений, происходит ее трансформирование, изменяются тенденции ее существования, в результате чего изменяется сама система [12].

Рассмотрим основные тенденции в развитии трудовых отношений в России на современном этапе, в том числе учитывая влияние пандемии, проявившееся в первую очередь в ускорении преобразований на рынке труда.

3.1. Влияние научно-технического прогресса. Важной основой для внедрения новой организации производства и, соответственно, новых трудовых отношений являются новые технологии. Новые технологии позволяют с всё возрастающей интенсивностью замещать рабочую силу, прежде всего в направлении избавления от рутинных, машиноподобных операций, причем не только в производстве материальных благ, но и всё более в сфере услуг. С другой стороны, они требуют большего интеллектуального потенциала существующих знаний, неоднократного обновления знаний на протяжении всей жизни и, как следствие, изменения творческой парадигмы, повышения индивидуальности при одновременном увеличении значимости общечеловеческих ценностей [12].

Для того чтобы правильно оценить влияние научно-технического прогресса на трудовые отношения, следует рассматривать как положительные, так и отрицательные последствия научно-технического прогресса. К положительным можно отнести:

– сокращение живого труда, обеспечивающее сохранение общего количества рабочих мест на разных интеллектуальных уровнях и

(или) происходящее в интересах укомплектования рабочих мест, создаваемых в новых отраслях материального производства и в сфере нематериального производства, что может быть достигнуто в условиях перехода к постиндустриальному хозяйству;

– увеличение степени свободы человека – повышение уровня образования, появление новых профессий, специальностей; человек получил возможность реализовать практически все свои потенциальные способности и возможности;

– постепенная передача машине выполнения логических функций человека – автоматизация производства и управления;

– всестороннее развитие культуры как духовного потенциала труда.

Среди отрицательных последствий можно выделить следующие:

– потеря индивидуальности как внешней, так и внутренней жизни человека: техническая цивилизация стремится к тому, чтобы человек стал ее частью и перестал быть личностью;

– замена человека машиной, как результат – многие лишились работы, однако машина не может научить всему лучше учителя;

– пагубное воздействие компьютера на здоровье и психику людей: дальнейшее развитие компьютерных технологий может коренным образом модифицировать социальные отношения в обществе; как мы наблюдаем, машина с успехом компенсирует человеческое общение, всё меньше детей заводят друзей, предпочитая находить их в виртуальном мире.

Одним из объяснений влияния технологии на трудовые отношения является гипотеза о том, что технологические новшества стимулируют развитие различных специальностей. И электричество, и компьютерные технологии привели к росту спроса на квалифицированный труд, в то время как механизация производства в эпоху господства пара в XIX в. повысила относительный рост спроса на низкоквалифицированных работников. Поэтому, возможно, основным фактором являются не темпы научно-технического прогресса, а его характер [13].

Следует отметить, что на сегодняшний день люди теряют работу не только из-за распространения новых технологий, но и из-за экономического кризиса, как утверждает в докладе «Будущее рабочих мест 2020», опубликованного Всемирным экономическим фо-

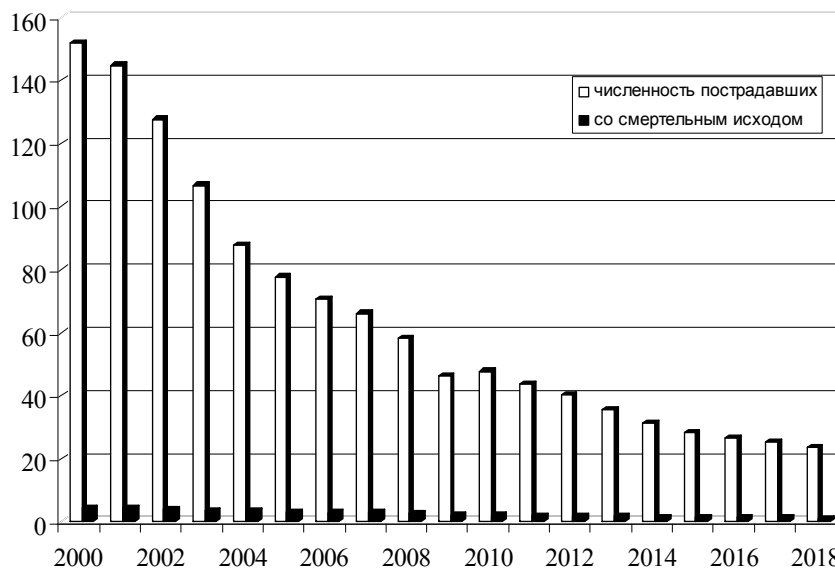
румом (ВЭФ). Согласно докладу, к 2025 г. новые технологии уничтожат 85 млн рабочих мест и создадут взамен 97 млн новых. Но при этом новые рабочие места будут появляться значительно медленнее, чем начнут исчезать старые. Также, по мнению ВЭФ, значительно усугубила неравенство на рынке труда и пандемия COVID-19, приведшая к остановке роста занятости и ускорению внедрения цифровых технологий².

3.2. Условия труда и риски их ухудшения.

С одной стороны, мы видим, что современное производство предъявляет всё более жесткие

требования к созданию нормальных условий труда. При этом, несмотря на всю работу, проводимую в этом направлении, проблемы остаются и вопросы безопасности работников по-прежнему актуальны.

Согласно данным Росстата, в 2017 г. 25,4 тыс. чел. пострадали на производстве от несчастных случаев, из них 1,1 тыс. погибла. Если сравнивать эти показатели с цифрами десятилетней давности, то это в 2,5 раза меньше, чем в 2007 г., когда были зафиксированы 66 тыс. инцидентов (в которых погибли 3 тыс. чел.)³, см. график.

Количество пострадавших при несчастных случаях на производстве, тыс. чел. (сост. по данным Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm))

Number of industrial accident victims, thousand people (comp. by according to the Federal State Statistics Service (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm))

В 2019 г. сохраняется устойчивая тенденция к снижению уровня производственного травматизма. За 11 месяцев 2019 г. произошло 4 078 несчастных случаев с тяжелыми последствиями, что на 9 % ниже, чем за аналогичный период 2018 г. (4 479 случаев). Также отмечается снижение числа погибших на производстве: за 11 месяцев 2019 г. погибло на 12 % меньше работников, чем за аналогичный период 2018 г. (1 018 и 1 158 чел. соответственно)⁴.

Кроме того, в ряде случаев, когда работодатель не заинтересован в выстраивании долгосрочных трудовых отношений с работником, он может посчитать нецелесообразным вкладываться в улучшение условий труда, так как всегда можно найти нового работника, который согласится работать и в данных условиях.

3.3. Гибкое рабочее время и гибкие рабочие места (дистанционная работа). Некоторые авторы считают, что наличие разнообразных видов занятости позволяет учитывать разнообразные потребности и интересы работодателей и работников, обеспечивая при этом положительное влияние на производительность труда, удержание работников, качество работы⁵.

Данная тенденция особенно актуальна на сегодняшний день в условиях коронавирусной инфекции. Доля россиян, работающих в компаниях, полностью перешедших на «удаленку», выросла с 3 до 14 % за период с марта по май 2020 г. Однако данный формат могут использовать не все компании, в первую очередь такой формат удобен для специалистов, заня-

тых интеллектуальной деятельностью (дизайнеры, программисты, переводчики и др.).

Данную тенденцию следует рассматривать с двух сторон – работника и работодателя. Для работника бесспорным преимуществом является возможность самостоятельно распределять свое рабочее время, ее отметили 79 % опрошенных *HeadHunter*. В числе иных преимуществ было отмечено то, что не нужно тратить время на поездки до офиса (75 %); можно работать из любой точки мира, работник не привязан к конкретному рабочему месту (64 %); возможность выполнять несколько видов работ (47 %). Только 2 % опрошенных не нашли плюсов в удаленной работе. Но неоспоримым минусом является отсутствие живого общения вообще и по рабочим вопросам в частности – на это пожаловались 43 % респондентов. Также отмечается недовольство изменением условий карьерного и профессионального роста (35 %) и отвлекающими от работы бытовыми факторами (34 %). Только 44 % опрошенных отметили, что им никто не мешает работать⁶.

Для работодателя такая форма организации работы позволяет расширить географию поиска сотрудников. Становится гораздо проще и выгоднее нанимать сотрудников из других регионов, в том числе в формате фриланса. Это может быть как минимум дешевле, но главное здесь, конечно, найти максимально подходящего работника. Нельзя не отметить и экономии на аренде помещений, организации рабочих мест для сотрудников, покупке канцелярских принадлежностей и т. д.

Среди негативных моментов – уменьшение взаимосвязи между производительностью и карьерным ростом. Многие работники на «удаленке» могли работать лучше офисных коллег, но при этом двигались по карьерной лестнице в первую очередь офисные работники. Это связано, скорее всего, с тем, что руководство, не видя сотрудников постоянно перед глазами, не может полностью оценить их вклад, если нет конкретных критериев, также сказывается отсутствие живого общения.

COVID-19 подталкивает компании расширять применение удаленного режима работы за счет цифровизации многих рабочих процессов (83 %). Как отмечается в докладе ВЭФ, пандемия разделила работников на три категории: жизненно необходимый для организации персонал, который работает на местах, удаленные работники, которые могут работать

дистанционно и, скорее всего, сохраняют свои рабочие места, и уволенные временно или окончательно работники. Таким образом, все эти три типа работников сталкиваются сейчас с необходимостью дополнительного обучения, переквалификации. К основным навыкам, которыми должны овладеть работники к 2025 г., относятся критическое мышление, умение анализировать и находить комплексное решение проблем, навыки самоуправления и активного обучения, стрессоустойчивость и гибкость⁷.

Особенностью сегодняшнего дня является то, что цифровизация, ускоренная пандемией, способствовала увеличению спроса на высококвалифицированный труд специалистов в этой сфере, при этом сильно пострадал сегмент средней квалификации, так как автоматизация заменяет рутинный труд. Необходимость в цифровых компетенциях возрастет практически во всех профессиях. Специалисты тех сфер, которые наибольшим образом пострадали в пандемию, теперь претендуют на другие вакансии, увеличивая тем самым конкуренцию на рабочие места.

3.4. Неопределенность относительно длительности отношений занятости (прекариат). Сегодня на рынке труда наблюдается существенное реальное сокращение постоянных рабочих мест – прекарнизация, т. е. относительно гарантированные ранее трудовые отношения становятся негарантированными и незащищенными [14]. В процессе прекарнизации работники могут терять трудовые гарантии и права, которые в течение длительного времени предоставлялись им ранее. Работники больше не уверены в том, что они будут работать у конкретного работодателя длительное время в силу отсутствия гарантий с его стороны. Соответственно, неопределенность порождает риски для всех субъектов труда, так как отношения между ними могут закончиться в любой момент, что в свою очередь способствует частичной утрате квалификации и профессиональных навыков. Это навязанная инертность, помеха социальной мобильности, в большинстве случаев человек деградирует [15]. Таким образом, работники вынуждены постоянно менять место работы. Большинство из них работают, заключая срочные контракты и договоры, как следствие, не имеют возможности получать социальную поддержку от государства, пенсионное обеспечение, отпуск, пособия по безработице, больничные и оплату медицинских счетов.

3.5. Скрытый характер отношений занятости – неформальная занятость. Согласно данным, представленным в отчете НИИ ВШЭ по рынку труда в России, доля неформально занятых работников составляет 20–25 % от всех занятых по данным Росстата и 10–15 % – по международной методике оценки [16].

Основные причины такого положения:

– несовершенство трудового законодательства, позволяющее уклоняться от соблюдения законов, и при этом недостаточно жесткие и малоэффективные санкции за нарушения;

– готовность самих граждан работать без юридического оформления трудовых отношений, что гарантировало бы им соблюдение социальных гарантий и правовую защиту;

– недостаточно высокий уровень оплаты труда в формальном секторе экономики.

Очевидным минусом неформальной занятости является незащищенность работника: отсутствие каких-либо официально оформленных отношений, касающихся трудовой деятельности, приводит к бесправию наемного работника, который вынужден соглашаться на менее выгодные условия труда; оплата труда по договоренности не гарантирует своевременности и полноты получения заработной платы; использование преимущественно на неквалифицированных работах снижает уровень профессионализма работников [17].

Последствия со стороны работодателя – отсутствие законной возможности требовать высокого качества труда; низкая лояльность работников; экономия на налогах и социальных выплатах сопряжена с возможностью признания бизнеса незаконным.

Со стороны государства – недополучение средств бюджетом, что не позволяет государству исполнять свои обязательства перед гражданами в полной мере. Так, значительная часть работников находится вне системы социальных гарантий и не имеет возможности развивать свои профессиональные компетенции, тем самым сокращаются и возможности государства по развитию человеческого капитала.

Согласно статистике, в 2017 г. концентрация неформально занятых была наибольшей в сфере торговли и ремонте автомобилей (32,7 % от всех неформально занятых), сельском, лесном хозяйстве и промыслах (16,8 %), а также в строительстве (11,7 %), транспортировке (9,9 %) и обрабатывающем производстве (9,5 %) [1]. Такое положение объясняется

спецификой выделенных отраслей, в которых получило широкое распространение использование неквалифицированной рабочей силы. Основная доля работников, не имеющих официально оформленных трудовых отношений, работает на рабочих местах, не требующих специальной подготовки. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 г. доля работников, не имеющих специальной подготовки (среднее общее образование), составляла 17,8 %, т. е. это практически одна пятая всей рабочей силы, имеющейся в нашей стране, из них 20,1 % – мужчины, 15,3 % – женщины⁸.

Времена, когда работодатель, подписывая бессрочный трудовой договор, обеспечивал работнику на неограниченный период времени рабочее место и безопасные условия труда, гарантировал занятость и заработную плату, уходят в прошлое. На смену приходят новые формы организации занятости – срочный трудовой контракт или работа по гражданско-правовому договору.

Однако положительным моментом является то, что неформальная занятость снижает напряженность на рынке труда, сокращая фактическую безработицу; способствует заполнению непрестижных и непривлекательных рабочих мест; обеспечивает на рынке труда конкуренцию.

3.6. Неустойчивый размер заработной платы. Заработная плата всегда выступает одним из ключевых компонентов издержек работодателя. Так, с учетом легкой заменимости работников работодатель может значительно снизить ее размер до уровня, не ограниченного требованиями Трудового кодекса в части минимального размера труда. При этом заниженная оплата труда способствует сокращению стимулов к высокопроизводительному и качественному труду.

3.7. Ограничение возможностей воспроизводства профессиональных навыков. Интенсификация труда приводит к тому, что, с одной стороны, работники лишаются возможности уделять время своему профессиональному развитию, с другой – работодатели особо не стремятся вкладывать деньги в обучение персонала. В силу того, что отсутствует уверенность в завтрашнем дне, что работа на данного работодателя или по данной профессии будет актуальна, работники не видят перспектив в самоопределении и профессиональном росте.

Примерно 43 % ныне действующих профессий выйдут из обращения к 2030–2035 гг. Прогнозируется, что в ближайшие десять лет примерно 6,5 млн рабочих мест могут исчезнуть, а 20–25 млн рабочих мест претерпят существенные качественные изменения в требованиях к тому, что будет делать человек. То есть, можно предположить, что мы потеряем 26,5 млн имеющихся рабочих мест и получим 20 млн новых, но с другими требованиями⁹.

3.8. Изменение самой структуры занятости. Идет переток рабочей силы из промышленных отраслей в сферу услуг, что сопровождается ростом категории временных работников. Уровень трудоемкости изменяет распределение работников по двум прямо противоположным направлениям: труд с низкой трудоемкостью требует высокой профессиональной подготовки, а работа с высокой трудоемкостью обеспечивается работниками с низкими требованиями к уровню квалификации.

Растет число мигрантов, приезжающих в Россию в поисках заработка и готовых работать без официального оформления трудовых отношений. По данным МВД, в 2019 г. было поставлено на учет 13 млн чел. Россия занимает четвертое место в мире по числу принятых мигрантов¹⁰. Отсутствие разрешения на работу подталкивает нелегальных мигрантов к поиску низкоквалифицированного труда на любых условиях его оплаты [15]. Это не может не оказывать влияния на закрепление низкого уровня развития производства и его производительности.

При этом большинство экспертов соглашались с необходимостью миграции для развития России, вопрос остается лишь в том, сколько нам необходимо мигрантов и каких, учитывая профессии, квалификации и сферы занятости.

Основные сферы, где используется труд мигрантов, – это жилищно-коммунальное хозяйство и сфера оказания услуг. К основным параметрам использования иностранной рабочей силы на российских предприятиях можно отнести нежелание российских работников идти на тяжелую, грязную и т. п. работу; возможность нанимать мигрантов на время, в зависимости от сезона и перепадов конъюнктуры; меньший объем расходов на социальные и пенсионные выплаты; возможность сверхурочной работы иностранных работников без дополнительной оплаты.

3.9. Сохранение на рынке труда различного рода дискриминаций. В большей степени укоренилась дискриминация по возрасту, причем как старшего поколения, так и молодого. Однако нельзя не отметить, что старшее поколение имеет много положительных социальных характеристик [18]. Пожилые работники обладают знаниями и профессиональными навыками, приобретенными на протяжении всей трудовой жизни, имеют достаточно высокий уровень образования. Они являются носителями таких качеств, как зрелость, надежность, стабильность, более позитивное отношение к труду, меньшее число производственных происшествий. Однако подвергаются дискриминации на рынке труда и молодые работники из-за отсутствия опыта работы. Таким образом, можно сделать вывод, что возможной жертвой дискриминации по возрасту может стать человек в любом возрасте [18].

4. Дополнительная занятость и критерии выбора работодателя. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 70 % работающих россиян допускают для себя возможность иметь дополнительную занятость, приносящую доход. Среди всех россиян хотел бы найти себе подработку 71 %. Основные сферы занятости или виды деятельности, где хотели бы подработать россияне, – продажа или торговля (8 %), строительство (8 %) и образование (5 %). О способах подработки в Интернете большинство (56 %) ответили, что не знают таковых, 20 % затруднились ответить на данный вопрос. Можно сделать вывод, что большинство россиян хотели бы иметь возможность дополнительного дохода. Самые популярные интернет-сервисы для поиска подработки – «Авито» (7 %), *HeadHunter* (7 %) и «Работа.ру» (5 %)¹¹.

При выборе работодателя наиболее важными для россиян критериями выбора являются хорошая зарплата (4,69 балла из 5 возможных) и своевременность выполнения компанией обязательств (4,66). Также отмечается важность следования нормам безопасности при организации рабочего процесса (4,57), наличие благоприятного психологического климата (4,52), наличие возможности реализовать свои знания и навыки на рабочем месте (4,50), удобные часы работы и комфортные условия труда (4,46), наличие социального пакета (4,36), стабильность (4,33) и эффективность управления в компании (4,14)¹².

5. Заключение. Таким образом, в ходе исследования современных трудовых отношений были выявлены основные тенденции их развития, как положительные, так и негативные. В качестве основных трендов, характеризующих трудовые отношения на сегодняшний день, с учетом влияния отмеченных выше факторов можно отметить следующие:

1. Изменение процесса организации работы: увеличился объем удаленной работы, появилась необходимость использовать новые инструменты, что привело к необходимости решать новые проблемы в области коммуникации между работниками и работодателями, коллегами и партнерами, работниками и заказчиками.

2. Пандемия, приведшая не только к сокращению числа рабочих мест, но и ускорившая их трансформацию. Цифровизация рабочих процессов вызвала необходимость овладения работниками новыми компетенциями: способности самому обустроить рабочее место, самостоятельно решать новые задачи, активно и быстро обучаться новым навыкам, наконец сочетать работу с домашними делами и т. д.

3. Распространение новых форм и видов организации занятости – работа по краткосрочным контрактам, частичная занятость, удаленный труд, свободная занятость (фриланс), аутсорсинг, аутстаффинг и т. д.

4. Перераспределение рабочего времени – график стал ненормированным, возникли трудности с самодисциплиной, коллеги не чувствуют границ рабочего времени, произошел отказ от многих привычных форм досуга.

5. Цифровое неравенство – работники вынуждены были быстро овладевать новыми инструментами связи, взаимодействия, однако не у всех дома имелась такая возможность, а работодатели не всегда могли обеспечить работника всем необходимым.

6. Необходимость использовать новые методы контроля и учета рабочего времени удаленного персонала с целью сохранения их эффективности на прежнем уровне, темпов исполнения, не допущения снижения объема и качества выполняемых задач. Не осуществляя

явный или скрытый контроль штатных сотрудников в условиях труда на удаленном рабочем месте, работодатель не может быть уверен, что в рабочие часы они присутствуют за монитором, исполняя свои обязанности.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что недостаточная изученность изменений в характере труда, очевидно, может привести к негативным последствиям как для государства, так и для организаций и работников.

Примечания

¹ Good Work: The Taylor Review of Modern Working Practices. July 2017. 115 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/627671/good-work-taylor-review-modern-working-practices-rg.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

² The Future of Jobs Report 2020 / World Economic Forum. October 2020. 162 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

³ Россия в числе лидеров по количеству смертей на рабочем месте // Eurasianet.org. Nov. 6, 2018. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-в-числе-лидеров-по-количеству-смертей-на-рабочем-месте> (дата обращения: 23.09.2020).

⁴ Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/safety/321> (дата обращения: 25.09.2020).

⁵ Good Work: The Taylor Review of Modern Working Practices.

⁶ Когда и как работодатели возвращают сотрудников с удаленки // HeadHunter. 14 июня 2020. URL: <https://tomilino.hh.ru/article/26942> (дата обращения: 28.09.2020).

⁷ The Future of Jobs Report 2020.

⁸ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения: 15.09.2020).

⁹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналит. центр при Правительстве Рос. Федерации, 2018. 172 с.

¹⁰ Гусенко М. Точки притяжения // Российская газета. 2019. 18 сент. URL: <https://rg.ru/2019/09/18/rossiia-zaniata-chetvertoe-mesto-v-mire-po-chislupriniatyhmigrantov.html> (дата обращения: 18.10.2020).

¹¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. сайт. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹² Там же.

Литература

1. Развитие трудовых отношений в современной России: актуальные аспекты : моногр. / под ред. В. С. Половинко. – Омск : Изд-во Ом. гос. унта, 2019. – 157 с.

2. Гимпельсон В. Е., Шарунина А. В. Потoki на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 19. – № 3. – С. 313–348.

3. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития : пре-принт WP3/2014/04. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 41 с. – (Сер. WP3 «Проблемы рынка труда»).
4. Кирдина С. Г. Трудовые отношения в редистрибутивных экономиках: случай России // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт) / отв. ред. М. В. Каргалова, К. Д. Крылов. – М. : Велби : Проспект, 2003. – С. 37–55.
5. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М. : Логос, 2000. – 304 с.
6. Feige E. L. How Big is the Irregular Economy? // Challenge. – 1979. – No. 22. – P. 5–13.
7. Gutmann P. M. The Subterranean Economy // Financial Analysts Journal. – 1977. – No. 34 (1). – P. 24–27.
8. Milner J. M., Pinker E. J. Contingent labor contracting under demand and supply uncertainty // Management Science. – 2001. – Vol. 47, iss. 8. – P. 1046–1062.
9. Handy C. The Future of Work : A Guide to a Changing Society. – Oxford : Basil Blackwell, 1984. – 214 p.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Кройтор С. Новые модели бизнеса и нетрадиционные формы занятости в условиях цифровой трансформации: взгляд социолога // Общество и экономика. – 2019. – № 3. – С. 136–154. – DOI: 10.31857/S020736760004295-3.
12. Ермакова М. Л. Преодоление инерционных характеристик трудовых отношений на российских предприятиях // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2008. – Т. 2, № 1 (32). – С. 161–169.
13. Развитие трудовых ресурсов как фактор экономического роста / под ред. С. Г. Землянухиной. – Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2006. – 274 с.
14. Горшков М. К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социальные исследования. – 2015. – № 1. – С. 35–44.
15. Ольховский В. В. Современные тенденции развития занятости на российском рынке труда // Наукоедение. – 2017. – Т. 9, № 6. – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/81EVN617.pdf> (дата обращения: 27.09.2020).
16. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой, С. Ю. Рощина. – М. : Высш. шк. экономики, 2017. – 145 с.
17. Масленникова Е. В. Особенности развития социально-трудовых отношений в России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 3 (258). – С. 98–101.
18. Хоткина З. А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народо-население. – 2013. – № 3. – С. 27–37.

References

1. Polovinko V.S. (ed.) *Razvitie trudovykh otnoshenii v sovremennoi Rossii: aktual'nye aspekty* [Development of labor relations in modern Russia: actual aspects], Monograph. Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., 2019. 157 p. (in Russian).
2. Gimpelson V., Sharunina A. Flows in the Russian labor market: 2000-2012. *HSE Economic Journal*, 2015, Vol. 19, no. 3, pp. 313-348. (in Russian).
3. Kapelyushnikov R.I. *Rossiiskii rynek truda: paradoksy postkrizisnogo razvitiya* [The Russian labor market: paradoxes of post-crisis development], preprint WP3/2014/04. Moscow, HSE publ., 2014. 41 p. (in Russian).
4. Kirdina S.G. Trudovye otnosheniya v redistributivnykh ekonomikakh: sluchai Rossii [Labor relations in redistributive economies: the case of Russia], in: Kargalova M.V., Krylov K.D. (eds.) *Politika sotsial'nogo partnerstva (rossiiskii i zarubezhnyi opyt)* [Social Partnership Policy (Russian and foreign experience)], Moscow, Velbi publ., Prospekt publ., 2003, pp. 37-55. (in Russian).
5. Inozemtsev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects]. Moscow, Logos publ., 2000. 304 p. (in Russian).

6. Feige E.L. How Big is the Irregular Economy? *Challenge*, 1979, No. 22, pp. 5-13.
7. Gutmann P.M. The Subterranean Economy. *Financial Analysts Journal*, 1977, No. 34 (1), pp. 24-27.
8. Milner J.M., Pinker E.J. Contingent labor contracting under demand and supply uncertainty. *Management Science*, 2001, No. 47 (8), pp. 1046-1062.
9. Handy C. *The Future of Work*, A Guide to a Changing Society. Oxford, Basil Blackwell publ., 1984. 214 p.
10. Castells M. *End of Millennium*, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. III. Cambridge, MA, Oxford, UK, Blackwell publ. 448 p.
11. Kroitor S. New business models and non-standard forms of employment in conditions of digital transformation: sociologist's perspective. *Society and Economy*, 2019, no. 3, pp. 136-154. DOI: 10.31857/S020736760004295-3. (in Russian).
12. Yermakova M.L. Overcoming of inertial characteristics of labour relations at Russian enterprises. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2008, Vol. 2, no. 1 (32), pp. 161-169. (in Russian).
13. Zemlyanukhina S.G. (ed.) *Razvitie trudovykh resursov kak faktor ekonomicheskogo rosta* [Development of labor resources as a factor of economic growth]. Saratov, Saratov State Technical University publ., 2006. 274 p. (in Russian).
14. Gorshkov M.K. Middle class as reflection of economic and socio-cultural model of contemporary Russia's development. *Sociological Studies*, 2015, no. 1, pp. 35-44. (in Russian).
15. Olkhovskiy V.V. Modern trends in the development of employment on the Russian labour market. *Naukovedenie*, 2017, Vol. 9, no. 6, available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/81EVN617.pdf> (accessed date: September 27, 2020).
16. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu. (eds.) *Rossiiskii rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya* [Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Moscow, HSE publ., 2017. 145 p. (in Russian).
17. Maslennikova E.V. Osobennosti razvitiya sotsial'no-trudovykh otnoshenii v Rossii [Features of the development of social and labor relations in Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 3 (258), pp. 98-101. (in Russian).
18. Khotkina Z.A. "Normal labour potential" and age discrimination. *Population*, 2013, no. 3, pp. 27-37. (in Russian).

Сведения об авторе

Ермакова Марина Львовна – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономики и гуманитарных наук
Адрес для корреспонденции: 413100, Россия, Энгельс, пл. Свободы, 17
E-mail: marina_engels@mail.ru
РИНЦ AuthorID: 508992

About the author

Marina L. Ermakova – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Humanities
Postal address: 17, Svobody pl., Engels, 413100, Russia
E-mail: marina_engels@mail.ru
RSCI AuthorID: 508992

Для цитирования

Ермакова М. Л. Современные тенденции развития трудовых отношений в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 38–47. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).38-47.

For citations

Ermakova M.L. Modern trends in the development of labor relations in Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 38-47. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).38-47. (in Russian).

УДК 338.001.36
JEL: O14, O33
DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(2).48-55

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ГОРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Л.В. Кортенко

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
23 декабря 2020 г.

Дата принятия в печать
15 февраля 2021 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Информационная система,
производственная безопас-
ность, горнодобывающее пред-
приятие, MRP II, ERP II

Аннотация. Приведены статистические примеры проблем в управлении производственной безопасностью горнодобывающих предприятий, обобщены особенности и роль обращения информации, проведен анализ информационных систем для выявления блока управления оперативной производственной безопасностью в них. Сформулированы аспекты, которые необходимо учитывать при планировании мероприятий по обеспечению производственной безопасности. Анализ информационных систем и программных продуктов для управления горными предприятиями и решения задач оперативного управления промышленной безопасностью позволяет структурировать рынок программных продуктов и информационных систем. Выделены пять групп информационных систем для горнодобывающих предприятий: по обеспечению производственной безопасности, ERP, интеграция системы автоматизации оперативного управления предприятием с MRP II, ERP II (представлены 1C и SAP), функциональные производственные информационные системы. Систематизация развития информационных систем горнодобывающих предприятий позволяет прогнозировать слияние функционального программного обеспечения, ERP II, технологических разработок по отдельным направлениям систем безопасности с целью повышения безопасности персонала и самих горнодобывающих производств в интересах общества и окружающей среды. Приведены примеры использования информационными системами комплексных цифровых программных решений: цифровой макет или двойник, дополненная и виртуальная реальность, промышленный интернет вещей, блокчейн и облачные вычисления, дроны и робототехника, искусственный интеллект и нейронет. Сделан вывод, что снабжение сотрудников для обеспечения их безопасности перечисленными цифровыми программными решениями и их обучение требуемым цифровым навыкам увеличивает длительность жизненных циклов информационных систем, повышает их конкурентные преимущества; развитие и реализация информационных систем повышают достижения горных предприятий благодаря совершенствованию оперативного управления их производственной безопасностью.

INFORMATION SYSTEMS FOR MANAGING OPERATIONAL PRODUCTION SAFETY OF MINING ENTERPRISES

L.V. Kortencko

Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received
December 23, 2020

Accepted
February 15, 2021

Type paper

Analytical paper

Abstract. The study provides statistical examples of problems in the management of industrial safety of mining enterprises, the features and role of information circulation are summarized, analyzes information systems to identify the block of operational production safety management unit in them. The aspects that need to be taken into account when planning measures to ensure industrial safety are formulated. The analysis of the information systems and software products for the management of mining enterprises and solving the problems of operational management of industrial safety allows to structure the market of software products and information systems. Five groups of information systems for mining enterprises are identified: on providing a production security, ERP, integration the enterprise operational management automation system with MRP II, ERP II (presented by 1C and SAP), functional production information systems. Systematization of the development of information systems of mining enterprises allows us to predict the merger of functional software, ERP II, technological developments in certain areas of security systems in order to improve the safety of personnel and the mining enterprises themselves in the interests of society and the environment. The article contains examples of the use by information systems the integrated digital software solutions: digital mock-up, augmented and virtual reality, industrial internet of things, blockchain and cloud

Keywords

Information system, industrial safety, mining enterprise, MRP II, ERP II

computing, drones and robotics, artificial intelligence and NeuroNet. Providing employees with the listed digital software solutions to ensure their security and training them in the required digital skills increases the duration of the life cycles of information systems, increases their competitive advantages. The development and implementation of information systems increase the achievements of mining enterprises by improving the operational management of their production safety.

1. Введение. Горные предприятия всех сфер и направлений деятельности стремятся достигнуть социально-экономической эффективности, с каждым годом усложняя, разрабатывая и внедряя инновационные технологии в свой нелегкий труд. Как для любых особо опасных производств, вопросы промышленной и пожарной безопасности, охраны труда и окружающей среды, экономической и информационной безопасности для них остаются на первом месте. Невозможно подвести итоги и результаты успешной деятельности и определить прибыль, потеряв репутацию надежного производителя, партнера, работодателя, субъекта хозяйственной деятельности в регионе, поэтому эффективное управление производственной безопасностью требует оперативности, обоснованности, тщательности, контроля и ответственности. В настоящее время на горнодобывающих предприятиях «до 60 % травм и аварий происходит вследствие действий персонала, вызванных ошибочными представлениями о реальном уровне опасности» [1, с. 60]. По данным европейского аналитика В. де Леув, статистика по управлению в сферах охраны труда, окружающей среды и промышленной безопасности составляет для одной «нефтяной компании супер-класса: 3 серьезных аварии каждые 2 года; 1 катастрофа в 20 лет; ежегодные потери 0,3 % от оборота, 4 % от выручки; одной серьезной аварии предшествуют 50 незначительных и 500 инцидентов)»¹. Меньшие предприятия демонстрируют подобные компаниям «супер-класса» результаты.

2. Обзор литературы. Об управлении производственной безопасностью предприятий писали В.Л. Могилат, Р.Р. Усманов, Е.В. Кислицын и С.В. Орехова, В.А. Уварова и др. [1–4]. Для предприятий горнодобывающей промышленности по этому же направлению работали А.Ф. Клебанов, Ч. Бо, Л. Ксюелонг, И.В. Штыкова и Н.В. Мазур, А.В. Варичев и др. [5–9]. Интеграция информационных систем и управления рассмотрена Н. Байгорик [10], Д. Комленович [11]. Литературы по использованию 1С и SAP в сфере управления оперативной произ-

водственной безопасностью на горных предприятиях не обнаружено ни в российских, ни в зарубежных источниках, только публикации в Интернете². В научных публикациях (см.: [12–14]) и различных интернет-источниках³ найдена информация о практическом применении специализированных программ по управлению производственной безопасностью.

3. Гипотезы и методы исследования. Анализ и систематизация содержания, особенностей и достоинств рекомендуемых и используемых информационных систем управления разнонаправленных горных предприятий позволит определить наличие в них блока управления оперативной производственной безопасностью на всех уровнях менеджмента, его качества и уровня использования в деятельности предприятий. Материалом исследования стали публикации в журналах, «Российской газете», статистические данные и заявления из открытых интернет-источников. Методами работы были анализ и синтез, сравнение и обобщение, абстрагирование, систематизация, индукция и дедукция. Обсуждение результатов исследования состоялось 4 декабря 2020 г. на VIII Международной научно-практической конференции «VI-технологии и корпоративные информационные системы в оптимизации бизнес-процессов», проходившей в Уральском государственном экономическом университете, по итогам доклада автора.

4. Результаты исследования. Любая система оперативного управления производственной безопасностью горнодобывающего производства призвана вырабатывать предупреждающие решения, основанные на имеющейся базе знаний, данных и фактов. При планировании мероприятий по обеспечению производственной безопасности необходимо учитывать многие аспекты: количество и уровень квалификации работающих, природно-климатические особенности, результаты специальной оценки условий труда всех рабочих мест, проверок и анализа безопасности предыдущих периодов, наработки испытательных станций, лабораторий по проверке средств защиты, обо-

рудования, производственных образцов и поверке средств измерений и т. д.

Контроль состояния всех производственных процессов с позиции безопасности, включая обеспеченность персонала необходимыми допусками к работе и средствами индивидуальной защиты, отсутствие травматизма, профзаболеваний, чрезвычайных ситуаций, обеспечивает рациональную организацию производственной системы. Для воплощения планов управления безопасностью горнодобывающего производства требуется «единая система, позволяющая проактивно управлять безопасностью и оперативно реагировать на все изменения на предприятии, напрямую или косвенно влияю-

щие на безопасность и здоровье людей» [2]. Учет и реализация всех требований при управлении безопасностью горнодобывающего производства позволяют экономическим субъектам планировать дальнейшее финансирование и определять результативность работы, ее экономическую эффективность. Комплексный подход к оперативному управлению производственной безопасностью, пронизывающий все бизнес-процессы и структуры менеджмента горнодобывающего предприятия и касающийся вопросов репутации, социума, экологии, соблюдения требований и стандартов, мог бы в полной мере обуславливать и поддерживать экономическую эффективность бизнеса (см. рис.).

*Роль единой системы оперативного управления производственной безопасностью
(сост. на основе анализа: [1; 4])*

The role of the unified operational safety management system (comp. by on the basis of the analysis: [1; 4])

На качество передачи, обработки, приема и понимания информации, в применяемой информационной системе оперативного управления производственной безопасностью на предприятии во многом влияют особенности и характеристики передаваемой информации, используемой информационной системы в техническом смысле (аппаратно-программные средства, каналы передачи, программное обеспечение и т. д.), задействованных сотрудников, природно-климатических условий, стиля, принципов, миссии, приоритетов управления.

Для нивелирования особенностей и характеристик перечисленных элементов подсистемы информирования между уровнями управления к информационной системе предъявляется требование алгоритмической выработки предлагаемых вариантов с указанием сроков и результатов оценки риска для принятия руководящим составом обоснованного, взвешенного и наилучшего оперативного управленческого решения. Такая алгоритмическая выработка вариантов управленческого решения основывается на требованиях и стандартах по промышленной, пожарной, транспортной безопасности, охране труда, электробезопасности, гра-

жданской обороне и чрезвычайным ситуациям, содержащихся в ГОСТах, СНиПах, СанПиНах, нормативно-правовых актах государства, а также паспортах на оборудование, формулярах, инструкциях, рекомендациях и справочниках. При выработке вариантов управленческого решения также учитываются практически постоянные допустимые значения параметров, коэффициентов влияния, характеристики систем защиты, содержащиеся в технической документации. Для оперативного управления производственной безопасностью в отношении сотрудников горнодобывающего производства важно учитывать квалификацию и сроки аттестации персонала, сроки последних пройденных инструктажей, тренировок, обучения и подготовки к сложным производственным ситуациям. Учету всех перечисленных направлений оперативного управления производственной безопасностью горнодобывающего предприятия требуется соответствующее программное обеспечение, поэтому на современных горнодобывающих предприятиях применяются программы производственного планирования всех ресурсов *MRP II (Manufacturing Resources Planning)*, полный цикл управления

которых подразумевает составление планов, учет фактов, анализ отклонений планов и фактов, принятие управленческих решений.

А.Ф. Клебановым выделены следующие специализированные классы комплексных информационных систем, используемых на горнодобывающих предприятиях: 1) диспетчерские системы оперативного управления процессами добычи и переработки полезных ископаемых; 2) системы геологического моделирования и планирования горных работ; 3) корпоративные системы управления производством; 4) многофункциональные системы безопасности горных работ [5].

Систематизация информации о процессах и результатах работы горнодобывающих предприятий показала, что большинство из них обеспечено корпоративными системами управления производством *ERP*-системами (*Enterprise Resource Planning*) или даже *ERP II* (*Enterprise Resource and Relationship Processing*). Последние предназначены для управления корпоративными (внутренними, группы предприятий) ресурсами и внешними связями; к объектам управления в *ERP II* относятся и взаимосвязи с поставщиками, клиентами, государством, общественными организациями. Научный интерес представляют вопросы о том, в какой мере используемые информационные системы на горнопромышленных предприятиях позволяют:

– оперативно управлять производственной безопасностью для сохранения благополучия персонала, социума, природы, репутации горнодобывающего предприятия посредством соблюдения всех требований и стандартов промышленной, пожарной, транспортной безопасности, охраны труда, электробезопасности, гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций;

– синергично с обеспечением производственной безопасности достигать значимых результатов работы и желаемой экономической эффективности посредством взаимосвязи и согласованности стратегии предприятия с регулированием реальных ситуаций их исполнения на конкретных рабочих местах.

В результате наблюдения и изучения вопроса обеспеченности горнодобывающих предприятий различными информационными системами было отмечено следующее.

Во-первых, на рынке информационных систем для горнодобывающих производств представлено некоторое количество программных продуктов по обеспечению производственной

безопасности предприятий, например многофункциональные системы безопасности (МФСБ) АСУ ТП, информационная система управления «Промышленная безопасность и охрана труда», АСУ ТП горношахтного оборудования и др.

Во-вторых, рекомендуемая программа планирования производственных ресурсов уровня *ERP* для горнодобывающих предприятий была идентифицирована только одна – Универсальная система учета (*УСУ*, или *USU*)⁴, в то время как подобного уровня программ для промышленно-производственных предприятий на рынке информационных систем существует значительно большее количество.

В-третьих, компания ВИСТ эволюционно объединила свои продукты – Систему управления промышленной безопасностью⁵ и элементы системы, содержащей автоматизацию основ оперативного управления предприятием, в том числе нарядной системы, относящейся к группе информационных ресурсов уровня *MRP II*, – в Систему оперативного управления работами и промбезопасностью *VG Work & Safety Management*. Такое объединение решает задачу обеспечения оперативности управления производственной безопасностью по всей вертикали управления предприятием.

В-четвертых, сегодняшний уровень обеспеченности предприятий горнодобывающих производств качественными *ERP II*, объединяющими планирование управления предприятием, корпоративными ресурсами и внешними связями с содержанием в них разработок по оперативному управлению производственной безопасностью, можно считать удовлетворительным. У предприятий есть выбор между «1С: ERP Горнодобывающая промышленность 2» с модулем «1С: Производственная безопасность. Комплексная»⁶ и *SAP* с модулем *SAP EHSM* [9]⁷.

Программный продукт 1С, представленный отечественным разработчиком, включает разделы промышленной и пожарной безопасности, охрану труда и окружающей среды. На базе продукта «1С: Производственная безопасность. Комплексная» ИНТЕРС уже разработал систему более высокого порядка «Техносферная безопасность». Продукты, составляющие *ERP II* в исполнении 1С, востребованы нефтяными, угольными, нефтегазовыми предприятиями России.

В *SAP EHS Management* реализованы бизнес-процессы, касающиеся охраны труда и здо-

ровья персонала, управления безопасностью (риски, эксплуатация, контроль предписаний, учет инцидентов и т. п.), окружающей среды, опасных веществ и материалов. Содержание комплекса автоматизации процессов в сфере производственной безопасности семейства решений *SAP Sustainability* включает: управление происшествиями, управление рисками по здоровью, активам, процессам, охрану окружающей среды, управление изменениями, нарядно-допускную систему⁸.

Охрана труда, как правило, во всех программах оперативного управления производственной безопасностью включает направления специальной оценки условий труда, запланированные мероприятия и проверки, средства индивидуальной защиты, медосмотры и необходимые допуски к работе. Изучение содержания наиболее успешных информационных систем, содержащих функции оперативного управления производственной безопасностью, показало, что уже в настоящее время в них активно используются не только полный цикл управления предприятием и оборудованием с планированием внешних и внутренних ресурсов, но и новейшие цифровые технологии: контроль и распознавание самочувствия человека с помощью датчиков и видеокамер с прогнозированием вероятности профзаболеваний и планированием мероприятий по сохранению его здоровья; роботизация, автоматизация, дроны, например беспилотные самосвал для работы в шахте или машина для погрузочно-разгрузочных работ с *GPS*-оборудованием и лазерными радарными взаимно обмениваются с информационными системами управления предприятием в целом и позволяют в итоге осуществлять оперативное управление промышленной безопасностью непосредственно на рабочих местах. В отношении управления воздействием на окружающую среду комплексный подход *SAP* автоматизированно собирает данные показателей производительности, может учитывать и контролировать источники сбросов и выбросов, отслеживать потребление ресурсов и образование отходов, данные мониторинга воздействия транспортных средств и экологических разрешений и формировать отчетность во многих ракурсах. В «Сибирской угольной энергетической компании» интеграция вендинговых аппаратов и *SAP* обеспечивает оперативную выдачу средств индивидуальной защиты и учет материально-технических ценностей⁹.

В-пятых, среди специализированного программного обеспечения для горных предприятий выделяются функциональные производственные информационные системы [8], которые могут быть, прежде всего, частью *MRP II*:

– общего назначения (*Gemcom, Maptek, Mintec, Surpac and Datamine*);

– специализированные для буровзрывных работ, вентиляции, геомеханики, календарного планирования, оборудования, оптимизации карьеров, экологии и т. п. (*Bentley*¹⁰, *Galena, GDM, Gemcom, Geostat, Lynx, Micromine, Minescape, Ellipse, MineStar, MineMarket, MineSight, Visualizer, Acquire, DSS, RockWare, Techbase, Surpac, Quarry, Scheduling, Xplorpac, DrillKing, Vulcan 3D Software* и т. д.);

– управления производством (*Modular Mining Systems, Tritronics, Aquila, Wenco*).

Но оперативное управление производственной безопасностью, соответствующее требованиям российского законодательства, в них отсутствует.

5. Заключение. Обзор информационных систем управления, используемых горнодобывающими предприятиями, показал, что, с одной стороны, те используют программные продукты уровней *MRP II* и *ERP* или *ERP II*, функциональные производственные информационные системы, но при этом недостаточно обеспечены комплексными программными продуктами управления, включающими блоки управления оперативной производственной безопасностью. В развитии информационных систем управления для горнодобывающих предприятий прогнозируется слияние специализированного функционального программного обеспечения, *ERP II*, технологичных наработок по отдельным направлениям систем безопасности. При их разработке необходимо предусмотреть снабжение сотрудников цифровыми программными решениями для обеспечения их безопасности и обучение требуемым цифровым навыкам, что увеличит длительность жизненных циклов информационных систем, повысит их конкурентные преимущества и принесет наибольшую пользу клиентам. Предположительно, заблаговременное развитие и реализация выводов проведенного исследования максимально возможным числом участников бизнес-сообщества, учеными и практиками сфер горнодобывающего производства и информационных технологий значимо повысят достижения каждого из горных предприятий посредством

повышения качества оперативного управления производственной безопасностью.

Примечания

¹ Решения SAP для управления в сфере охраны труда, промышленной безопасности и охраны окружающей среды. URL: <https://vods.dm.ux.sap.com/ru-digital-summer-webinars/pdfs/1407OlegMarochkin-EHS.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

² 1С: Производственная безопасность. Комплексная. URL: https://solutions.1c.ru/catalog/ehs_compl (дата обращения: 03.05.2020); Промышленный вендинг: интеграция в SAP на примере АО «СУЭК». URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c5d2b6eb5123200ad904194/promyshlennyi-vending-integraciya-v-sap-na-primere-ao-suek-5c763baf57acc00b6dcc400> (дата обращения: 15.05.2020); Решения SAP Источник новых инновационных подходов в охране труда, промышленной безопасности и охране окружающей среды. URL: <http://www.mioge.ru/wwwmioge/files/1a/1afe4154-ce66-4c8f-b1b2-c2ce1b8132da.pdf> (дата обращения: 14.05.2020).

³ Промышленное программное обеспечение. URL: http://www.usu.kz/2/promyshlennoe_programmnoe_obespechenie.php (дата обращения: 11.05.2020);

Системы управления промышленной безопасностью предприятий и объектов от технологической компании Vist. URL: <https://vistgroup.ru/solutions/promyshlennaya-bezopasnost/> (дата обращения: 01.05.2020); Краткий обзор современного состояния программного обеспечения для горных предприятий. URL: <http://masters.donntu.org/2003/fvti/petrovskaya/lib/review.htm> (дата обращения: 11.05.2020).

⁴ Промышленное программное обеспечение.

⁵ Системы управления промышленной безопасностью предприятий и объектов от технологической компании Vist.

⁶ 1С: Производственная безопасность. Комплексная.

⁷ См. также: Промышленный вендинг: интеграция в SAP на примере АО «СУЭК».

⁸ Решения SAP Источник новых инновационных подходов в охране труда, промышленной безопасности и охране окружающей среды.

⁹ Промышленный вендинг: интеграция в SAP на примере АО «СУЭК».

¹⁰ Краткий обзор современного состояния программного обеспечения для горных предприятий. URL: <http://masters.donntu.org/2003/fvti/petrovskaya/lib/review.htm> (дата обращения: 11.05.2020).

Литература

1. Ковалев М. Н., Гусев В. Л., Могилат В. Л. Оценка информационных потоков в системе управления промышленной безопасностью горных предприятий // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2006. – № 8. – С. 60–64.

2. Усманов Р. Р. Система управления производственной безопасностью // Охрана труда и пожарная безопасность. – 2019. – № 5. – URL: <https://otpb.com.ru/articles/sistema-upravleniya-proizvodstvennoy-bezopasnostyu>.

3. Кислицын Е. В., Орехова С. В. Оценка сравнительной совокупной факторной производительности в российской промышленности // Достижения в области системной науки и приложений. – 2019. – № 19 (4). – С. 45–57.

4. Уварова В. А., Хлыст С. В., Роженок Р. М., Артюхина Л. В. Системы мониторинга технологических и производственных процессов коммерческих предприятий // Измерительная техника. – 2007. – № 7. – С. 59–62.

5. Клебанов А. Ф. Информационные системы горного производства и основные направления развития автоматизации открытых горных работ // Горная промышленность. – 2015. – № 2. – С. 73.

6. Cheng Bo, Cheng Xin, Zhai Zhongyi, Zhang Chengwen, Chen Junliang. Web of Things-Based Remote Monitoring System for Coal Mine Safety Using Wireless Sensor Network // International Journal of Distributed Sensor Networks. – 2014. – Vol. 10, iss. 8. – P. 1–14. – DOI: 10.1155/2014/323127.

7. Xuelong Li, Zuoyong Cao, Youlin Xu. Characteristics and trends of coal mine safety development // Energy Sources, Part A: Recovery, Utilization, and Environmental Effects. – 2020. – DOI: 10.1080/15567036.2020.1852339.

8. Штыкова И. В., Мазур Н. В. Программное обеспечение реального времени для предприятий горнодобывающей промышленности // Технические науки – от теории к практике : сб. ст. по материалам XXIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2013. – С. 29–36.

9. Варичев А. В., Кретов С. И., Исмагилов Р. И., Баджиев Б. П., Владимиров Д. Я. Комплексный подход к интеллектуальным системам управления горным производством // Горная промышленность. – 2016. – № 3. – С. 4.

10. Bajgoric N. Organizational Systems Integration: Management Information Systems Perspective // Concurrent Engineering. – 1997. – Vol. 5, iss. 2. – P. 113–121. – DOI: 10.1177/1063293X9700500203.

11. Komljenovic D. Development of risk-informed, performance-based asset management in mining // International Journal of Mining, Reclamation and Environment. – 2008. – Vol. 22, iss. 2. – P. 146–153. – DOI: 10.1080/17480930701562176.

12. Gunningham N, Sinclair D. A Cluster of Mistrust: Safety in the Mining Industry // *Journal of Industrial Relations*. – 2011. – Vol. 53, iss. 4. – P. 450–466. – DOI: 10.1177/0022185611409112.

13. Liu He, Cui Yan, Yanqing Duan, Stankovski St., Zhang Xiaoshuan, Zhang Jian. Development and evaluation of a brine mining equipment monitoring and control system using Wireless Sensor Network and fuzzy logic // *Transactions of the Institute of Measurement and Control*. – 2018. – Vol. 40, iss. 6. – P. 2062–2081. – DOI: 10.1177/0142331217696145.

14. Yaqin Wu, Mengmeng Chen, Lidong Niu, Pengfei Qiu, Aitao Zhou. A new safety supervision model for underground coal mines in China // *Energy Sources, Part A: Recovery, Utilization, and Environmental Effects*. – 2020. – DOI: 10.1080/15567036.2020.1804486.

References

1. Kovalev M.N., Gusev V.L., Mogilat V.L. Otsenka informatsionnykh potokov v sisteme upravleniya promyshlennoi bezopasnost'yu gornyykh predpriyatii [Assessment of information flows in the industrial safety management system of mining enterprises]. *Mining Information and Analytical Bulletin*, 2006, no. 8, pp. 60-64. (in Russian).

2. Usmanov R.R. Sistema upravleniya proizvodstvennoi bezopasnost'yu [Industrial safety management system]. *Okhrana truda i pozharnaya bezopasnost'*, 2019, no. 5, available at: <https://otpb.com.ru/articles/sistema-upravleniya-proizvodstvennoy-bezopasnostyu>. (in Russian).

3. Kislitsyn E.V., Orekhova S.V. Otsenka sravnitel'noi sovokupnoi faktornoj proizvoditel'nosti v rossijskoi promyshlennosti [Evaluation of comparative aggregate factor productivity in Russian industry]. *Advances in systems science and applications*, 2019, no. 19 (4), pp. 45-57. (in Russian).

4. Uvarova V.A., Khlyst S.V., Rozhenok R.M., Artyukhina L.V. Systems for monitoring technological and production processes of commercial enterprises. *Measurement Techniques*, 2007, Vol. 50, no. 7, pp. 782-787. DOI: 10.1007/s11018-007-0149-5.

5. Klebanov A.F. Informatsionnye sistemy gornogo proizvodstva i osnovnye napravleniya razvitiya avtomatizatsii otkrytykh gornyykh rabot [Information systems of mining production and the main directions of development of open-pit mining automation]. *Mining Industry*, 2015, no. 2, p. 73. (in Russian).

6. Cheng Bo, Cheng Xin, Zhai Zhongyi, Zhang Chengwen, Chen Junliang. Web of Things-Based Remote Monitoring System for Coal Mine Safety Using Wireless Sensor Network. *International Journal of Distributed Sensor Networks*, 2014, Vol. 10, iss. 8, pp. 1-14. DOI: 10.1155/2014/323127.

7. Xuelong Li, Zuoyong Cao, Youlin Xu. Characteristics and trends of coal mine safety development. *Energy Sources, Part A: Recovery, Utilization, and Environmental Effects*, 2020. DOI: 10.1080/15567036.2020.1852339.

8. Shtykova I.V., Marur N.V. Programmnoe obespechenie real'nogo vremeni dlya predpriyatii gornodobyvayushchei promyshlennosti [Real-time software for mining enterprises], in: *Tekhnicheskie nauki – ot teorii k praktike [Technical sciences – from theory to practice]*, collection of articles on the materials of 23rd International scientific and practical conference, Novosibirsk, SibAK publ., 2013, pp. 29-36. (in Russian).

9. Varichev A.V., Kretov S.I., Ismagilov R.I., Badtiev B.P., Vladimirov D.Ya. Kompleksnyi podkhod k intellektual'nym sistemam upravleniya gornym proizvodstvom [Integrated approach to intelligent mining management systems]. *Russian Mining Industry*, 2016, no. 3, p. 4. (in Russian)

10. Bajgoric N. Organizational Systems Integration: Management Information Systems Perspective. *Concurrent Engineering*, 1997, Vol. 5, iss. 2, pp. 113-121. DOI: 10.1177/1063293X9700500203.

11. Komljenovic D. Development of risk-informed, performance-based asset management in mining. *International Journal of Mining, Reclamation and Environment*, 2008, Vol. 22, iss. 2, pp. 146-153. DOI: 10.1080/17480930701562176.

12. Gunningham N., Sinclair D. A Cluster of Mistrust: Safety in the Mining Industry. *Journal of Industrial Relations*, 2011, Vol. 53, iss. 4, pp. 450-466. DOI: 10.1177/0022185611409112.

13. Liu He, Cui Yan, Yanqing Duan, Stankovski St., Zhang Xiaoshuan, Zhang Jian. Development and evaluation of a brine mining equipment monitoring and control system using Wireless Sensor Network and fuzzy logic. *Transactions of the Institute of Measurement and Control*, 2018, Vol. 40, iss. 6, pp. 2062-2081. DOI: 10.1177/0142331217696145.

14. Yaqin Wu, Mengmeng Chen, Lidong Niu, Pengfei Qiu, Aitao Zhou. A new safety supervision model for underground coal mines in China. *Energy Sources, Part A: Recovery, Utilization, and Environmental Effects*, 2020. DOI: 10.1080/15567036.2020.1804486.

Сведения об авторе

Кортенко Людмила Васильевна – канд. экон. наук, доцент кафедры информационных технологий и статистики

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: mikroraionEkb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4103-4413

РИНЦ AuthorID: 508229

About the author

Liudmila V. Kortenko – PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Information Technologies and Statistics

Postal address: 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: mikroraionEkb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4103-4413

RSCI AuthorID: 508229

Для цитирования

Кортенко Л. В. Информационные системы управления оперативной производственной безопасностью горных предприятий // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 48–55. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).48-55.

For citations

Kortenko L.V. Information systems for managing operational production safety of mining enterprises. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 48-55. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).48-55. (in Russian).

АССЕССМЕНТ-ЦЕНТР КОМПЕТЕНЦИЙ ОНЛАЙН: ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.В. Пеша¹, М.Н. Шавровская¹, М.А. Николаева²

¹ Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

² Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
26 февраля 2021 г.

Дата принятия в печать
25 марта 2021 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Надпрофессиональные компетенции, онлайн-ассесмент, оценка, цифровые компетенции

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07435.

Аннотация. Темпы технологического развития и вызовы 2020 г., связанные с пандемией COVID-19, актуализируют необходимость сокращения цифрового разрыва, наблюдаемого последние годы в сфере образования, а также поиск новых возможностей применения цифровых технологий высшими учебными заведениями. Авторами раскрывается методология проведения онлайн-оценки надпрофессиональных компетенций студентов и молодых специалистов в области управления персоналом и педагогики. Проведенный контент-анализ предыдущих исследований демонстрирует актуальность и перспективность оценки компетенций в вузе посредством онлайн-инструментов, а ассесмент-центр является одной из самых валидных и надежных технологий при оценке надпрофессиональных компетенций. В эмпирической части статьи представлены результаты Всероссийского конкурса надпрофессиональных компетенций «Таланты XXI века» с использованием цифровых технологий. Применение ассесмент-центра онлайн позволяет провести оценку надпрофессиональных компетенций студентов одновременно по разным направлениям подготовки. Актуальность, своевременность и перспективность такой формы проведения мероприятия подтверждается обратной связью экспертов, участников и организаторов конкурса. В итоге сформулирован ряд преимуществ онлайн-ассесмента: точность, бюджетность, объективность, удобство организации. Результаты проведенного исследования могут быть интересны педагогам вузов, организаторам конкурсов для студентов и исследователям, изучающим вопросы оценки компетенций.

OPPORTUNITIES AND METHODOLOGY OF COMPETENCE ASSESSMENT CENTER IN ONLINE FORMAT

A.V. Pasha¹, M.N. Shavrovskaya¹, M.A. Nikolaeva²

¹ Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

² Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received
February 26, 2021

Accepted
March 25, 2021

Type paper

Research paper

Keywords

Supra-professional competencies, online assessment, assessment, digital competencies

Abstract. The pace of technological development and the challenges of 2020 associated with the COVID-19 pandemic actualize the need to bridge the digital divide that has been observed in recent years in education, as well as to search for new opportunities for the use of digital technologies in higher education institutions. In the work, the authors reveal the methodology for conducting an online assessment of the supra-professional competencies of students and young specialists in the field of personnel management and pedagogy. The conducted content analysis of previous studies demonstrates the relevance and perspective of assessing competencies at a university using online tools, and the assessment center is one of the most valid and reliable technologies for assessing supra-professional competencies. The empirical part of the article presents the results of the All-Russian competition of supra-professional competencies "Talents of the 21st century" using digital technologies. The use of the assessment center in the online format makes it possible to assess the supra-professional competencies of students simultaneously in different areas of training. The relevance, timeliness and prospects of this form of the event are confirmed by feedback from experts, participants and organizers of the competition. As a result, a number of advantages of the online assessment were formulated: accuracy, budget, objectivity, convenience of organization. The results of the study may be of interest to university teachers, organizers of competitions for students and researchers studying the issues of assessing competencies.

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07435.

1. Введение. В настоящее время как в науке, так и в практике особое внимание уделяют развитию и оценке надпрофессиональных компетенций будущих профессионалов. Авторы ряда статей, ссылаясь на проведенные исследования, указывают, что надпрофессиональные компетенции вносят гораздо больший вклад в эффективность сотрудников по сравнению с профессиональными компетенциями [1–3]. Кроме того, сегодня большое внимание уделяется идее индивидуальных траекторий обучения студентов [4; 5].

Определив уровень развития социо-эмоциональных, когнитивных, коммуникативных и цифровых компетенций, можно выстраивать обучающий путь студента, понимать, развитию каких навыков стоит уделять больше внимания, формировать проектные команды, а также оценивать динамику их развития.

Оценка надпрофессиональных компетенций является системообразующей функцией в управлении персоналом, поэтому ей уделяют особое внимание в организациях.

Изучаемая нами проблематика отражена в целом ряде трудов представителей научно-педагогического сообщества [6–8]. Среди проанализированных работ внимание исследователей уделяется вопросам формирования надпрофессиональных компетенций студентов вузов и динамичной оценке их развития [8–11].

Стоит отметить, что сама оценка уже рассматривается как обучение: «ясность в процедурах оценки, процессах и критериях лежит в основе широкого использования коучинга, практики и обеспечения развивающей обратной связи для повышения достижений» [12, р. 282]. Также оценка позволяет наполнять портфолио студентов, которое важно формировать еще на этапе обучения в вузе [13; 14].

Результаты ассессмент-центра представляют важную информацию о развитии надпрофессиональных компетенций, позволяя прогнозировать успешное выполнение будущим специалистом профессиональных задач.

Ассессмент-центр является одним из самых объективных методов, применяемых для оценки надпрофессиональных и профессиональных компетенций [15; 16]. Его объективность обеспечивается использованием различных инструментов (деловых игр, кейсов, интервью, баскет-метода и др.), четко прописанными поведенческими индикаторами, привлечением экспертов, прошедших специальную

подготовку [17]. Разные ученые посвящают свои работы ассессменту надпрофессиональных компетенций студентов [18–20], указывая, как он может встраиваться в образовательный процесс и какое значение имеет для стейкхолдеров образовательного процесса. Ассессмент используется ведущими вузами России. Например, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова реализуется проект *MAX*, цель которого заключается в «создании среды максимального развития и карьерного становления учащихся за счет системного взаимодействия с компаниями» (<https://www.econ.msu.ru/students/bachelor/mng/Project-MAX/about/>).

В связи с распространением COVID-19 многие функции управления персоналом перешли в онлайн, в том числе больше внимания стало уделяться развитию и оценке надпрофессиональных компетенций. Ведущие компании стали предлагать услуги по ассессмент-центру онлайн, среди таковых *SHL* (<https://www.shl.ru>), «Экопси» (<https://digital.ecopsy.ru>), *Talent Q* (<https://talent-q.ru>).

Целью работы является представление результатов и выводов реализации авторской методики организации ассессмент-центра надпрофессиональных компетенций онлайн.

2. Методика исследования

2.1. Материалы и методы. Для проведения ассессмент-центра применялись инструменты онлайн-коллаборации, что позволило провести наиболее качественную оценку цифровых компетенций. Адресная рассылка участникам осуществлялась через сервисы рассылок *SendPulse* (<https://www.sendpulse.com>) и *UniSender* (<https://www.unisender.com>) – каждый из них обладает своими достоинствами и ограничениями, для нивелирования последних они применялись в паре.

Ассессмент-центр проводился в четыре этапа. Первые три предполагали индивидуальную работу и оценку компетенций асинхронно.

На *первом этапе* участники проходили регистрацию, где указывали ФИО, город, вуз, курс, направление подготовки, а также основные мотивы участия в мероприятии.

Представление студентов о ключевых компетенциях специалиста в выбранном ими направлении подготовки для современной экономики позволило провести корреляцию с мнениями экспертов и пулом оцениваемых компетенций в конкурсе. Инструменты этапа: *Google Forms*.

На *втором этапе* конкурсантам предстояло пройти серию тестов способностей, которые позволяли оценить уровень развития вербальных, числовых и логических способностей участников, важных в проявлении таких надпрофессиональных (ключевых) компетенций, как вычислительное мышление, понимание смыслов и системное мышление. Инструменты этапа: *OnlineTestPad*.

На третьем и четвертом этапах к оценке результатов работы участников подключились эксперты.

Третий этап предоставлял участникам, успешно справившимся с предыдущими заданиями (набравшими положительную сумму баллов по тестам), возможность проявить свои ключевые и профессиональные компетенции в решении двух мини-кейсов. Кейсы были подготовлены экспертами в соответствии с профессиональной спецификой направлений подготовки участников – 44.03.01 «Педагогическое образование» и 38.03.03 «Управление персоналом». Ключевые оцениваемые компетенции: креативность и инновативность, про-

ектное мышление, управление информацией, системное мышление. Инструменты этапа: *Google Forms*.

Четвертый этап проводился в формате синхронного взаимодействия всех участников ассессмент-центра, который предполагал выполнение серии заданий с использованием широкого спектра инструментов для оценки участников по четырем кластерам компетенций: социо-эмоциональные, когнитивные, коммуникационные, цифровые (табл. 1). Инструменты этапа: *Zoom*, приборная доска *Padlet*, *Jamboard*, *Google Calendar*, *Mentimeter*.

Например, при выполнении задания «Самопрезентация» участникам предложили сделать визитку с использованием приложения *Padlet*, для решения кейса *In basket* – создать план в *Google Calendar* или любом другом приложении электронного планирования. Такая работа позволила оценить не только то, насколько быстро и легко студент смог освоить новую программу, но и уровень его ориентации в функциональных возможностях, на которых был сделан акцент в ходе объяснения задания.

Таблица 1. Надпрофессиональные компетенции, оцениваемые в ассессмент-центре онлайн

Table 1. *Supra-professional competencies evaluated in the online assessment center*

<i>Кластер компетенций</i>	<i>Компетенции</i>
Социо-эмоциональные	Взаимодействие с людьми
	Работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач
	Уверенность в себе
	Компетенции в области эмоционального интеллекта
Когнитивные	Вычислительное мышление
	Креативное мышление и инновативность
	Проектное мышление и управление проектами
	Системное мышление
	Управление информацией
	Понимание смыслов
Коммуникативные	Ведение переговоров
Цифровые	Общая техническая грамотность

Механика оценки компетенций на *четвертом этапе*: в ходе выполнения заданий все участники оцениваются экспертами по специально разработанным поведенческим индикаторам (примеры индикаторов представлены в табл. 2). Для каждого эксперта создана и настроена таблица в *Google Docs* для внесения оценок, что позволило оперативно вести подсчет результатов. Итоговые данные по оценке компетенций в рамках всей совокупности заданий формировались автоматически по уча-

стникам и интегрировались в общий итоговый оценочный лист.

По итогам конкурса каждый из участников получил отчет, содержащий визуализацию результатов оценки развития компетенций конкурсанта, с определением сильных сторон и «зон развития» компетенций, с перечнем рекомендаций. В качестве «зон роста» участникам были даны конкретные рекомендации по развитию двух-трех ключевых компетенций, с перечнем техник, книг и развивающих филь-

мов. Такая структура отчета позволила студенту не только увидеть свои сильные и слабые стороны, но и понять, что важно делать для

того, чтобы «усилить» ту или иную надпрофессиональную компетенцию.

Таблица 2. Примеры компетенций и поведенческих индикаторов для задания «Самопрезентация»

Table 2. Examples of competencies and behavioral indicators for the "Self-presentation" task

Баллы	Поведенческие индикаторы
Социо-эмоциональные компетенции	
0	Работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач не представляется возможной
1–3	Теряется при изменении условий, требуется время, чтобы продолжить выполнять поставленную задачу
4–6	Испытывает незначительные сложности при адаптации к имеющимся условиям
7–9	Быстро адаптируется к меняющимся условиям, без особых усилий продолжает выполнять поставленную задачу
Когнитивные компетенции: креативное мышление и инновативность	
0	Не представляет свою презентацию, говорит, что это для него сложно, или использует одну-две фразы
1–3	Представляет презентацию согласно шаблону, предложенному в ходе объяснения задания
4–6	Добавляет в предложенный шаблон самопрезентации свои идеи
7–9	Представляет самопрезентацию в необычном и интересном формате
Когнитивные компетенции: управление информацией	
0	Мыслит хаотично, спутано представляет себя
1–3	Не структурированно представляет презентацию, отсутствует единая логика При представлении себя уходит в детали
4–6	Представляет себя в структурированном виде, переходит от общего к частному
7–9	Презентация носит системный характер, рассказывает факты о себе из разных сфер жизни
Цифровые: общая техническая грамотность	
0	Не делает задание в предложенной программе
1–3	Испытывает сложности в освоении программы, задает много простых вопросов Не понимает до конца, что необходимо делать
4–6	Задаёт один-два вопроса о программе Использует стандартные (показанные в ходе объяснения задания) функции
7–9	Быстро и легко осваивает предложенную программу Хорошо ориентируется в программе, задействует различные ее функции (в том числе не показанные в ходе объяснения задания)

2.1. Участники. Во Всероссийском конкурсе надпрофессиональных компетенций «Таланты XXI века» (далее – Конкурс) приняли участие 82 студента из 19 вузов России и молодые специалисты – педагоги и менеджеры по управлению персоналом (один педагог и пять специалистов в области HR). Конкурс проводился по двум направлениям – «Педагоги XXI века» и «HR: пул талантов». География конкурсантов отражена на рис. 1. В мероприятии принимали участие студенты, обучающиеся по программам бакалавриата – 76,8 % и магистратуры – 12,25 %, а также аспиранты – 3,65 % и молодые специалисты – 7,3 %.

3. Результаты. На рис. 2 представлена воронка участников Конкурса по всем этапам. Конверсия составила 20,73 % в целом: 22,6 %

по конкурсу «Педагоги XXI века» и 21,57 % по конкурсу «HR: пул талантов».

Этап 1. Регистрация. Мотивы участия в конкурсе, наиболее часто встречаемые в ответах респондентов, связаны с приобретением нового опыта и контактов в профессиональном и экспертном HR-сообществе, проверкой себя, своих знаний, навыков, личностных качеств и компетенций, а также с развитием компетенций (рис. 3). Кроме того, участники отметили и эмоциональную сторону конкурса, что связано с получением положительных эмоций от взаимодействия друг с другом и с экспертами, тренировкой стрессоустойчивости, желанием победить и формированием уверенности в себе и своих силах.

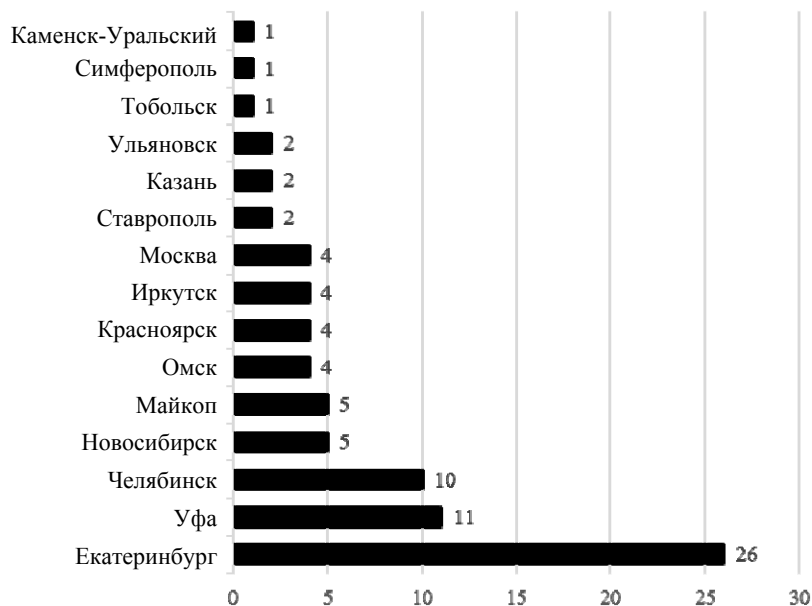

Рис. 1. География участников конкурса (чел.)

Fig. 1. Geography of the contest participants (people)

Рис. 2. Воронка отбора участников Конкурса (чел.)

Fig. 2. The selection funnel of the contest participants (people)

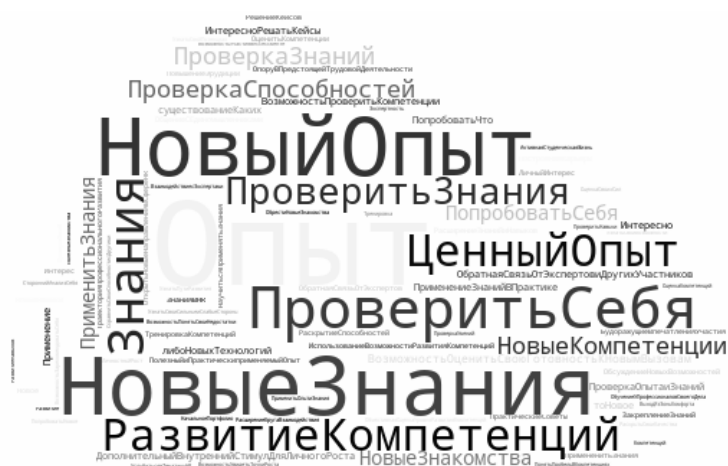

Рис. 3. Основные мотивы участия в конкурсе (сост. с помощью сервиса wordcloud)

Fig. 3. The main motives for participation in the contest (comp. using the wordcloud service)

Отмеченные участниками как наиболее важные в XXI в. для специалистов по управлению персоналом и педагогов надпрофессиональные компетенции представлены в табл. 3. Как видно по результатам анализа, конкурсанты выделили схожие ключевые компетенции. Это обусловлено тем, что направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» и 38.03.03 «Управление персоналом» относят-

ся к типу профессий «человек – человек» (по Е.А. Климову) [21]. Следовательно, для будущих специалистов важно научиться понимать, устанавливать и поддерживать коммуникационные связи с разными типами аудиторий, а также владеть необходимым объемом знаний в соответствующей области образования, производства и науки.

Таблица 3. Топ-10 компетенций, важных для специалистов в XXI в. по направлениям конкурса (чел.)

Table 3. Top-10 competencies that are important for specialists in the 21st century in the areas of the contest (people)

Компетенция	Направление конкурса	
	HR: пул талантов	Педагоги XXI века
Взаимодействие с людьми	23	16
Коммуникабельность	18	17
Ответственность	11	6
Организация и планирование	11	–
Аналитические способности	11	–
Самоорганизация	7	7
Способность обучать и обучаемость	6	17
Компетенции в области эмоционального интеллекта	6	3
Креативность	5	9
Стратегическое мышление	5	2
Цифровые компетенции	–	4
Многозадачность	–	2

Этап 2. Тестирование. Самые высокие результаты участники обеих групп Конкурса («HR: пул талантов» и «Педагоги XXI века»)

показали при прохождении теста вербальных способностей, по которому средний балл составил 6,38 из 10 возможных (рис. 4).

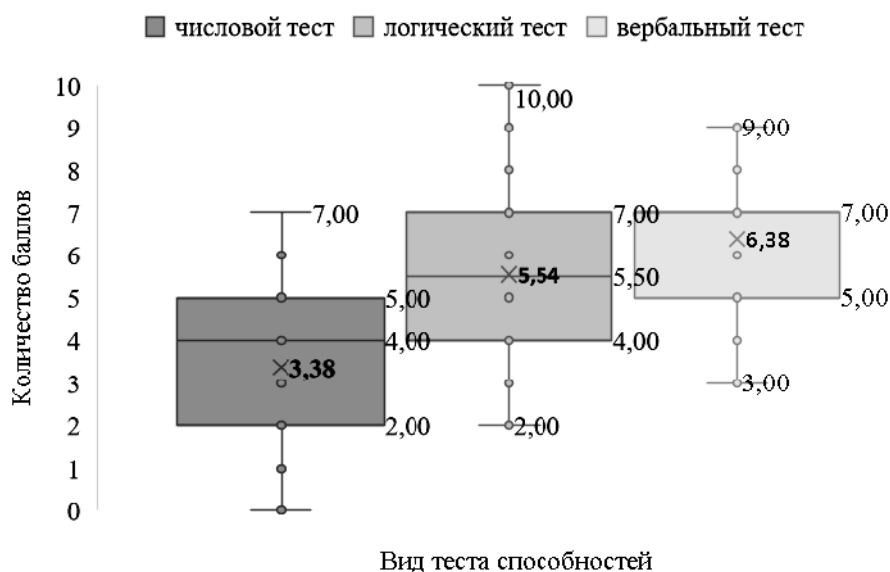

Рис. 4. Результаты прохождения участниками тестов способностей (по десятибалльной шкале)

Fig. 4. The results of the participants passing the ability tests (on a ten-point scale)

Самые низкие показатели были при решении заданий теста вычислительных способностей (средний балл 4,0 из 10 возможных). Наибольший интерквартильный размах (*IQR*) итогов теста виден на диаграмме размаха по тесту логических способностей и числовому тесту (3 балла). По тесту логических способностей наблюдается наибольшая разница минимального и максимального значений. Выбросы данных результатов теста видны по итогам всех трех тестов, как среди низких, так и среди высоких оценок. Результаты показывают, что более 50 % участников продемонстрировали уровень развития вычислительного мышления ниже среднего (3,38 балла и ниже), лишь 25 % показали средний уровень развития данной компетенции – набрали 5 баллов. Понимание смыслов и системное мышление находятся на среднем уровне развития у более чем 50 % участников (показатели по логическому и вербальному тестам выше средних значений), в то же время у более чем 25 % участников данные компетенции развиты слабо.

Тестирование показало, что конкурсантам необходимо обратить внимание на разви-

тие способности решать сложные проблемы при помощи алгоритмов и автоматизации; определять более глубокое значение, или значение того, что выражается; комплексно воспринимать задачи и процессы с учетом их взаимосвязей, обуславливающих причины и следствия.

Этап 3. Согласно результатам оценки компетенций по решению кейсов предварительного этапа, средний балл, полученный участниками за решение кейсов, составил 8,24 из 9. Студенты и молодые специалисты в области педагогики и управления персоналом проявили выше среднего уровень развития креативности и инновативности, проектного мышления, управления информацией и системного мышления. Средняя оценка уровня развития компетенций участников по направлению «HR: пул талантов» составила 8,4 балла, среди конкурсантов направления «Педагоги XXI века» – 8 баллов.

Этап 4. Результаты синхронной оценки в онлайн-формате ассесмент-центра, в совокупности с итогами предварительных этапов, представлены в диаграмме размаха на рис. 5.

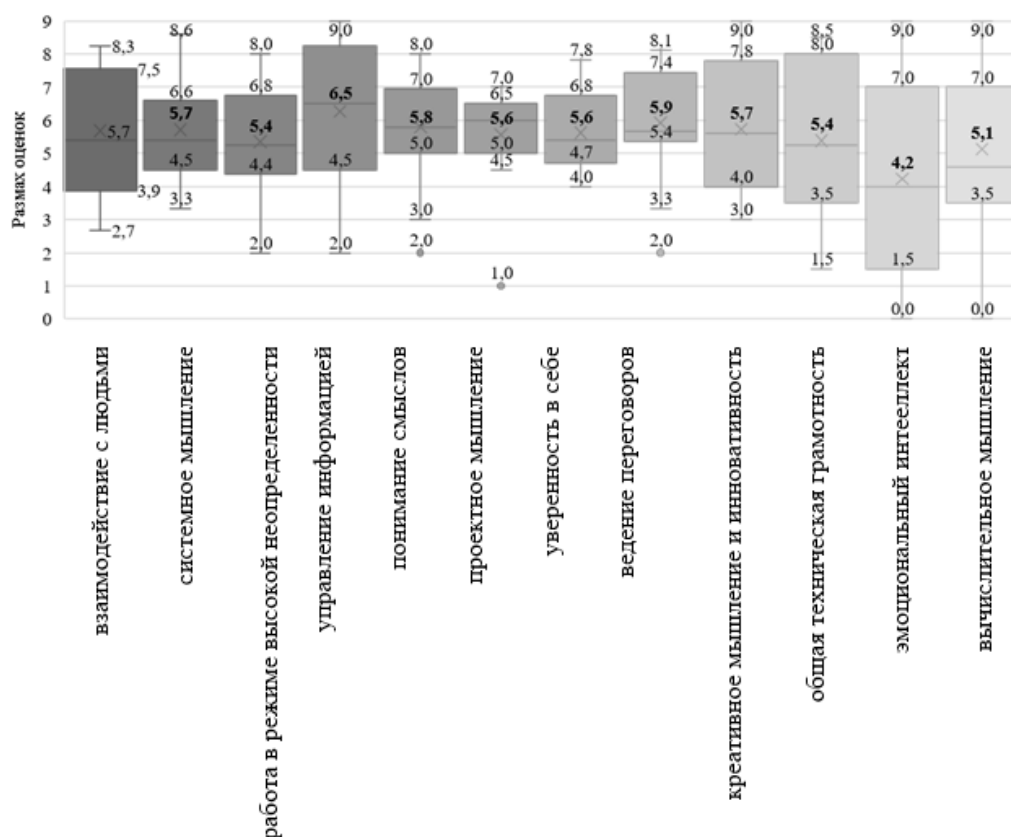

Рис. 5. Диаграмма размаха итоговых оценок участников Конкурса (по девятибалльной шкале)

Fig. 5. Diagram of the scope of the final assessments of the contest participants (on a nine-point scale)

По итогам конкурса наименьшие оценки участники обоих направлений получили по компетенции в области эмоционального интеллекта, связанной с умением управлять своими эмоциями, понимать и воздействовать на эмоции других людей. Средний балл по данной компетенции составил 4,2 балла, а 25 % участников набрали не более 1,5 балла, что является очень низким показателем и требует серьезного внимания при выборе траекторий индивидуального развития. По данной же компетенции наблюдается наибольший интерквартильный размах, который составил 5,5 балла – это значит, что 50 % участников набрали очень разные баллы в диапазоне от 1,5 до 7,0. Наименьший интерквартильный размах наблюдается в оценках поведенческих проявлений компетенций «креативное мышление и инновативность» – 1,5 балла. Данные оценки показывают, что подавляющее большинство участников обладает уровнем развития креативности и инновативности выше среднего, демонстрируя схожие индикаторы проявления. Наилучшие показатели продемонстрировали конкурсанты по компетенциям «ведение переговоров», «понимание смыслов», «проектное мышление» и «вычислительное мышление», по которым 25 % участников получали наивысшие оценки в одном или нескольких упражнениях (9 баллов). Эксперты отметили, что конкурсанты нашли возможность договориться друг с другом при принятии групповых решений, ориентировались в данных для анализа, были способны увидеть глубокий смысл информации и составить взаимосвязи отдельных элементов. Если брать средние оценки по проявленным компетенциям, то можно отметить, что все они (кроме компетенции в области ведения переговоров – 6,5 балла) лежат в балльной зоне среднего развития (4–6 баллов). Диапазон средних оценок составил 4,2–5,9 балла. Полученные средние баллы демонстрируют владение участниками неполным объемом дескрипторов компетенций. В результате можно выделить особенность – эффективно действовать только в привычных ситуациях и слабо проявлять себя в нестандартных условиях, выполнять не все задания и не в полном объеме.

Корреляция мнений студентов относительно важных для современного специалиста по управлению персоналом и педагога компетенций, которые участники отметили на этапе регистрации, а также с учетом оценок, полу-

ченных по результатам Конкурса, позволяет сделать следующие выводы:

1. *Коммуникативные компетенции.* Наиболее важная компетенция, отмеченная участниками во время регистрации на Конкурс, – «взаимодействие с людьми» (48 % конкурсантов указали ее в своих ответах). Средний балл по компетенции 5,7. Исходя из полученных оценок, большая часть участников получила рекомендации направлять усилия на развитие именно этой компетенции, как одной из ключевых для построения карьеры в выбранной профессиональной области.

В первую очередь, необходимо выделить компетенции в области «ведения переговоров», так как на ней был сделан акцент в проведении оценки. Данная компетенция высоко развита у большинства конкурсантов, что отмечалось выше. Участники, набравшие по данной компетенции средние и низкие баллы, получили экспертную рекомендацию о развитии каждого навыка ведения переговоров в отдельности, например в течение трех недель тренировать навык задавания эффективных вопросов, с фиксацией удачных формулировок, или три недели практиковать техники ведения малого разговора, при этом перед собой поставить цель инициировать не менее трех разговоров в день.

2. *Проектное мышление и управление проектами.* В данной компетенции оценивались поведенческие индикаторы, связанные со способностью определить конкретные цели, спланировать действия и найти баланс между объемом работ, ресурсами, временем, качеством и рисками в работе над проектом. Выделенные студентами в качестве важных ответственность, организация и планирование, самоорганизация и стратегическое мышление можно связать с проявлением в поведении проектного мышления. Интерквартильный размах оценок данной компетенции составил 5,5 балла, есть оценки «0» и «9», что показывает очень разный уровень сформированности проектного мышления участников. В качестве рекомендаций участникам, для кого развитие данной компетенции было определено ключевым на ближайшее время, было предложено работать с каждой задачей как с отдельным проектом – составлять план, анализировать необходимые ресурсы и их возможности, прогнозировать результат, а также входить в состав проектных групп и развивать компетенцию в практической деятельности.

4. Обсуждение результатов и выводы.

В настоящее время возрастает научно-практическая активность ученых и педагогов относительно развития тематики развития и оценки компетенций студентов университетов посредством онлайн-технологий [22]. Актуальность применения цифровых инструментов в оценке компетенций студентов, подбора валидных и надежных методик и технологий определяется вызовом пандемии COVID-19, ускорившей внедрение онлайн-инструментов в практику педагогов высшей школы и определившей целый ряд существующих проблем [23]. Проведенный анализ публикаций по вопросам оценки надпрофессиональных компетенций, в том числе в онлайн-формате, показал, что тематика актуальна для реализации учебных программ в рамках ФГОС 3++ и приведения уровня развития надпрофессиональных компетенций в соответствие с требованиями профессиональных стандартов, утвержденных и действующих в Российской Федерации [1; 9; 22]. Необходимо также подчеркнуть, что проводимые исследования показывают равный уровень значимости профессиональных и надпрофессиональных компетенций специалистов на рынке труда [24; 25]. Проведение оценки надпрофессиональных компетенций в онлайн-формате ассессмент-центра является релевантной формой определения уровня развития компетенций и разработки индивидуальных траекторий развития современных студентов вуза [15; 18].

По результатам проведения Конкурса организаторами была получена обратная связь от всех задействованных в его проведении лиц. Анализ отзывов позволяет выделить ряд моментов, которые необходимо учитывать:

- *Обучение экспертов.* Помимо обучения технологии ассессмента, обязательно перед проведением мероприятия онлайн следует организовывать обучение экспертов работе с программным обеспечением и цифровыми технологиями, которые будут применяться в синхронном формате. Обучение помогает впоследствии более объективно и точно определить уровень развития цифровых компетенций участников и не отвлекаться на объяснения.

- *Автоматизация процессов оценки и сбора данных.* Оценочные листы должны быть электронными, информация должна автоматически аккумулироваться в итоговых оценочных листах по участникам ассессмента. Данная настройка позволяет получать быстрые

результаты и нивелировать вычислительные ошибки.

- *Подбор и экспертная оценка заданий ассессмента.* Поскольку оценка надпрофессиональных компетенций осуществляется по нескольким направлениям подготовки, выбор заданий должен подразумевать готовность и способность всех без исключения участников с ними справиться, продемонстрировав определенный набор поведенческих индикаторов.

- *Наличие резервного плана.* При реализации оценки компетенций онлайн следует учесть технические риски, связанные с качеством интернет-связи, наличием необходимого оборудования у участников и экспертов ассессмента. Поэтому на каждое сложное с точки зрения технической организации задание необходимо продумать упрощенную, но релевантную целям оценки форму работы.

Важно отметить ряд преимуществ онлайн-формата, которые выделили участники и организаторы Конкурса:

1. *Точность получаемых результатов.* Расчет итогов ведется автоматически. Алгоритм подведения результатов можно прописать заранее.

2. *Удобство организации оценки.* Здесь имеется в виду то обстоятельство, что участники находятся в привычной обстановке, впрочем, как и ведущий, эксперты; возможность гибко спланировать дату и время проведения.

3. *Территориальная мобильность.* Благодаря онлайн-формату появляется возможность проводить конкурс и принимать в нем участие, находясь в любой географической точке.

4. *Бюджетность.* Собрать участников из разных регионов в одном месте – это очень затратно, удаленный формат такие затраты значительно снижает.

5. *Объективность.* Участники оцениваются независимыми экспертами. В каждом упражнении эксперты оценивают разных участников.

Возможные ограничения:

1. *Трудозатратность.* Если внедрить ассессмент-центр в онлайн-формате в регулярную оценку надпрофессиональных компетенций студентов при реализации учебных дисциплин, то в нагрузке преподавателя необходимо заложить дополнительные часы.

2. *Высокий уровень экспертности.* Преподаватель, осуществляющий оценку компетенций студентов онлайн, должен обладать высо-

кой экспертностью не только в профессиональной области, но и в сфере определения индикаторов компетенций, их набора и подбора упражнений для оценки.

3. *Цифровой разрыв*. Технические ресурсы университетов и цифровые компетенции преподавателей вузов могут являться ограничением при настройке онлайн-оценки компетенций студентов в формате ассесмент-центра.

Все перечисленные выше ограничения можно нивелировать благодаря созданию еди-

ного онлайн-ресурса, в котором можно будет подобрать компетенции, выбрать упражнения с уже прописанными компетенциями и их индикаторами для их оценки. В научно-исследовательских планах коллектива одной из ключевых задач стоит разработка платформы компетенций, которая будет доступна для применения в педагогической практике для преподавателей и студентов университетов.

Литература

1. Платонова Р. И., Михина Г. Б. Актуальность soft skills в профессиональном плане будущих специалистов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – № 4 (25). – С. 177–181.

2. Cimatti B. Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises // International Journal for Quality Research. – 2016. – Vol. 10, iss. 1. – P. 97–130.

3. Mann C. R. A study of engineering education. – New York, 1918. – 189 p. – (The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching. Bulletin No. 11).

4. Вдовина С. А., Кунгурова И. М. Сущность и направления реализации индивидуальной образовательной траектории // Наукоедение. – 2013. – № 6 (19). – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/40PVN613.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).

5. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Индивидуальные образовательные траектории в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 3. – С. 74–82.

6. Smidt W. Big Five personality traits as predictors of the academic success of university and college students in early childhood education // Journal of Education for Teaching. – 2015. – Vol. 41. – P. 385–403. – DOI: 10.1080/02607476.2015.1080419.

7. Thongthaw S. Changes in teacher education in Thailand 1978–2014 // Journal of Education for Teaching. – 2014. – Vol. 40, iss. 5. – P. 543–550. – DOI: 10.1080/02607476.2014.956539.

8. Wats M., Kumar R. Developing Soft Skills in Students // International Journal of Learning. – 2009. – Vol. 15, iss. 12. – P. 1–10.

9. Стромов В. Ю., Сысоев П. В., Завьялов В. В. «Школа компетенций» – технология формирования дополнительных компетенций у студентов классического вуза // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 25, № 5. – С. 20–29.

10. Сырямкина Е. Г., Румянцева Т. Б., Ливенцова Е. Ю. Практика развития надпрофессиональных компетенций студентов в современном университете // Образование и наука. – 2016. – № 7 (136). – С. 117–135. – DOI: 10.17853/1994-5639-2016-7-117-135.

11. Beard D., Schweiger D., Surendran K. Integrating Soft Skills Assessment through University, College, and Programmatic Efforts at an AACSB Accredited Institution // Journal of Information Systems Education. – 2008. – Vol. 19, iss. 2. – P. 229–240.

12. Torrance H. Assessment as learning? How the use of explicit learning objectives, assessment criteria and feedback in post – secondary education and training can come to dominate learning // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. – 2007. – Vol. 14, iss. 3. – P. 281–294. – DOI: 10.1080/09695940701591867.

13. Paulson F. L., Paulson P. R., Meyer C. A. What makes a portfolio a portfolio // Educational leadership. – 1991. – Vol. 48, iss. 5. – P. 60–64.

14. Tochel C., Haig A., Hesketh A., Cadzow A., Beggs K., Colthart I., Peacock H. The effectiveness of portfolios for post-graduate assessment and education: BEME Guide No 12 // Medical Teacher. – 2009. – Vol. 31, iss. 4. – P. 299–318. – DOI: 10.1080/01421590902883056.

15. Nikolaeva M. A., Pesha A. V., Shramko N. V. Assessment of Students' Supra-Professional Competencies in an Online Format // *ISCDE 2020 : 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy*. – Atlantis Press, 2020. – P. 138–145. – DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.022.
16. Stange C., Helker H. Assessment of innovation behaviour–how to train the assessors of complex competencies // *INTED2018 Proceedings : 12th International Technology, Education and Development Conference, March 5-7, 2018, Valencia, Spain*. – IATED, 2018. – P. 5665–5673. – DOI: 10.21125/inted.2018.1348.
17. Mayeshiba M., Jansen K. R., Mihlbauer L. An Evaluation of Critical Thinking in Competency-Based and Traditional Online Learning Environments // *Online Learning*. – 2018. – Vol. 22, iss. 2. – P. 77–89. – DOI: 10.24059/olj.v22i2.1365.
18. Oliver T., Hausdorf O. T., Lievens F., Conlon P. Interpersonal dynamics in assessment center exercises: Effects of role player portrayed disposition // *Journal of Management*. – 2016. – Vol. 42, iss. 7. – P. 1992–2017.
19. Pereira D., Flores M., Niklasson L. Assessment revisited: A review of research in assessment and evaluation in higher education // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. – 2016. – Vol. 41, iss. 7. – P. 1008–1032.
20. Rashidi Abbas F. A. A. K., Azmie I. A. G. Integrating soft skills assessment through soft skills workshop program for engineering students at University of Pahang: an analysis // *International Journal of Research in Social Sciences*. – 2013. – Vol. 2, iss. 1. – P. 33–46.
21. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – Ростов н/Д. : Феникс, 1996. – 304 с.
22. Пеша А. В. Развитие надпрофессиональных компетенций студентов в формате онлайн // *Мир науки. Педагогика и психология*. – 2020. – № 3, Т. 8. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/83PDMN320.pdf>.
23. Williamson B., Eynon R., Potter J. Pandemic politics, pedagogies and practices: digital technologies and distance education during the coronavirus emergency // *Learning, Media and Technology*. – 2020. – Vol. 45, iss. 2. – P. 107–114. – DOI: 10.1080/17439884.2020.1761641.
24. Higson A. H. Graduate employability, 'soft skills' versus 'hard' business knowledge: A European study // *Higher education in Europe*. – 2008. – Vol. 33, iss. 4. – P. 411–422.
25. Ritter B. A., Small E. E., Mortimer J. W., Doll J. L. Designing management curriculum for workplace readiness: Developing students' soft skills // *Journal of Management Education*. – 2018. – Vol. 42, iss. 1. – P. 80–103.

References

1. Platonova R.I., Mikhina G.B. Soft skills actuality in the professional plan of future specialists. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2018, no. 4 (25), pp. 177-181. (in Russian).
2. Cimatti B. Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises. *International Journal for Quality Research*, 2016, Vol. 10, iss. 1, pp. 97-130.
3. Mann C.R. *A study of engineering education*, The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, Bulletin No. 11. New York, 1918. 189 p.
4. Vdovina S., Kungurova I. The nature and directions of the individual educational trajectory. *Naukovedenie*, 2013, no. 6 (19), available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/40PVN613.pdf> (accessed: January 24, 2021). (in Russian).
5. Zeer E.F., Symaniuk E.E. Individual educational trajectories in the system of continuous education. *Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 3, pp. 74-82. (in Russian).
6. Smidt W. Big Five personality traits as predictors of the academic success of university and college students in early childhood education. *Journal of Education for Teaching*, 2015, Vol. 41, pp. 385-403. DOI: 10.1080/02607476.2015.1080419.
7. Thongthaw S. Changes in teacher education in Thailand 1978-2014. *Journal of Education for Teaching*, 2014, Vol. 40, iss. 5, pp. 543-550. DOI: 10.1080/02607476.2014.956539.
8. Wats M., Kumar R. Developing Soft Skills in Students. *International Journal of Learning*, 2009, Vol. 15, iss. 12, pp. 1-10.

9. Stromov V.Yu., Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. "School of competencies" as a technology for the development of students' additional competencies at classical university. *Higher Education in Russia*, 2018, Vol. 27, no. 5, pp. 20-29. (in Russian).
10. Syryamkina E.G., Rumyantseva T.B., Liventsova E.Yu. Practice of development of students' additional interdisciplinary competencies in a modern university. *The Education and Science Journal*, 2016, no. 7 (136), pp. 117-135. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-7-117-135. (in Russian).
11. Beard D., Schweiger D., Surendran K. Integrating Soft Skills Assessment through University, College, and Programmatic Efforts at an AACSB Accredited Institution. *Journal of Information Systems Education*, 2008, Vol. 19, iss. 2, pp. 229-240.
12. Torrance H. Assessment as learning? How the use of explicit learning objectives, assessment criteria and feedback in post – secondary education and training can come to dominate learning. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*, 2007, Vol. 14, iss. 3, pp. 281-294. DOI: 10.1080/09695940701591867.
13. Paulson F.L., Paulson P.R., Meyer C.A. What makes a portfolio a portfolio. *Educational leadership*, 1991, Vol. 48, iss. 5, pp. 60-64.
14. Tochel C., Haig A., Hesketh A., Cadzow A., Beggs K., Colthart I., Peacock H. The effectiveness of portfolios for post-graduate assessment and education: BEME Guide No. 12. *Medical Teacher*, 2009, Vol. 31, iss. 4, pp. 299-318. DOI: 10.1080/01421590902883056.
15. Nikolaeva M.A., Pеша A.V., Shramko N.V. Assessment of Students' Supra-Professional Competencies in an Online Format, in: *ISCDE 2020*, 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy, Atlantis Press, 2020, pp. 138-145. DOI: 10.2991/aebmr.k.201205.022.
16. Stange C., Helker H. Assessment of innovation behaviour—how to train the assessors of complex competencies, in: *INTED2018 Proceedings*, 12th International Technology, Education and Development Conference, March 5-7, 2018, Valencia, Spain, IATED publ., 2018, pp. 5665-5673. DOI: 10.21125/inted.2018.1348.
17. Mayeshiba M., Jansen K.R., Muhlbauer L. An Evaluation of Critical Thinking in Competency-Based and Traditional Online Learning Environments. *Online Learning*, 2018, Vol. 22, iss. 2, pp. 77-89. DOI: 10.24059/olj.v22i2.1365.
18. Oliver T., Hausdorf O.T., Lievens F., Conlon P. Interpersonal dynamics in assessment center exercises: Effects of role player portrayed disposition. *Journal of Management*, 2016, Vol. 42, iss. 7, pp. 1992-2017.
19. Pereira D., Flores M., Niklasson L. Assessment revisited: A review of research in assessment and evaluation in higher education. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 2016, Vol. 41, iss. 7, pp. 1008-1032.
20. Rashidi Abbas F.A.A.K., Azmie I.A.G. Integrating soft skills assessment through soft skills workshop program for engineering students at University of Pahang: an analysis. *International Journal of Research in Social Sciences*, 2013, Vol. 2, iss. 1, pp. 33-46.
21. Klimov E.A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]*. Rostov-on-Don, Feniks publ., 1996. 304 p. (in Russian).
22. Pеша A.V. Students supra-professional competencies development in the online format. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, No. 3, vol. 8, available at: <https://mir-nauki.com/PDF/83PDMN320.pdf>. (in Russian).
23. Williamson B., Eynon R., Potter J. Pandemic politics, pedagogies and practices: digital technologies and distance education during the coronavirus emergency. *Learning, Media and Technology*, 2020, Vol. 45, iss. 2, pp. 107-114. DOI: 10.1080/17439884.2020.1761641.
24. Higson A.H. Graduate employability, 'soft skills' versus 'hard' business knowledge: A European study. *Higher education in Europe*, 2008, Vol. 33, iss. 4, pp. 411-422.
25. Ritter B.A., Small E.E., Mortimer J.W., Doll J.L. Designing management curriculum for workplace readiness: Developing students' soft skills. *Journal of Management Education*, 2018, Vol. 42, iss. 1, pp. 80-103.

Сведения об авторах

Пеша Анастасия Владимировна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: myrabota2011@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7614-3118

Scopus AuthorID: 57216646149

ResearcherID: M-4223-2017

РИНЦ AuthorID: 864622

Шавровская Марина Николаевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: marina_bel@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8137-4829

РИНЦ AuthorID: 593628

Николаева Марина Алексеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Института общественных наук

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: nikolaeva250381@list.ru

РИНЦ AuthorID: 733175

Вклад авторов

Пеша А.В. – планирование исследования, постановка целей и задач, руководство проведением исследования; сбор информации; анализ данных; разработка методики исследования; визуализация и представление данных

Шавровская М.Н. – сбор информации; анализ данных; разработка методики исследования; визуализация и представление данных

Николаева М.А. – сбор информации; разработка методики исследования; визуализация и представление данных

Для цитирования

Пеша А. В., Шавровская М. Н., Николаева М. А. Аксесмент-центр компетенций онлайн: возможности и методология // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 56–68. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).56-68.

About the authors

Anastasia V. Pesha – PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Labour Economics and Personnel Management Department

Postal address: 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul.,

Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: myrabota2011@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7614-3118

Scopus AuthorID: 57216646149

ResearcherID: M-4223-2017

RSCI AuthorID: 864622

Marina N. Shavrovskaya – PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Labour Economics and Personnel Management Department

Postal address: 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul.,

Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: marina_bel@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8137-4829

RSCI AuthorID: 593628

Marina A. Nikolaeva – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies of the Institute of Social Sciences

Postal address: 26, Kosmonavtov pr., Yekaterinburg,

620144, Russia

E-mail: nikolaeva250381@list.ru

RSCI AuthorID: 733175

Authors' contributions

Pesha A.V. – Conceptualization Ideas, Data curation, Formal analysis, Investigation, Methodology and project, Visualization, Writing – review

Shavrovskaya M.N. – Formal analysis, Investigation, Methodology and project, Visualization, Writing – review

Nikolaeva M.A. – Formal analysis, Methodology and project, Visualization, Writing – review

For citations

Pesha A.V., Shavrovskaya M.N., Nikolaeva M.A. Opportunities and methodology of competence assessment center in online format. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 56-68. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).56-68. (in Russian).

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: ОЦЕНКА И МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В.С. Половинко, А.В. Арбуз, И.В. Диннер

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
2 декабря 2020 г.

Дата принятия в печать
25 марта 2021 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Профессиональное самоопределение, противоречия профессионального самоопределения, школьники, родители, занятое население, менеджеры по персоналу

Аннотация. Профессиональное самоопределение можно рассматривать как явление в контексте повышения его актуальности под воздействием тенденций цифровизации и трансформации и как процесс в контексте этапов, процедур, механизмов и инструментов. Тенденции изменений в социально-трудовых отношениях и занятости под воздействием технологических изменений влияют на профессиональное самоопределение и приводят к возникновению ряда противоречий. Наличие таких противоречий указывает на проблемы и барьеры, препятствующие повышению результативности профессионального самоопределения и требующие регулирования и устранения. Целью данной статьи является оценка противоречий процесса профессионального самоопределения с точки зрения различных его субъектов и объектов (родителей школьников, занятого населения, менеджеров по персоналу). В качестве основных проблем профессионального самоопределения родителями школьников были названы недостаточность информации о профессиях, отсутствие информации о новых профессиях, отсутствие возможности получить образование по желаемой профессии, малое количество бюджетных мест по некоторым направлениям, использование устаревших методов в профориентационной работе и др. В связи с этим возникает ряд противоречий, требующих их осмысления и устранения. Ограниченность финансирования мероприятий, направленных на управление персоналом: развитие корпоративной культуры, увеличение заработной платы, расширение социального пакета, обучение и развитие карьеры, – приводит к возникновению противоречий профессионального самоопределения. С точки зрения менеджеров по персоналу основными последствиями этих проблем являются высокая текучесть, низкий уровень вовлеченности, низкая результативность работников, нежелание развиваться и строить карьеру в организации. В рамках выявленных противоречий предложены методы их регулирования.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 19-010-885 А «Противоречия профессионального самоопределения на динамичном рынке труда в условиях цифровой инновационной экономики».

CONTRADICTIONS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION: ASSESSMENT AND METHODS OF REGULATION

V.S. Polovinko, A.V. Arbuz, I.V. Dinner

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
December 2, 2020

Accepted
March 25, 2021

Type paper

Research paper

Abstract. Professional self-determination can be considered both as a phenomenon in the context of increasing its relevance due to digitalization and transformation and as a process in the context of stages, procedures, mechanisms, and tools. Trends of changes in social and labor relations and employment, based on technological changes, affect professional self-determination and lead to some contradictions. The presence of such contradictions indicates problems and barriers that hinder the improvement of professional self-determination effectiveness and require to be regulated and eliminated. The purpose of this article is to assess the contradictions of the professional self-determination process from the point of view of its various subjects and objects (parents of schoolchildren, employed population, personnel managers). The main problems of professional self-determination named by the parents of schoolchildren were the lack of information about existing and new professions, the lack of opportunities to get an education in the desired profession, a small number of budget places in some areas, the use of outdated methods in career guidance, etc. This leads to a number of contradictions that require reflection and elimination. The limited funding of measures aimed at per-

Keywords

Professional self-determination, contradictions of professional self-definition, schoolchildren, parents, the employed population, HR managers

sonnel management (development of corporate culture, salary increase, expansion of the social package, training and career development) leads to contradictions of professional self-determination. From the viewpoint of HR managers, the main consequences of these problems are high turnover, low level of involvement, low productivity of employees, unwillingness to develop and build a career in the organization. Within the framework of the revealed contradictions, there are proposed methods of their regulation.

Acknowledgement. The research is carried out with the financial support of Russian Foundation for Humanities No. 19-010-00885 "Contradictions of professional self-determination in a dynamic labor market in a digital innovation economy".

1. Введение. Феномен профессионального самоопределения можно рассмотреть с двух позиций – как явление и как процесс. Профессиональное самоопределение как явление рассматривается в контексте его актуализации под воздействием технологических, экономических, социальных и правовых факторов; при исследовании его сущности и содержания на современном этапе; при исследовании субъект-объектных отношений; при исследовании форм проявления и характера противоречий. Профессиональное самоопределение как процесс рассматривается в контексте этапов, процедур, механизмов и инструментов.

Этот результат получен как итог акцентирования на изучении теорий и концепций с позиции их влияния на рынок труда и социально-трудовые отношения, поскольку в рамках исследования авторы исходят из позиции, что профессиональное самоопределение является компромиссом в поле «индивидуальные особенности человека – рынок труда – формы и методы профессионального развития (образование) – занятость».

На основе этого анализа выделены основные тенденции изменений в социально-трудовых отношениях и занятости под воздействием технологических изменений, что должно отражаться в профессиональном самоопределении как явления. Эти тенденции позволили сформулировать гипотезы о наличии определенных противоречий, что стало предпосылкой для их формулирования и оценки.

Выявление общих и частных противоречий профессионального самоопределения позволяет обозначить проблемные моменты, которые следует разрешать в ходе профессионального самоопределения, для каждого противоречия могут быть подобраны специальные инструменты и технологии, создаваться информационные механизмы.

Методологической основой стали теоретические представления о профессиональном самоопределении как явлении и как процессе,

изложенные В.С. Половинко [1]. Далее конкретизация этих противоречий осуществлялась на основе анализа результатов опроса школьников, студентов, занятого населения, учителей, родителей, экспертного опроса, где в основе анализа брались вопросы методики, связанные с приоритетами профессионального самоопределения и с трудностями, которые видят респонденты в этом процессе.

Актуальность данной работы, таким образом, заключается в оценке противоречий в процессе профессионального самоопределения на основе анализа результата профессионального самоопределения школьников и занятого населения с точки зрения таких субъектов, как родители школьников и представители служб управления персоналом организаций г. Омска.

2. Обзор литературы. И в зарубежной, и отечественной науке наиболее представлен подход, рассматривающий организацию процесса профессионального самоопределения с точки зрения профессионального консультирования и работы со школьниками [2; 3], где отмечается, что консультирование в этой части сосредоточено в рамках консультационных услуг предпринимательских организаций. На уровне государства остаются функции информирования и анализа процессов.

Ряд публикаций посвящен анализу практики регулирования процесса профессионального самоопределения в разных странах [4; 5]. На отдельном предприятии рассматриваются вопросы вовлечения работников в процессы организации, развития и удержания работников [6; 7].

Вопросы влияния современных условий цифровизации на профессиональное самоопределение рассмотрены в работах Ю.Г. Одегова, В.С., Половинко, А.В. Арбуз, И.В. Диннера, U. Huws, А.В. Козлова, М.Н. Макаровой, O. Sudoh [8–14]. Анализ научной литературы показал, что при исследовании проблем профессионального самоопределения идет поиск

инновационных механизмов и методов, способствующих повышению результативности профессионального самоопределения человека на различных этапах карьеры в современных условиях.

3. Гипотезы и методы исследования.

Целью данного исследования является оценка противоречий процесса профессионального самоопределения и методов их регулирования на федеральном, региональном и организационном уровнях. В связи с этим актуальным является выявление барьеров, препятствующих повышению результативности процесса профессионального самоопределения с точки зрения различных его субъектов и объектов, а именно родителей школьников, занятого населения, специалистов.

В качестве эмпирической базы исследования использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта РФФИ № 18-010-00944 «Концепция профориентации и профессионального самоопределения в цифровой инновационной экономике», представленные в ряде научных статей авторов [8–10].

Для получения экспертной точки зрения по проблемам профессионального самоопределения занятого населения был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов выступили менеджеры по персоналу организаций Омской области. Выборка строилась целевым методом, при этом учитывалось территориальное расположение, сфера деятельности организации и ее численность. Выбор организации в отрасли осуществлялся на основе их активности на рынке труда (количество вакансий, заявленных в структуры службы занятости Омской области). Таким образом, было опрошено 132 менеджера по персоналу. В качестве основных критериев для отбора экспертов выступили стаж работы по специальности (не менее 1 года) и наличие профессионального образования.

В целях уточнения и актуализации полученной в ходе исследования информации были проведены фокус-группы с представителями различных объектов профессионального самоопределения – отдельно с работающими и совмещенная группа с учителями, школьниками и их родителями. Формирование выборки осуществлялось на основе отбора школьников г. Омска (9, 10, 11 классы в равных пропорциях) – участников проекта «Твой успех – профориентация», которые прошли первичное обучение по этапам выбора профессии, их родите-

лей и учителей. Для участия в других группах целевым образом приглашались представители той или иной группы – занятое население, представляющее различные сферы экономики.

4. Результаты исследования. В рамках исследования нами была проведена оценка противоречий процесса профессионального самоопределения с точки зрения различных его субъектов и объектов, а именно родителей школьников, учителей, занятого населения, специалистов по управлению персоналом с целью их анализа и выявления методов их разрешения.

Следует отметить, что мнение родителей традиционно важно для школьников при выборе профессии. По результатам исследований, около 60 % школьников и 25 % студентов учитывают их советы при выборе профессии, учебного заведения, места трудоустройства.

Но при этом можно говорить, что по некоторым направлениям наблюдаются определенные разногласия во мнениях.

Результаты исследования показывают достаточно высокую активность родителей в профориентационных мероприятиях, но при этом только 50 % из них удовлетворены такими, что говорит о наличии ряда противоречий процесса профессионального самоопределения.

Родители отмечают, что на профориентационных мероприятиях дают либо непонятную информацию о профессиях, либо, наоборот, слишком банальную и устаревшую (рис. 1).

Обсуждение результатов исследования в рамках фокус-группы позволило выявить то, что специалисты, проводящие консультацию, зачастую недостаточно компетентны, а самое главное, не владеют информацией об изменениях на рынке труда в перспективе. Таким образом, школьники не могут получить компетентную развернутую информацию о том, какие профессии будут востребованы на рынке труда через 6–8 лет, когда они закончат школу и получат профессиональное образование. Это позволяет констатировать наличие противоречия между рыночной потребностью в труде и индивидуальными предпочтениями занятости, в частности между текущей и прогнозной потребностью в труде. Причем это противоречие актуально на всех уровнях регулирования процесса профессионального самоопределения – и на федеральном, и на региональном, и на организационном. Мы можем заметить, что в

настоящий момент кроме Атласа новых профессий (<https://atlas100.ru/>) практически отсутствуют доступные и понятные методики прогнозирования трансформации профессий. Кроме того, региональные и локальные методики определения прогнозной потребности в человеческих ресурсах тоже практически не отра-

жают развитие профессиональной структуры. Методом разрешения таких противоречий, таким образом, может являться разработка методики прогнозирования развития профессий с учетом современной трансформирующейся реальности с целью формирования перспектив обучения.

Рис. 1. Причины снижения эффективности профориентационных мероприятий, по мнению родителей школьников ($N = 2\,700$), %

Fig. 1. Reasons for the decline in the effectiveness of career guidance measures, according to parents of schoolchildren ($N = 2,700$), %

Анализируя ответы на вопрос: «С какими сложностями Вы сталкиваетесь при профориентации школьников?» – были определены следующие лидирующие трудности: отсутствие возможности посмотреть, как работают люди

по этой профессии, отсутствие информации о новых, современных профессиях, необходимость значительных денежных средств для обучения (рис. 2).

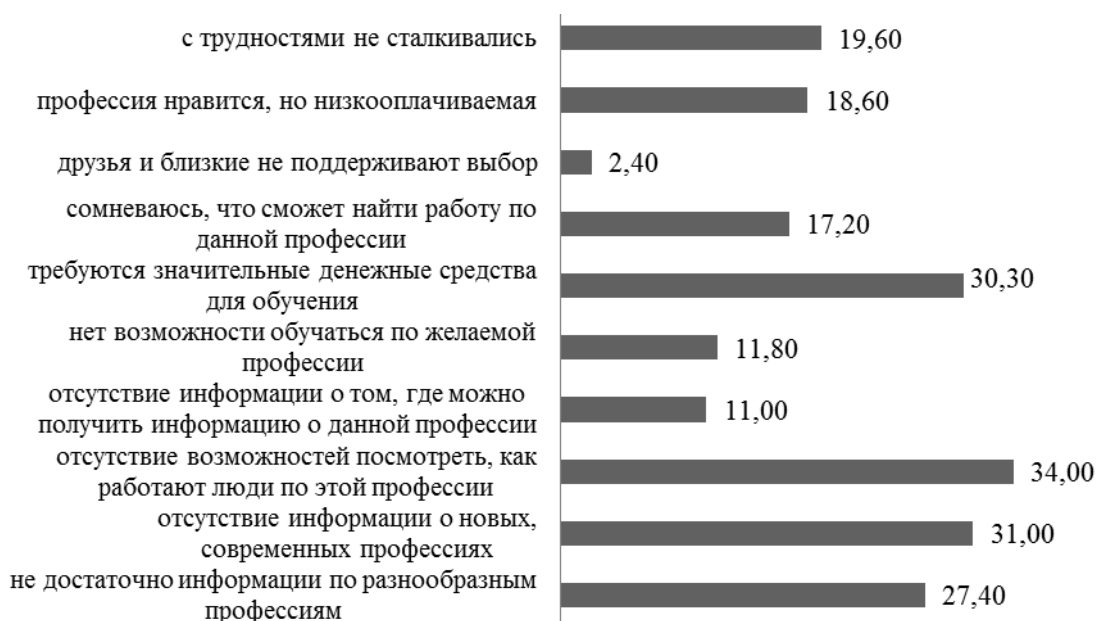

Рис. 2. Сложности, с которыми сталкиваются родители при профориентации школьников ($N = 2\,700$), %

Fig. 2. Difficulties faced by parents in vocational guidance of schoolchildren ($N = 2,700$), %

Как мы видим, одной из трудностей является отсутствие необходимых денежных средств для обучения на коммерческой основе. В данном случае проявляется еще одно противоречие процесса профессионального самоопределения – в денежной окупаемости желаемой профессии. Предпочтения личности часто противостоят рыночным параметрам деятельности по профессии. Отдача на человеческий капитал по желаемой профессии не всегда способствует финансовому обеспечению потребностей. В результате этого индивид выбирает траекторию профессионального развития, позволяющую заработать достойный доход. Механизмом разрешения такого противоречия является квалифицированная консультация субъекта профессионального самоопределения (карьерного консультанта или представителя профориентационно-образовательного центра на предмет обоснования эффективности вложения в человеческий капитал с учетом правильной траектории обучения (бакалавр – магистр), в том числе согласно теории человеческого капитала.

Еще одной проблемой, которую выделяют родители школьников, является ограниченное количество бюджетных мест, особенно по экономическим и юридическим направлениям, на которые еще сохраняется достаточно высокий спрос. В связи с этим некоторые абитуриенты поступают на бюджетные места, не отвечающие их интересам и способностям. Такая ситуация в системе образования приводит к появлению противоречий в структуре подготовки. Структура бюджетных учебных мест отражает прежде всего образовательную политику государства, а рыночные механизмы в системе образования позволяют развивать направления подготовки, соответствующие потребностям абитуриентов. Таким образом, достаточно часто индивид, получив одно образование, вынужден искать другую траекторию профессионального развития. Для регулирования этого противоречия важно в условиях консультационной деятельности объяснять последствия неточного выбора.

Следующим проявлением противоречия процесса профессионального разделения труда является оценка перспектив развития рынка труда и форм занятости. Анализ соответствующих тенденций показал, что родители чаще всего направляют детей на работу по найму, в отличие от выбора школьников. Школьники,

в свою очередь, ориентированы на самозанятость, предпринимательскую деятельность, фриланс. В данном случае также проявляется ряд противоречий: между текущей и прогнозной потребностью в труде, в траекториях профессионального развития и др. Сокращение напряженности между школьниками и родителями по этому вопросу может стать одним из направлений развития родителей как субъектов профориентации.

Анализируя взаимодействие родителей и школьников в процессе профессионального самоопределения, можно отметить усложнение и конкретизацию вопросов, связанных с профориентацией. Например, для выбора вуза на первом этапе актуален обзор, перечень вузов в регионе, стране, мире и их особенностей. Далее формируется интерес к конкретной группе вузов с точки зрения качества, подготовки по профессии. На следующем этапе конкретизируются условия получения образования в конкретном вузе по конкретному направлению. И только в конце данного подпроцесса принимается решение об обучении в данном вузе на данном факультете, по данному направлению подготовки. В связи с этим важно предусмотреть этап принятия промежуточных решений, актуализирующий новую потребность, говоря о развитии родителей как субъектов профориентации.

Учитывая циклический характер и постоянное взаимодействие родителей и школьников, необходимо информационное сопровождение, т. е. формирование информационного пространства, к которому сможет обращаться субъект для уточнения своей позиции – это могут быть информационные сайты, буклеты, базы данных, форумы и социальные сети, брошюры и пр. Таким образом, компетентное и развернутое консультирование является важнейшим инструментом регулирования противоречий процесса профессионального самоопределения. Таким образом, актуализируются предложения в рамках данного научного проекта, связанные с разработкой компетентностной модели профориентатора и организацией профориентационно-образовательных центров.

В рамках анализа результата профессионального самоопределения занятого населения были получены следующие результаты. Наиболее уверены в своей профессии ИТ-специалисты, более 80 % которых уверены или абсолютно уверены в своем выборе. Среди экономистов этот показатель равен 67 %. Более по-

ловины экономистов допускают смену профессии. В этой тенденции активно проявляются противоречия в траекториях профессионального развития уже занятого населения. В современных условиях возникают многовариантные комбинации профессиональных траекторий: остаться в рамках этой профессии или сменить ее, остаться / сменить предприятие, изменять ли форму занятости, остаться или сменить регион. Важно, что проблема выбора при этом имеет комплексный характер, т. е. важно учитывать социальные, экономические,

образовательные, психологические и другие аспекты.

Результаты исследования показали, что существующие в конкретных организациях системы профессиональной ориентации и профессионального самоопределения с одинаковой результативностью воздействуют на профессиональное самоопределение различных групп работников этой организации. Данные рис. 3 свидетельствуют, что уровень потенциальной текучести практически одинаков (экономисты – 46,97 %; IT-специалисты – 50 %).

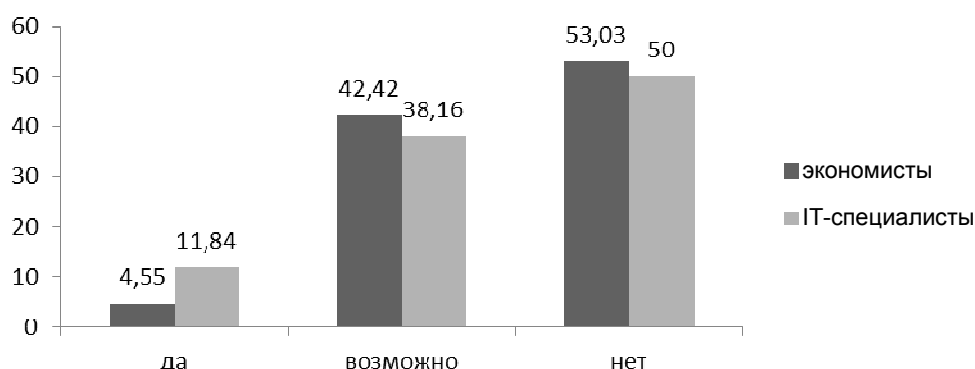

Рис. 3. Потенциальная текучесть специалистов (экономисты, IT-специалисты; $N = 422$), %

Fig. 3. Potential turnover of specialists (economists, IT specialists; $N = 422$), %

Коэффициент корреляции Гамма (0,12 при доверительном интервале $p = 0,05$) свидетельствует о том, что особенности профессиональной деятельности на конкретном предприятии мало влияют на устойчивость выбора профессии. При условии проявления негативных моментов в процессе профессиональной деятельности на конкретном предприятии работники чаще решают сменить организацию, а не профессию.

В этом отчетливо проявляются противоречия, связанные с экономическими потребностями организации и социальными потребностями человека, реализуемыми в труде и/или посредством труда, и противоречия между потребностью организации в высоко мотивированных работниках, способных развиваться в соответствии с потребностью организации, и статичностью системы жизненных ценностей человека. В качестве основных инструментов управления персоналом в целях разрешения этих противоречий целесообразно использовать привлечение работников к управлению организацией, вовлечение в различные процессы организации, развитие корпоративной культуры, формирование широкого социаль-

ного пакета, возможность обучения персонала, повышение квалификации, карьерное развитие, совершенствование материального стимулирования (достойная заработная плата, разнообразные премии и другие поощрительные выплаты).

Эти тенденции подтверждают результаты экспертного опроса менеджеров по персоналу, проведенного в рамках данного исследования. Большинство менеджеров по персоналу (74,5 %) отметили наличие проблем в области профессионального самоопределения работников их организаций. Было отмечено, что это проявляется в низком уровне вовлеченности в процессы организации (48,2 %), в нежелании обучаться и строить карьеру (36,1 %), в высокой текучести персонала (32,3 %).

Кроме этого, менеджеры по персоналу в рамках противоречия между экономическими потребностями организации и социальными потребностями человека отметили ограниченность бюджета на мероприятия по вовлечению, удержанию и развитию работников и тенденцию к его снижению, особенно на фоне пандемии 2020 г. Так, только 12,3 % менеджеров по персоналу ответили, что бюджет достаточный,

63,5 % указали на ограниченность бюджета и экономии на мероприятиях, 24,2 % отметили, что бюджет недостаточный, его хватает только на очень ограниченный набор мероприятий.

При этом более половины экспертов (54,8 %) ответили, что уровень развития компетенций у их работников достаточный, но не мешало бы подучиться, 38,2 % отметили уровень как недостаточный, 7,7 % респондентов устроил уровень развития компетенций их работников, 1,2 % затруднились с ответом. Таким образом, наблюдается достаточно высо-

кая потребность в развитии компетенций работников омских организаций.

Результаты анализа технологий и инструментов, используемых для вовлечения работников и их удержания в организации в целях регулирования противоречия между экономическими потребностями организации и социальными потребностями человека, реализуемыми в труде и/или посредством труда, которые выделили эксперты, по шкале: «0» – редко, «1» – время от времени, «2» – часто, – отражены на рис. 4.

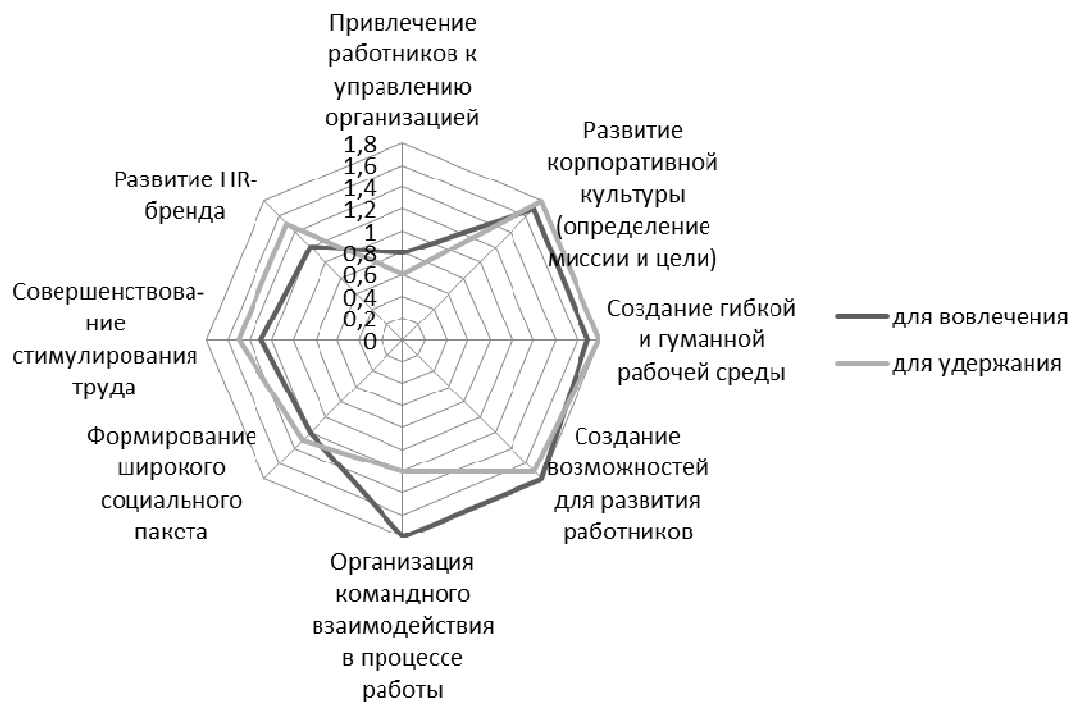

Рис. 4. Технологии и инструменты, применяемые для вовлечения и удержания работников в организации (N = 132), коэф.

Fig. 4. Technologies and tools used to engage and retain employees in the organization (N = 132), coef.

И в целях вовлечения, и в целях удержания чаще всего используется развитие корпоративной культуры, создание гибкой и гуманной рабочей среды и создание условий для развития. Для вовлечения также активно подключают командное взаимодействие в процессе работы. Помимо этого на практике всё более актуальными становятся командные игровые и интерактивные форматы адаптации, обучения и т. д. В целях привлечения, закрепления и удержания работников используется технология развития HR-бренда. Реже используют совершенствование стимулирования трудовой деятельности в виде высоких зарплат, премий и других выплат и формирование ши-

рокого социального пакета в виде многообразных льгот, что также указывает на ограниченность бюджета.

Для регулирования противоречий, связанных с механизмами вовлечения и удержания персонала, в организациях используются различные технологии развития, такие как делегирование полномочий, наставничество, карьерное планирование и работа с кадровым резервом (рис. 5).

В качестве основных рекомендаций по регулированию профессионального самоопределения было отмечено, что основным инструментом снятия противоречий профессионального самоопределения на уровне организации

является карьерное планирование на основе принципов прозрачности и справедливости. Большинство экспертов отметили ограниченность бюджета, выделяемого на мероприятия по регулированию профессионального самоопределения, в связи с чем основной рекомендацией здесь было его увеличение, особенно в

целях работы с «талантами». Кроме этого, в качестве полезных и желательных технологий были названы менторинг и коучинг, позволяющие повысить уровень вовлеченности в процессы организации, развить управленческие и лидерские компетенции.

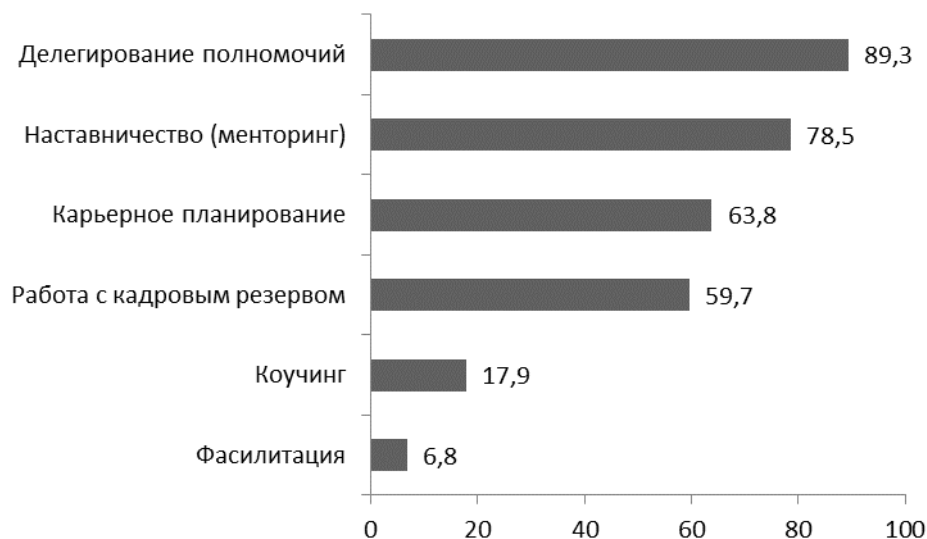

Рис. 5. Использование технологий развития персонала в организациях респондентов ($N = 132$), %

Fig. 5. The use of personnel development technologies in the respondents' organizations ($N = 132$), %

Таким образом, проведенная оценка противоречий процесса профессионального самоопределения позволила проанализировать этот процесс с точки зрения различных субъектов и объектов профессионального самоопределения, а именно родителей школьников, учителей, занятого населения, специалистов по управлению персоналом. Такой всесторонний анализ позволил выявить ряд барьеров, препятствующих повышению результативности процесса профессионального самоопределения. Устаревшие методы профориентации, формальный подход к проведению профориентационных мероприятий, их разрозненность снижают эффективность профессионального самоопределения школьников. Проблемы ограниченности бюджета на мероприятия по повышению вовлеченности работников в процессы организации, их удержанию и развитию приводят к увеличению текучести, низкой результативности работников, к нежеланию учиться и строить карьеру. Предложенные методы регулирования проанализированных противоречий будут способствовать их устранению.

5. Заключение. Проведенная оценка противоречий процесса профессионального само-

определения позволила проанализировать этот процесс с точки зрения различных субъектов и объектов профессионального самоопределения, а именно родителей школьников, занятого населения, менеджеров по управлению персоналом. Такой всесторонний анализ позволил выявить ряд барьеров, препятствующих повышению результативности процесса профессионального самоопределения.

Так, по мнению, родителей школьников, проблемы, связанные с отсутствием информации о новых, современных профессиях, являются следствием формальности проведения профориентационных мероприятий, их разрозненности, низкой ориентированности на потребности и специфику объекта. Это, в свою очередь, приводит к снижению эффективности профессионального самоопределения и появлению ряда противоречий – в финансовой отдаче деятельности по желаемой профессии, в структуре подготовки в рамках системы образования, между рыночной потребностью в труде и индивидуальными предпочтениями занятости, в частности между текущей и прогнозной потребностью в труде, в траекториях профессионального развития и др. В качестве ос-

нового механизма здесь предложено оказание квалифицированной консультации карьерного специалиста или представителя профориентационно-образовательного центра.

Анализ результата профессионального самоопределения занятого населения и результаты экспертного опроса также позволили выявить ряд противоречий профессионального самоопределения на уровне организации. Основными из них являются противоречия, связанные с экономическими потребностями организации и социальными потребностями человека, реализуемыми в труде и/или посредством труда, противоречия между потребностью организации в высоко мотивированных

работниках, способных развиваться в соответствии с потребностью организации, и статичностью системы жизненных ценностей человека и противоречия профессионального развития. Основной проблемой здесь является ограниченность бюджета организации на мероприятия по повышению вовлеченности, развитию корпоративной культуры, развитию и обучению. Всё это приводит к повышению текучести, снижению эффективности деятельности работников организации. В качестве регулирования противоречия здесь выступает развитие карьерного планирования на основе принципов прозрачности и справедливости.

Литература

1. Половинко В. С. Противоречия профессионального самоопределения: классификация и формы проявления // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 111–125. – DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).111-125.
2. Толстогузов С. Н. Опыт профориентационной работы за рубежом // Образование и наука. – 2015. – № 1 (120). – С. 151–164.
3. Гриншпун С. С. Профессиональная ориентация школьников в США // Педагогика. – 2005. – № 9. – С. 65–72.
4. Алишев Т. Б., Гильмутдинов А. Х. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 227–246.
5. Шамсутдинова И. Г., Павлова О. И. Профессиональная ориентация учащихся во Франции // Педагогика. – 2007. – № 4. – С. 101–111.
6. Зобкова Л. Д. Управление обучением и развитием персонала: опыт зарубежных и российских компаний // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 8, № 9. – С. 39–50. – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10282>.
7. Грачева С. Корпоративные университеты за рубежом (история создания, опыт, современность) // Управление персоналом. – 2008. – № 5 (183). – С. 90–95.
8. Polovinko V., Dinner I. Institutional and technological contradictions of professional self-determination of schoolchildren (on the example of the Omsk region) // The 14th International Days of Statistics and Economics : Conference Proceedings (September 10–12, 2020, Prague, Czech Republic) / Ed. by: T. Löster, T. Pavelka. – Prague : Libuše Macáková : Melandrium, 2020. – P. 855–863.
9. Arbuz A., Polovinko V. Contradictions in the strategies of labor behavior of persons of pre-retirement age in the field of education (on the example of the Omsk region) // The 14th International Days of Statistics and Economics : Conference Proceedings (September 10–12, 2020, Prague, Czech Republic) / Ed. by: T. Löster, T. Pavelka. – Prague : Libuše Macáková : Melandrium, 2020. – P. 50–58.
10. Dinner I., Arbuz A. Employment of people of retirement and pre-retirement age in healthcare as a factor in the development of the industry (on the example of the Omsk region) // The 14th International Days of Statistics and Economics : Conference Proceedings (September 10–12, 2020, Prague, Czech Republic) / Ed. by: T. Löster, T. Pavelka. – Prague : Libuše Macáková : Melandrium, 2020. – P. 226–235.
11. Одегов Ю. Г., Никулин Л. Ф., Половинко В. С. Сетевой HR-менеджмент 3.0 : моногр. – Омск : Изд-во Ом. гос. у-та, 2013. – 239 с.
12. Huws U. ICapitalism and the Cybertariat: Contradictions of the Digital Economy // Monthly Review. – 2015. – Vol. 66, no. 8. – P. 42–57. – DOI: 10.14452/mr-066-08-2015-01_7.
13. Козлов А. В., Макарова М. Н. Трансформация условий занятости в информационно-сетевой экономике // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 237–241. – DOI: 10.17059/2011-1-32.

14. Sudoh O. The Knowledge Network in the Digital Economy and Sustainable Development // Sudoh O. *Digital Economy and Social Design*. – Tokyo : Springer, 2005. – P. 3–38. – DOI: 10.1007/4-431-26318-7_1.

References

1. Polovinko V.S. Contradictions of professional selfdetermination: classification and forms of manifestation. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2020, Vol. 18, no. 1, pp. 111-125. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).111-125. (in Russian).
2. Tolstoguzov S.N. Career Guidance Experience Abroad. *The Education and Science Journal*, 2015, no. 1 (120), pp. 151-164. (in Russian).
3. Grinshpun S.S. Career education of school students in the USA. *Pedagogika*, 2005, no. 9, pp. 65-72. (in Russian).
4. Alishev T., Gilmutdinov A. Singapore experience: Creation of a world level education system. *Educational Studies Moscow*, 2010, no. 4, pp. 227-246. (in Russian).
5. Shamsutdinova I.G., Pavlova O.I. Professional'naya orientatsiya uchashchikhsya vo Frantsii [Professional orientation of students in France]. *Pedagogika*, 2007, no. 4, pp. 101-111. (in Russian).
6. Zobkova L.D. Management of training and development of personnel: the experience of foreign and Russian companies. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2017, Vol. 8, no. 9, pp. 39-50, available at: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/10282>. (in Russian).
7. Gracheva S. Korporativnye universitety za rubezhom (istoriya sozdaniya, opyt, sovremennost') [Corporate universities abroad (history of creation, experience, modernity)]. *Upravlenie personalom*, 2008, no. 5 (183), pp. 90-95. (in Russian).
8. Polovinko V., Dinner I. Institutional and technological contradictions of professional self-determination of schoolchildren (on the example of the Omsk region), in: Löster T., Pavelka T. (eds.) *The 14th International Days of Statistics and Economics*, Conference Proceedings (September 10-12, 2020, Prague, Czech Republic), Prague, Libuše Macáková publ., Melandrium publ., 2020, pp. 855-863.
9. Arbuz A., Polovinko V. Contradictions in the strategies of labor behavior of persons of pre-retirement age in the field of education (on the example of the Omsk region), in: Löster T., Pavelka T. (eds.) *The 14th International Days of Statistics and Economics*, Conference Proceedings (September 10-12, 2020, Prague, Czech Republic), Prague, Libuše Macáková publ., Melandrium publ., 2020, pp. 50-58.
10. Dinner I., Arbuz A. Employment of people of retirement and pre-retirement age in healthcare as a factor in the development of the industry (on the example of the Omsk region), in: Löster T., Pavelka T. (eds.) *The 14th International Days of Statistics and Economics*, Conference Proceedings (September 10-12, 2020, Prague, Czech Republic), Prague, Libuše Macáková publ., Melandrium publ., 2020, pp. 226-235.
11. Odegov Yu.G., Nikulin L.F., Polovinko V.S. *Setevoi HR-menedzhment 3.0 [Network HR-management 3.0]*, Monograph. Omsk, Omsk State University publ., 2013. 239 p. (in Russian).
12. Huws U. ICapitalism and the Cybertariat: Contradictions of the Digital Economy. *Monthly Review*, Vol. 66, no. 8, pp. 42-57. DOI: 10.14452/mr-066-08-2015-01_7.
13. Kozlov A.V., Makarova M.N. Transformation of employment conditions in information-network economy. *Economy of region*, 2011, no. 1, pp. 237-241. DOI: 10.17059/2011-1-32.
14. Sudoh O. The Knowledge Network in the Digital Economy and Sustainable Development, in: Sudoh O. *Digital Economy and Social Design*, Tokyo, Springer publ., 2005, pp. 3-38. DOI: 10.1007/4-431-26318-7_1.

Сведения об авторах

Половинко Владимир Семенович – д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами
 Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
 E-mail: pw3@mail.ru
 РИНЦ AuthorID: 155877; SPIN-код: 8454-2897

About the authors

Vladimir S. Polovinko – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resources Management
 Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
 E-mail: pw3@mail.ru
 RSCI AuthorID: 155877; SPIN-code: 8454-2897

Арбуз Анна Владимировна – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: denezhkina1@mail.ru
РИНЦ AuthorID: 310088

Диннер Игорь Владимирович – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: igor-dinner@yandex.ru
РИНЦ AuthorID: 971476; *SPIN-код:* 4692-3211

Вклад авторов

Половинко В.С. – планирование исследования, руководство проведением исследования
Арбуз А.В. – определение методов исследования, визуализация и представление данных
Диннер И.В. – постановка целей и задач, разработка и проведение исследования

Для цитирования

Половинко В. С., Арбуз А. В., Диннер И. В. Противоречия в процессе профессионального самоопределения: оценка и методы регулирования // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 69–79. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).69-79.

Anna V. Arbuz – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Human Resources Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: denezhkina1@mail.ru
RSCI AuthorID: 310088

Igor V. Dinner – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Human Resources Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: igor-dinner@yandex.ru
RSCI AuthorID: 971476; *SPIN-code:* 4692-3211

Authors' contributions

Polovinko V.S. – research planning, research management
Arbuz A.V. – definition of research methods, visualization and presentation of data
Dinner I.V. – setting goals and objectives, developing and conducting research

For citations

Polovinko V.S., Arbuz A.V., Dinner I.V. Contradictions in the process of professional self-determination: assessment and methods of regulation. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 69-79. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).69-79. (in Russian).

УДК 330.341.2
JEL: O14
DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(2).80-92

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

А.Р. Терентьева

Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
12 апреля 2021 г.

Дата принятия в печать
8 мая 2021 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Технологическое развитие,
экономическая надежность,
экономический механизм, про-
мышленное предприятие, циф-
ровая экономика, процессно-
технологический подход

Аннотация. Поскольку уменьшение цикла экономических кризисов, современная конкуренция и повышенные риски в условиях неопределенности оказывают негативное влияние на экономическую надежность предприятия в целом, необходимость обеспечения высокого уровня экономической надежности промышленного предприятия является несомненным залогом успеха, стабильности и процветания не только отдельно взятого предприятия, но и экономики страны в целом, что в свою очередь повышает благосостояние и улучшает уровень жизни всего общества. В статье анализ проводится на основе авторского процессно-технологического подхода, назначением которого является исследование специфики экономического состояния промышленного предприятия в современных условиях и повышение уровня экономической надежности посредством формирования механизма экономической надежности. Для нахождения обобщенного показателя экономической надежности абсолютные показатели по основным процессам были переведены в безразмерные показатели, с помощью которых через функцию желательности были найдены частные показатели желательности. Уровень экономической надежности сопоставлен с оценками по шкале желательности Харрингтона, которая отвечает требованиям нахождения обобщенной функции экономической надежности с множеством критериальных показателей. Анализ уровня организации обеспечения экономической надежности проведен по двум модулям блока инновационно-технологического развития механизма экономической надежности: по организационно-управленческому и производственно-технологическому модулям. Представлены результаты анализа уровня экономической надежности и уровня организации обеспечения экономической надежности крупных промышленных предприятий Омска на основе процессно-технологического подхода, а также установлены взаимосвязи данных показателей. На основании полученных результатов в дальнейшем будут разработаны методические предложения по формированию механизма экономической надежности промышленных предприятий в условиях наблюдаемой технологической динамики, включая методический инструментальный оценки эффективности проектируемого механизма.

STUDY OF THE IMPACT OF ORGANIZATIONAL ASPECTS ON ENSURING THE ECONOMIC RELIABILITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

A.R. Terenteva

Omsk State Technical University (Omsk, Russia)

Article info

Received
April 12, 2021

Accepted
May 8, 2021

Type paper

Analytical paper

Abstract. Since the reduction of the cycle of economic crises, modern competition and increased risks in conditions of uncertainty harm the economic reliability of the enterprise as a whole, the need to ensure a high level of economic reliability of an industrial enterprise is an undoubted guarantee of success, stability and prosperity not only of an individual enterprise, but also of the country's economy as a whole. This, in turn, increases the well-being and improves the standard of living of the entire society. The article presents the analysis carried out on the basis of the author's process-technological approach, the purpose of which is to study the specifics of the economic state of an industrial enterprise in modern conditions and to increase the level of economic reliability through the formation of an economic reliability mechanism. To find a generalized indicator of economic reliability, absolute indicators for the main processes were translated into dimensionless indicators, with the help of which, through the desirability function, private desirability indicators were found. The level of economic reliability is compared with the estimates on the Harrington desirability scale, which meets the requirements for finding a generalized economic reliability function with a set of criteria indicators. The level of organization of ensuring economic reliability was analyzed by two modules of

Keywords

Technological development, economic reliability, economic mechanism, industrial enterprise, digital economy, process-technological approach

the block of innovative and technological development of the economic reliability mechanism: by organizational-managerial and production-technological modules. The article presents the results of the analysis of the level of economic reliability and the level of organization of ensuring the economic reliability of large industrial enterprises of Omsk based on the process-technological approach, as well as the interrelationships of these indicators are established. Based on the obtained results, there will be developed methodological proposals for the formation of a mechanism for the economic reliability of industrial enterprises in the conditions of the observed technological dynamics, including methodological tools for evaluating the effectiveness of the designed mechanism.

1. Введение. Понятие «надежность» в экономической науке появилось в середине 1980-х гг., при переходе к шестому экономическому укладу интерес к данной экономической категории достигает своего пика и продолжает расти и по сегодняшний день. Шестой экономический уклад характеризуется масштабированием и интенсивным ускорением научно-технического прогресса на основе цифровизации экономики, а также мировой глобализацией, которая частично стирает государственные границы. В связи с этим появляется и ряд угроз и рисков как для национальных экономик, так и для каждого конкретного промышленного предприятия.

Ускорение технологической динамики спровоцировало увеличение частоты экономических кризисов, которые в условиях глобализации перерастают в мировые кризисы. Современная конкуренция трансформируется и принимает всё более агрессивные формы – гиперконкуренция, наномаркетинг, транснациональные компании. Также большую роль в современной технологической динамике играют «подрывные» инновации, которые сопряжены с рисками управленческих решений, поскольку экстремальные инновации должны обеспечить максимальную эффективность, но при этом возникает угроза больших потерь, связанных с нехваткой ресурса, который нужен для экстремальной технологии. Чем большие возможности приносят инновации, тем большие риски в них кроются.

К основным негативным последствиям воздействия экономических кризисов, современной агрессивной конкуренции и повышенного риска новых технологий относят: сокращение объемов сбыта продукции и, соответственно, производства; сокращение доли рынка промышленного предприятия; невыполнение договорных обязательств перед контрагентами; замедление уровня оборачиваемости готовой продукции; снижение уровня цен и сокращение маржинальности продукции; падение рен-

табельности продаж и производства; снижение прибыли промышленного предприятия; сокращение денежного потока; нехватку оборотных средств; просроченную задолженность по кредитам и займам; снижение ликвидности промышленного предприятия; снижение уровня платежеспособности предприятия по текущим обязательствам, в том числе невыплаты по заработной плате в установленный срок; потерю ценных кадров и повышение текучести персонала; снижение уровня производительности труда; снижение качества выпускаемой продукции; снижение репутации и уровня доверия к промышленному предприятию и др.

Данные отрицательные последствия, в отдельности и в своей совокупности, могут привести промышленное предприятие к банкротству, если нет необходимого запаса прочности в виде высокого уровня экономической надежности. Высокий уровень экономической надежности промышленного предприятия является необходимой характеристикой для формирования конкурентных преимуществ, а также устойчивого функционирования и эффективного развития промышленных предприятий в условиях современной технологической динамики. С помощью формирования механизма, обеспечивающего экономическую надежность промышленного предприятия, возможно минимизировать риски в условиях неопределенности и в условиях технологической динамики, что позволит промышленному предприятию внедрять технологические инновации и получать максимальную прибыль.

2. Обзор литературы. На сегодняшний день сформировалось четыре основных подхода к пониманию сущности экономической надежности как экономической категории: функциональный, ресурсный, системный и процессный.

Основным содержанием *функционального* подхода является то, что промышленное предприятие рассматривается как совокупность его функциональных подсистем, условно разде-

ленных по функциям. Поскольку для устранения нарушений функционирования используются различные методы и способы в каждой подсистеме, для различных подсистем формируется индивидуальный механизм надежности, а совокупность составляет механизм экономической надежности всего промышленного предприятия. Представителями функционального подхода к пониманию экономической надежности являются В.Н. Егоров, А.В. Закорюкина, Д.И. Коровин, А.Я. Малышева, Д.А. Маринцев, И.А. Новиков и др. [1–6].

Суть *ресурсного подхода* в том, что путем рационального распределения и эффективного использования всех ресурсов достигается экономическая надежность промышленного предприятия. Поскольку один ресурс не может дать результата без взаимодействия с другими ресурсами промышленного предприятия, то необходимо рассматривать совокупность ресурсов и их взаимодействие. Ресурсная концепция экономической надежности акцентирует внимание на особенных, нестандартных способностях и активах промышленных предприятий, которые трудно имитировать другим игрокам рынка, а также неординарные их комбинации, позволяющие выделить неоспоримые конкурентные преимущества. Представителями ресурсного подхода к исследованию экономической надежности являются В.Н. Кабанов, М. Портер, Р.А. Тимофеев, В.И. Эдельман и др. [7–10].

Основным положением *системного подхода* является исследование промышленного предприятия как целостной системы, основывающееся на следующих принципах: целостности, необходимого разнообразия, целеустремленности и внешнего дополнения. Экономическая надежность рассматривается как свойство целостной совокупности элементов с устойчивыми связями между ними, а также как свойство системы, обладающей эмерджентными свойствами, не присущими отдельным ее элементам. Представителями системного подхода являются С.А. Винокурова, А.Л. Колокин, Е.Ю. Меркулова, М.В. Петров, Ю.А. Шумилова и др. [11–15].

Основные положения *процессного подхода*: само функционирование предприятия представляется как процесс, имеющий на «входе» ресурсы, а на «выходе» – результаты процесса, в результате оценки которых можно говорить об уровне экономической надежности

промышленного предприятия. Экономическая надежность достигается путем оптимизации всех взаимосвязанных и взаимозависимых бизнес-процессов промышленного предприятия. Представители данного подхода: А. Бьерн, Д.В. Гостяев, В.Г. Елиферов, В.В. Репин, А.Д. Канчавели, М. Хаммер, Дж. Чампи, А.-В. Шеер и др. [16–21].

Процессный подход стоит выделить среди остальных как обладающий существенным преимуществом в виде большей операционной эффективности. Важно отметить, что именно процессный подход заложен в международные стандарты системы менеджмента качества, введенные Международной организацией по стандартизации (ISO). Однако, вышеперечисленные подходы не отражают в полной мере специфику современной технологической динамики, основанной на глобальной цифровизации экономики.

3. Гипотезы и методы исследования.

В условиях интенсивной современной технологической динамики на базе процессного подхода необходимо разработать процессно-технологический подход к формированию механизма экономической надежности промышленных предприятий. На основе процессно-технологического подхода необходимо оценить уровень экономической надежности и уровень организации обеспечения экономической надежности для выявления взаимосвязей и взаимозависимостей между ними.

Методическую основу исследования составили общенаучные методы классификации, обобщения, сравнения, анализа.

4. Результаты исследования. Для оценки уровня экономической надежности были отобраны крупные промышленные предприятия г. Омска: ООО «Планета-центр», ОАО «Автогенный завод», АО «Газпромнефть-ОНПЗ», АО «Омскшина». Данные предприятия предлагается рассмотреть по основным четырем процессам функционирования. Среди показателей процесса выделены наиболее значимые с точки зрения экономической надежности. Поскольку финансовая составляющая является одной из главенствующих в устойчивом развитии и стабильном функционировании промышленного предприятия, то данный процесс рассмотрен по трем индикаторам и соответствующим показателям. Итого отобрано шесть показателей: «маркетинг» – коэффициент рентабельности продаж; «производство» – коэффициент рен-

табельности продукции; «финансы»: по индикатору «обеспеченность финансовыми ресурсами» – коэффициент автономии, по индикатору «кредитоспособность» – коэффициент текущей ликвидности, по индикатору «платежеспособность» – коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности; «организация» – коэффициент эффективности управления.

Для нахождения данных показателей информация взята из бухгалтерской отчетности: форма № 1 «Бухгалтерский баланс» и форма № 2 «Отчет о прибылях и убытках».

Уровень надежности по показателям процесса может значительно отличаться в зависимости от того, в каких процессах имеются узкие места у конкретного промышленного предприятия. Чтобы оценить обобщенный уровень экономической надежности по всем процессам, который позволит сравнить промышленные предприятия между собой, необходимо воспользоваться шкалой желательности Харрингтона [22].

Границы желательности по шкале Харрингтона (табл. 1) для каждого коэффициента выбраны исходя из следующего. Касательно коэффициентов рентабельности минимальной границей следует считать ставку по банковским

вкладам на текущий момент, поскольку если рентабельность продаж или продукции ниже данного порога, то имеет смысл вложить деньги в альтернативный и более выгодный источник прибыли. Высокорентабельными считаются производства свыше 20 %, а свыше 30 % – сверхрентабельными. В то же время рентабельность в 10–20 % – средние значения данного показателя.

В мировой практике допустимо минимальный коэффициент автономии 0,3–0,4, в то время как значение 0,5 и более считается нормальным, а оптимальным значением – 0,6–0,7.

Коэффициент текущей ликвидности при значении ниже 1,0 показывает, что предприятие не имеет возможности рассчитываться по текущим счетам. Оптимальным значением является значение выше 1,5–2,5.

Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей не должен быть менее 1,0. Значение 0,7 означает, что разрыв между кредиторской и дебиторской задолженностью составляет 30 %, и необходимо привлекать заемные средства для расчета с поставщиками. Свыше 2,0 – промышленное предприятие гарантированно имеет максимальную экономическую надежность.

Таблица 1. Уровень экономической надежности по шкале желательности Харрингтона

Table 1. The level of economic reliability on the Harrington desirability scale

Показатель	Оценка				
	Отлично / очень на- дежно	Хорошо / надежно	Удовлетворительно / удовлетворительно надежно	Плохо / ненадежно	Очень плохо / очень нена- дежно
Оценка по шкале желательности	$x \geq 0,8$	$0,63 \leq x < 0,8$	$0,37 \leq x < 0,63$	$0,2 \leq x < 0,37$	$x < 0,2$
Коэффициент рента- бельности продаж	$x \geq 0,3$	$0,2 \leq x < 0,3$	$0,1 \leq x < 0,2$	$0,05 \leq x < 0,1$	$x < 0,05$
Коэффициент рента- бельности про- дукции	$x \geq 0,3$	$0,2 \leq x < 0,3$	$0,1 \leq x < 0,2$	$0,05 \leq x < 0,1$	$x < 0,05$
Коэффициент авто- номии	$x \geq 0,6$	$0,5 \leq x < 0,6$	$0,4 \leq x < 0,5$	$0,3 \leq x < 0,4$	$x < 0,3$
Коэффициент теку- щей ликвидности	$x \geq 2,5$	$2,0 \leq x < 2,5$	$1,5 \leq x < 2,0$	$1,0 \leq x < 1,5$	$x < 1,0$
Коэффициент отно- шения дебиторской и кредиторской за- долженностей	$x \geq 2,0$	$1,5 \leq x < 2,0$	$1,0 \leq x < 1,5$	$0,7 \leq x < 1,0$	$x < 0,7$
Коэффициент роста эффективности управления	$x \geq 2,0$	$1,5 \leq x < 2,0$	$1,0 \leq x < 1,5$	$0,7 \leq x < 1,0$	$x < 0,7$

Коэффициент роста эффективности управления также не должен быть менее 1,0, поскольку темп роста прибыли должен превышать темп роста управленческих расходов для эффективного функционирования предприятия. Значение 0,7–1,0 возможно при авансированном темпе роста управленческих расходов, но на самый минимальный промежуток времени. Наиболее эффективным следует считать соотношение темпа роста прибыли к управленческим затратам в 2 раза.

Для сравнения указанных выше предприятий по уровню экономической надежности необходимо привести размерные показатели к безразмерным значениям и найти частные и обобщенные показатели желательности по показателям. Решая систему уравнений, получаем уравнение линейной зависимости между показателями экономической надежности и безразмерным значением по шкале желательности:

– для коэффициентов рентабельности продаж и продукции: $y = -0,735 + 7,45x$;

– для коэффициента автономии: $y = -2,97 + 7,45x$;

– для коэффициента текущей ликвидности: $y = -2,225 + 1,49x$;

– для коэффициентов отношения дебиторской и кредиторской задолженности и роста эффективности управления: $y = -1,48 + 1,49x$.

Рассмотрим данные показатели на примере конкретных промышленных предприятий.

По данным табл. 2 можно сделать вывод, что ООО «Планета-Центр» на протяжении анализируемого периода имеет рентабельность продаж и продукции ниже удовлетворительного уровня. Коэффициент автономии в среднем за 5 лет составил 0,41, что соответствует удовлетворительному уровню экономической надежности. Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженности в среднем составляет 1,18, что также соответствует удовлетворительному уровню. При этом коэффициент текущей ликвидности, а также коэффициент роста эффективности управления достаточно высоки, средние их значения составляют 2,24 и 3,11 соответственно. Однако последний коэффициент в течение 5 лет имеет большую волатильность: в 2015 и в 2017 гг. опускается до значений 0,64 и 0,48 соответственно, что характеризует неэффективное управление.

Таблица 2. Показатели эффективности на «выходе» (В) и показатели экономической надежности по шкале желательности (ШЖ) ООО «Планета-Центр» в 2015–2019 гг.

Table 2. Indicators of efficiency and indicators of desirability of LLC "Planeta-Tsentr" in 2015-2019

Процесс	Индикатор	2015		2016		2017		2018		2019		Сред. ариф. значение	
		В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ
Маркетинг	Коэффициент рентабельности продаж	0,10	0,37	0,09	0,35	0,07	0,29	0,08	0,32	0,09	0,35	0,09	0,33
Производство	Коэффициент рентабельности продукции	0,06	0,26	0,13	0,45	0,07	0,29	0,05	0,24	0,10	0,37	0,08	0,32
Финансы	Коэффициент автономии	0,45	0,50	0,43	0,45	0,37	0,29	0,38	0,32	0,42	0,43	0,41	0,40
	Коэффициент текущей ликвидности	1,96	0,61	2,62	0,83	1,80	0,53	2,14	0,68	2,68	0,84	2,24	0,70
	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	0,96	0,35	1,30	0,53	1,01	0,38	0,98	0,36	1,64	0,68	1,18	0,46
Организация	Коэффициент роста эффективности управления	0,64	0,18	1,58	0,66	0,48	0,12	10,71	1,00	2,14	0,83	3,11	0,56
Обобщенный показатель экономической надежности		0,35		0,52		0,29		0,42		0,55		0,43	

Безразмерные показатели по шкале желательности находятся с помощью вышеуказанных зависимостей. Подставляя найденные значения безразмерных показателей в функцию желательности, находятся частные показатели желательности по каждому показателю, а также обобщенные показатели экономической надежности по данным показателям и их средние значения за анализируемый период.

Среднее значение обобщенного показателя экономической надежности ООО «Планета-Центр» за анализируемый период составило 0,43, что характеризует предприятие как удовлетворительно надежное. За рассматриваемый период в 2015 и в 2017 гг. данное значение опускалось ниже удовлетворительного уровня: 0,35 и 0,29 соответственно. При этом средние значения коэффициента рентабельности продаж и продукции соответствуют уровню «плохо», т. е. предприятия по процессам «марке-

тинг» и «производство» ненадежно, что влияет на обобщенный показатель экономической надежности.

Анализируя табл. 3, относительно ОАО «Автогенный завод» можно сделать следующие выводы: коэффициенты рентабельности продаж и продукции (0,08 и 0,05 соответственно – по шкале желательности «плохо»), автономии, текущей ликвидности, отношения дебиторской и кредиторской задолженностей (0,28; 0,74 и 0,29 соответственно – по шкале желательности «очень плохо») имеют средние значения за анализируемый период, характеризующие промышленное предприятие как ненадежное и очень ненадежное. Единственным показателем, характеризующим высокую надежность данного предприятия, является коэффициент роста эффективности управления, среднее значение за рассматриваемый период которого составляет 2,25.

Таблица 3. Показатели эффективности на «выходе» (В) и показатели экономической надежности по шкале желательности (ШЖ) ОАО «Автогенный завод» в 2015–2019 гг.

Table 3. Indicators of efficiency and indicators of desirability of JSC "Autogennyi zavod" in 2015-2019

Процесс	Индикатор	2015		2016		2017		2018		2019		Сред. ариф. значение	
		В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ
Маркетинг	Коэффициент рентабельности продаж	0,11	0,40	0,10	0,37	0,10	0,37	0,04	0,21	0,08	0,32	0,08	0,33
Производство	Коэффициент рентабельности продукции	0,04	0,21	0,05	0,24	0,08	0,32	0,02	0,16	0,09	0,35	0,05	0,26
Финансы	Коэффициент автономии	0,27	0,07	0,29	0,11	0,30	0,12	0,24	0,04	0,32	0,16	0,28	0,10
	Коэффициент текущей ликвидности	0,61	0,02	0,79	0,06	0,95	0,11	0,75	0,05	0,61	0,02	0,74	0,05
	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	0,23	0,04	0,35	0,07	0,39	0,09	0,27	0,05	0,22	0,04	0,29	0,06
Организация	Коэффициент роста эффективности управления	0,84	0,28	1,40	0,58	1,55	0,65	0,17	0,03	7,30	1,00	2,25	0,51
Обобщенный показатель экономической надежности		0,11		0,17		0,21		0,07		0,16		0,14	

Обобщенный показатель экономической надежности ОАО «Автогенный завод» за анализируемый период составил 0,14, что соответствует очень низкой экономической надежности промышленного предприятия.

По данным табл. 4 АО «Газпромнефть-ОМПЗ» можно сделать выводы о том, что коэф-

фициенты рентабельности продаж и продукции, средние значения которых соответствуют 0,30 и 0,38, характеризуют сверхрентабельность данного промышленного предприятия. Коэффициент автономии в среднем составляет 0,64, что соответствует высокому уровню экономической надежности, но стоит отметить, что на

протяжении рассматриваемого периода данный показатель снижался с 0,92 до 0,37 (темпа роста 40,22 %). Также очевидно снижение коэффициентов текущей ликвидности и отношения дебиторской и кредиторской задолженностей с 2,02 до 0,12 (темпа роста 5,94 %) и с 1,41 до 0,10 (темпа роста 7,09 %) соответственно.

Снижение данных показателей на существенный процент говорит об ухудшении экономической надежности предприятия в целом. Среднее значение коэффициента роста эффективности управления составило 0,88, что также характеризует предприятие как ненадежное.

Таблица 4. Показатели эффективности на «выходе» (В) и показатели экономической надежности по шкале желательности (ШЖ) АО «Газпромнефть-ОНПЗ» в 2015–2019 гг.

Table 4. Indicators of efficiency and indicators of desirability of JSC "Gazpromneft'-ONPZ" in 2015-2019

Процесс	Индикатор	2015		2016		2017		2018		2019		Сред. ариф. значение	
		В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ
Маркетинг	Коэффициент рентабельности продаж	0,36	0,87	0,33	0,84	0,26	0,74	0,30	0,80	0,26	0,74	0,30	0,80
Производство	Коэффициент рентабельности продукции	0,54	0,96	0,45	0,93	0,32	0,83	0,32	0,83	0,25	0,72	0,38	0,85
Финансы	Коэффициент автономии	0,92	0,98	0,77	0,94	0,66	0,87	0,50	0,63	0,37	0,29	0,64	0,74
	Коэффициент текущей ликвидности	2,02	0,63	1,53	0,39	1,38	0,31	0,56	0,02	0,12	0,00	1,12	0,27
	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	1,41	0,58	1,18	0,47	1,06	0,40	0,95	0,35	0,10	0,02	0,94	0,37
Организация	Коэффициент роста эффективности управления	0,61	0,17	1,05	0,40	0,81	0,27	0,95	0,35	0,97	0,36	0,88	0,31
Обобщенный показатель экономической надежности		0,61		0,61		0,51		0,31		0,09		0,43	

Среднее значение обобщенного показателя экономической надежности АО «Газпромнефть-ОНПЗ» равняется 0,43 (удовлетворительно надежное), однако данный показатель стремительно снижается с 2017 г. и уже в 2019 г. составляет 0,09, что указывает на крайне низкий уровень надежности в целом. При этом показатели коэффициента рентабельности продаж и продукции на протяжении всего анализируемого периода остаются довольно высокими (0,80 и 0,85 соответственно).

Анализируя табл. 5, необходимо отметить нулевой уровень коэффициентов рентабельности продаж и рентабельности АО «Омскшина», что крайне негативно сказывается на уровне экономической надежности предприятия в целом. Коэффициенты текущей ликвидности и отношения дебиторской и кредиторской задолженностей в среднем составляют 1,16 и 0,91,

что также характеризует экономическую надежность по шкале желательности как «плохо» или «ненадежно». При этом достаточно высок уровень коэффициента автономии (0,57) и удовлетворителен уровень коэффициента роста эффективности управления (1,32).

Можно сделать вывод о низком уровне экономической надежности АО «Омскшина» в целом, и состояние предприятия характеризуется как ненадежное, так как среднее значение обобщенного показателя составляет 0,26, а в 2016 г. опускалось до уровня 0,15, что означает очень низкий уровень экономической надежности предприятия.

Обобщенный показатель экономической надежности рассмотренных предприятий г. Омска представлен в табл. 6.

Таблица 5. Показатели эффективности на «выходе» (В) и показатели экономической надежности по шкале желательности (ШЖ) АО «Омскшина» в 2015–2019 гг.

Table 5. Indicators of efficiency and indicators of desirability of JSC "Omskshina" in 2015-2019

Процесс	Индикатор	2015		2016		2017		2018		2019		Сред. ариф. значение	
		В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ	В	ШЖ
Маркетинг	Коэффициент рентабельности продаж	-0,01	0,11	0,01	0,14	0,01	0,14	0,01	0,14	0,01	0,14	0,00	0,14
Производство	Коэффициент рентабельности продукции	-0,01	0,11	0,01	0,14	0,01	0,14	0,01	0,14	0,01	0,14	0,00	0,14
Финансы	Коэффициент автономии	0,65	0,86	0,22	0,02	0,63	0,84	0,75	0,93	0,59	0,79	0,57	0,69
	Коэффициент текущей ликвидности	1,10	0,16	1,03	0,14	1,21	0,22	1,44	0,34	1,00	0,12	1,16	0,20
	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	0,83	0,28	0,98	0,36	0,97	0,36	1,00	0,37	0,78	0,25	0,91	0,32
Организация	Коэффициент роста эффективности управления	1,13	0,44	1,28	0,52	1,99	0,80	1,27	0,51	0,94	0,34	1,32	0,52
Обобщенный показатель экономической надежности		0,24		0,15		0,32		0,33		0,24		0,26	

Таблица 6. Обобщенный показатель экономической надежности на основе показателей основных бизнес-процессов промышленных предприятий 2015–2019 гг.

Table 6. A generalized indicator of economic reliability based on the indicators of the main business processes of industrial enterprises in 2015-2019

Предприятие	Показатель экономической надежности						Коэффициент роста к 2015, %
	2015	2016	2017	2018	2019	сред. ариф. значение	
ООО «Планета-Центр»	0,35	0,52	0,29	0,42	0,55	0,43	157,14
ОАО «Автогенный завод»	0,11	0,17	0,21	0,07	0,16	0,14	145,45
АО «Газпромнефть-ОНПЗ»	0,61	0,61	0,51	0,31	0,09	0,43	14,75
АО «Омскшина»	0,24	0,15	0,32	0,33	0,24	0,26	100,00

По данным табл. 6 очевидно, что самые высокие средние значения обобщенного показателя экономической надежности в рассматриваемый период у ООО «Планета-Центр» и АО «Газпромнефть-ОНПЗ», которые составляют по 0,43 и характеризуют предприятия как удовлетворительно надежные. Однако, стоит отметить противоположную динамику данных показателей: если у ООО «Планета-Центр» коэффициент роста в 2019 г. составил 157,14 % к 2015 г., то у АО «Газпромнефть-ОНПЗ» коэффициент роста в 2019 г. составил 14,75 % к 2015 г., что говорит о стремительном падении уровня экономической надежности, поскольку

в 2019 г. данный показатель равен 0,09 и свидетельствует об очень ненадежном положении промышленного предприятия.

На очень низком уровне экономической надежности – «очень ненадежно» – находится ОАО «Автогенный завод», среднее значение обобщенного показателя экономической надежности которого составило 0,14. У предприятия виден постепенный рост уровня экономической надежности: коэффициент роста 145,45 % указывает на положительную динамику. Низкому уровню экономической надежности – «ненадежно» – соответствует состояние АО «Омскшина», среднее значение обоб-

щенного показателя экономической надежности которого равно 0,26.

Организационные аспекты механизма экономической надежности промышленных предприятий предлагается проанализировать по блоку инновационно-технологического развития, состоящего из двух модулей: организационно-управленческого и производственно-технологического (табл. 7). Каждому элементу данного блока соответствуют четыре уровня организации обеспечения экономической на-

дежности промышленных предприятий. Следует отметить, что дополнительный элемент производственно-технологического модуля, такой как НИОКР, не рассматривался, поскольку наличие данного элемента обуславливается инновационной стратегией промышленного предприятия. Поэтому наличие либо отсутствие данного элемента не влияет на уровень обеспечения экономической надежности промышленных предприятий, а указывает лишь на различные пути достижения.

Таблица 7. Уровень организации обеспечения экономической надежности промышленных организаций

Table 7. The level of organization of ensuring economic reliability in industrial organizations

Элементы	Предприятия			
	ООО «Планета-Центр»	ОАО «Автогенный завод»	АО «Газпромнефть-ОНПЗ»	АО «Омскишина»
<i>Организационно-управленческий модуль</i>				
Внутренняя политика инновационно-технологического развития	Разработана и внедрена	Разработана и внедрена частично	Разработана и внедрена, ведется постоянная работа по совершенствованию	Разработана и внедрена
Инновационная корпоративная культура	Сформирована	Сформирована фрагментарно	Сформирована, идет постоянная работа по развитию	Сформирована фрагментарно
Инновационная система мотивации	Разработана и внедрена частично	Не разработана	Разработана и внедрена, ведется постоянная работа по совершенствованию	Разработана и внедрена частично
Организационная структура, позволяющая внедрять инновации	Гибкая	Жесткая, не готова к адаптации	Гибкая, быстро адаптивная	Жесткая, готова к адаптации
Бизнес-процессы	Отлажены	Отлажены частично	Отлажены, идет постоянная работа по совершенствованию	Отлажены
<i>Производственно-технологический модуль</i>				
Стадия жизненного цикла товара	Разработка инноваций начинается на стадии роста	Разработка инноваций начинается на стадии зрелости	Разработка инноваций начинается на стадии внедрения	Разработка инноваций начинается на стадии зрелости
Маркетинговые исследования	Проводятся постоянно, систематически	Проводятся редко, несистематически	Проводятся постоянно, систематически	Проводятся периодически, несистематически
Инновационная производственно-технологическая стратегия	Сформулирована	Сформулирована фрагментарно	Сформулирована, корректировка стратегии по результатам	Сформулирована
Патент	Не имеется	Не имеется	Инновационно-активная деятельность	Инновационно-пассивная деятельность
Коммерциализации инноваций	Низкая рентабельность, убыточность	Низкая рентабельность, убыточность	Сверхрентабельность	Низкая рентабельность, убыточность

Для ранжирования промышленных предприятий необходимо оценить критериальный уровень организации обеспечения экономической надежности. Соответственно, самый высокий балл равен 3, а самый низкий – 0.

Самый низкий уровень обеспечения экономической надежности – *пассивный* (0–7 баллов) – означает, что промышленное предприятие находится на очень низком уровне экономической надежности и в ближайшей перспективе он будет падать, поскольку организационные аспекты механизма экономической надежности отсутствуют полностью либо практически.

Активный уровень обеспечения экономической надежности (8–15 баллов) означает фрагментарное наличие элементов блока инновационно-технологического развития, что позволяет предприятию выйти на удовлетворительный уровень надежности. Если предприятие имеет на данный момент более высокий уровень надежности, то при активном уровне экономической надежность будет снижаться до уровня «удовлетворительно», и наоборот, если на данный момент очень низкий уровень экономической надежности, то есть перспектива его увеличения до удовлетворительного уровня.

Реактивный уровень обеспечения экономической надежности (16–23 балла) означает, что промышленное предприятие адаптивно к современной технологической динамике, все изменения отслеживаются, и предприятие довольно быстро на них реагирует. В перспективе при реактивном уровне достигается надежное, устойчивое положение промышленного предприятия.

Проактивный уровень обеспечения экономической надежности (24–30 баллов) предполагает, что промышленное предприятие прогнозирует угрозы и риски современной технологической динамики и разрабатывает превентивные меры, посредством чего в перспективе достигается высокий уровень экономической надежности.

Проведем идентификацию суммарных баллов с уровнем организации обеспечения экономической надежности анализируемых промышленных предприятий.

ОАО «Автогенный завод» имеет пассивный уровень организации обеспечения экономической надежности (6 баллов). Активный уровень имеет АО «Омскшина» (14 баллов), реактивный уровень – ООО «Планета-Центр»

(16 баллов), АО «Газпромнефть-ОНПЗ» имеет проактивный уровень организации обеспечения экономической надежности (30 баллов).

На основе представленных данных необходимо сопоставить уровни экономической надежности и организации обеспечения экономической надежности промышленных предприятий.

АО «Газпромнефть-ОНПЗ» имеет самый высокий, проактивный уровень организации обеспечения экономической надежности и один из самых высоких средних за анализируемый период показателей экономической надежности (0,43). Падение 2017–2019 гг. обобщенного показателя надежности, основываясь на данных бухгалтерской отчетности, можно объяснить тем, что предприятие активно вкладывало в увеличение основных средств и внеоборотных активов, а также в результаты исследований и разработок. При этом на конец 2019 г. очень сильно возросла кредиторская задолженность. Можно сделать вывод, что АО «Газпромнефть-ОНПЗ» наращивает свой потенциал, что в перспективе даст огромный скачок в развитии конкурентных преимуществ на базе высокого уровня организации обеспечения экономической надежности.

ООО «Планета-Центр» имеет реактивный уровень организации обеспечения экономической надежности и один из самых высоких средних обобщенных показателей экономической надежности – 0,43. В 2017 г. данное предприятие запустило программу по импортозамещению, направленную на производство «дышащих» пленок, и в 2019 г. ООО «Планета-Центр» достигает самых высоких результатов за анализируемый период – обобщенный показатель экономической надежности равен 0,55.

АО «Омскшина» имеет активный уровень организации обеспечения экономической надежности и средний обобщенный показатель экономической надежности (0,26). Предприятие в 2019 г. вернулось на показатели 2015 г. – 0,24, также на протяжении всего анализируемого периода уровень коэффициентов рентабельности на самом низком уровне – это говорит о том, что предприятию необходимо качественно повышать уровень организации обеспечения экономической надежности для инновационно-технологического развития, в противном случае уровень экономической надежности данного предприятия в перспективе будет снижаться. У данного предприятия есть ба-

за для повышения до реактивного уровня, поскольку имеет многочисленные патенты.

ОАО «Автогенный завод» имеет пассивный уровень организации обеспечения экономической надежности и один из самых низких средних обобщенных показателей экономической надежности (0,14). В 2007 г. было модернизировано оборудование по производству двуокиси углерода, в 2010–2011 гг. расширен ассортимент выпускаемой продукции. Данному промышленному предприятию срочно требуется повышение организационного уровня обеспечения экономической надежности, поскольку иначе это может привести к поглощению конкурентами в условиях технологической динамики.

5. Заключение. В данном исследовании на основе процессно-технологического подхода проанализирован обобщенный показатель экономической надежности крупных промышленных предприятий г. Омска, а также уровень организации обеспечения экономической надежности на данных предприятиях. Из полученных результатов можно сделать вывод, что не существует модели жесткой детерминации между уровнем организации обеспечения экономической надежности и обобщенным показателем экономической надежности, однако организационные аспекты предопределяют перспективные тенденции развития промышленного предприятия и его перспективный уровень экономической надежности.

Литература

1. Егоров В. Н., Коровин Д. И. Функциональный подход к изучению экономических проблем надежности производства // *Личность. Культура. Общество*. – 2003. – Т. 5. – № 3–4 (17–18). – С. 9–28.
2. Загорюкина А. В. Бизнес-планирование на промышленных предприятиях: экономическая надежность и критериальный отбор : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Иваново, 2005. – 28 с.
3. Коровин Д. И. Математические методы управления экономической надежностью производственных систем : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Иваново, 2006. – 33 с.
4. Малышева А. Я. Влияние рисков маркетинговой деятельности на уровень надежности предприятий : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Иваново, 2000. – 23 с.
5. Маринцев Д. А. Оптимизация надежности производственных систем на стадии бизнес-планирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Иваново, 2004. – 24 с.
6. Новиков И. А. Оценка надежности производственных систем на стадии бизнес-планирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Иваново, 2003. – 24 с.
7. Кабанов В. Н. Диагностический анализ надежности экономической системы промышленной организации на основе сбалансированной системы показателей : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Н. Новгород, 2007. – 24 с.
8. Porter M. E. The five competitive forces that shape strategy // *Harvard Business Review*. – 2008. – Vol. 86, iss. 1. – P. 78–93.
9. Тимофеев Р. А. Оценка экономической надежности предприятия на основе рационального управления топливно-энергетическими ресурсами : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Новгород, 2005. – 28 с.
10. Эдельман В. И. Методы и модели экономического управления надежностью электроснабжения потребителей в энергосистемах : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 1990. – 48 с.
11. Винокурова С. А. Резервы повышения экономической надежности промышленного предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2004. – 24 с.
12. Колокин А. Л. Оценка надежности экономической деятельности теплоэнергетического предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Н. Новгород, 2004. – 28 с.
13. Меркулова Е. Ю. Управление экономической надежностью производственных систем методами диагностики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Тамбов, 2007. – 44 с.
14. Петров М. В. Оценка надежности функционирования сетевой организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2009. – 16 с.
15. Шуилова Ю. А. Управление надежностью экономики предприятия на основе диагностики его состояния : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Тюмень, 2003. – 24 с.
16. Bjorn A. Business process improvement toolbox. – Milwaukee, Wisconsin : ASQ Quality Press, 2007. – 312 p.

17. Гостяев Д. В. Механизм управления экономическим состоянием промышленных предприятий : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2010. – 28 с.
18. Ретин В. В., Елиферов В. Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 544 с.
19. Канчавели А. Д. Разработка теоретических основ и методологии стратегического управления организационно-экономической надежностью производственно-коммерческих фирм : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2004. – 36 с.
20. Hammer M., Champy J. Reengineering the Corporation : A Manifesto for Business Revolution. – New York : Harper Business, 2007. – 272 p.
21. Scheer A.-W. Industrie 4.0 – Wie sehen Produktionsprozesse im Jahr 2020 aus? – Saarbrücken : IMC AG, 2013. – 76 s.
22. Любушин Н. П., Брикач Г. Е. Использование обобщенной функции желательности Харрингтона в многопараметрических экономических задачах // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 18 (369). – С. 2–10.

References

1. Egorov V.N., Korovin D.I. A functional approach to a study of economic problems of production reliability. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2003, Vol. 5, no. 3-4 (17-18), pp. 9-28. (in Russian).
2. Zakoryukina A.V. *Biznes-planirovanie na promyshlennykh predpriyatiyakh: ekonomicheskaya nadezhnost' i kriterial'nyi otbor* [Business planning at industrial enterprises: economic reliability and criteria selection], PhD Thesis. Ivanovo, 2005. 28 p. (in Russian).
3. Korovin D.I. *Matematicheskie metody upravleniya ekonomicheskoi nadezhnost'yu proizvodstvennykh sistem* [Mathematical methods of managing the economic reliability of production systems], Doctoral Thesis. Ivanovo, 2006. 33 p. (in Russian).
4. Malysheva A.Ya. *Vliyanie riskov marketingovoi deyatel'nosti na uroven' nadezhnosti predpriyatii* [The impact of marketing risks on the level of enterprises' reliability], PhD Thesis. Ivanovo, 2000. 23 p. (in Russian).
5. Marintsev D.A. *Optimizatsiya nadezhnosti proizvodstvennykh sistem na stadii biznes-planirovaniya* [Optimization of the reliability of production systems at the stage of business planning], PhD Thesis. Ivanovo, 2004. 24 p. (in Russian).
6. Novikov I.A. *Otsenka nadezhnosti proizvodstvennykh sistem na stadii biznes-planirovaniya* [Assessment of the reliability of production systems at the business planning stage], PhD Thesis. Ivanovo, 2003. 24 p. (in Russian).
7. Kabanov V.N. *Diagnosticheskii analiz nadezhnosti ekonomicheskoi sistemy promyshlennoi organizatsii na osnove sbalansirovannoi sistemy pokazatelei* [Diagnostic analysis of the reliability of the economic system of an industrial organization based on a balanced system of indicators], PhD Thesis. Nizhny Novgorod, 2007. 24 p. (in Russian).
8. Porter M.E. The five competitive forces that shape strategy. *Harvard Business Review*, 2008, Vol. 86, iss. 1, pp. 78-93.
9. Timofeev R.A. *Otsenka ekonomicheskoi nadezhnosti predpriyatiya na osnove ratsional'nogo upravleniya toplivno-energeticheskimi resursami* [Assessment of the economic reliability of the enterprise based on rational management of fuel and energy resources], PhD Thesis. Novgorod, 2005. 28 p. (in Russian).
10. Edel'man V.I. *Metody i modeli ekonomicheskogo upravleniya nadezhnost'yu elektrosnabzheniya potrebitelei v energosistemakh* [Methods and models of economic management of the reliability of electricity supply to consumers in power systems], Doctoral Thesis. Moscow, 1990. 48 p. (in Russian).
11. Vinokurova S.A. *Rezervy povysheniya ekonomicheskoi nadezhnosti promyshlennogo predpriyatiya* [Reserves for improving the economic reliability of an industrial enterprise], PhD Thesis. Saratov, 2004. 24 p. (in Russian).
12. Kolokin A.L. *Otsenka nadezhnosti ekonomicheskoi deyatel'nosti teploenergeticheskogo predpriyatiya* [Assessment of the reliability of the economic activity of a heat and power enterprise], PhD Thesis. Nizhny Novgorod, 2004. 28 p. (in Russian).

13. Merkulova E.Yu. *Upravlenie ekonomicheskoi nadezhnost'yu proizvodstvennykh sistem metodami diagnostiki* [Management of economic reliability of production systems by diagnostic methods], Doctoral Thesis. Tambov, 2007. 44 p. (in Russian).
14. Petrov M.V. *Otsenka nadezhnosti funktsionirovaniya setevoi organizatsii* [Assessment of the reliability of a network organization functioning], PhD Thesis. St. Petersburg, 2009. 16 p. (in Russian).
15. Shumilova Yu.A. *Upravlenie nadezhnost'yu ekonomiki predpriyatiya na osnove diagnostiki ego sostoyaniya* [Management of the reliability of the enterprise economy based on the diagnosis of its condition], PhD Thesis. Tyumen, 2003. 24 p. (in Russian).
16. Bjorn A. *Business process improvement toolbox*. Milwaukee, Wisconsin, ASQ Quality Press, 2007. 312 p.
17. Gostyaev D.V. *Mekhanizm upravleniya ekonomicheskim sostoyaniem promyshlennykh predpriyatii* [The mechanism of managing the economic state of industrial enterprises], PhD Thesis. Moscow, 2010. 28 p. (in Russian).
18. Repin V.V., Eliferov V.G. *Protsessnyi podkhod k upravleniyu. Modelirovanie biznes-protsessov* [A process approach to management. Business process modeling]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber publ., 2013. 544 p. (in Russian).
19. Kanchaveli A.D. *Razrabotka teoreticheskikh osnov i metodologii strategicheskogo upravleniya organizatsionno-ekonomicheskoi nadezhnost'yu proizvodstvenno-kommercheskikh firm* [Development of theoretical foundations and methodology of strategic management of organizational and economic reliability of industrial and commercial firms], Doctoral Thesis. Moscow, 2004. 36 p. (in Russian).
20. Hammer M., Champy J. *Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution*. New York, Harper Business publ., 2007. 272 p.
21. Scheer A.-W. *Industrie 4.0 – Wie sehen Produktionsprozesse im Jahr 2020 aus?* Saarbrücken, IMC AG publ., 2013. 76 p. (in German).
22. Liubushin N.P., Brikach G.E. Harrington's desirability generalized function in multiple parameter economic tasks. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2014, Vol. 13, iss. 18, pp. 2-10. (in Russian).

Сведения об авторе

Терентьева Анастасия Романовна – аспирант кафедры «Менеджмент и сервис»
Адрес для корреспонденции: 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11
E-mail: pandorra88@mail.ru
РИНЦ AuthorID: 1066873

About the author

Anastasia R. Terenteva – Postgraduate Student of Economics and Labor Management Department
Postal address: 11, Mira pr., Omsk, 644050, Russia
E-mail: pandorra88@mail.ru
RSCI AuthorID: 1066873

Для цитирования

Терентьева А. Р. Исследование влияния организационных аспектов на обеспечение экономической надежности промышленных предприятий // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 80–92. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).80-92.

For citations

Terenteva A.R. Study of the impact of organizational aspects on ensuring the economic reliability of industrial enterprises. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 80-92. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).80-92. (in Russian).

УДК 330.341.1:001.38

JEL: O16, O31

DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(2).93-106

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТА ФОНДОВ ПОДДЕРЖКИ НАУЧНОЙ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.О. Климова

Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия)

Информация о статье

Дата поступления

22 апреля 2021 г.

Дата принятия в печать

11 мая 2021 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Аннотация. Повышение инновационной активности является важным фактором, определяющим конкурентоспособность страны. Однако по данному показателю Россия в 5–6 раз отстает от развитых стран. Одна из причин, обуславливающих низкий уровень инновационной активности, заключается в недостаточном объеме финансового обеспечения сектора исследований и разработок. Для решения данной проблемы предлагается формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Цель исследования состоит в анализе источников формирования бюджета таких фондов. Рассматриваются теоретико-методологические аспекты российской модели финансирования НИОКР. Проводятся расчеты по формированию бюджета фондов при условии отчисления выделенных групп компаний в сумме до 1,5 % от их выручки. В заключение формулируются выводы и обозначаются перспективы исследования. Научная новизна заключается в определении категорий организаций, чья выручка может быть использована в качестве источника формирования бюджетов фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также в проведении расчетов, характеризующих увеличение объема затрат на НИОКР в случае отчислений компаний в сумме до 1,5 % доходов налогоплательщиков от реализации товаров. Материалы исследования могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами научно-технологического развития. Результаты проведенного исследования вносят вклад в развитие и систематизацию теоретической базы поднимаемой проблемы. Практическая значимость работы состоит в том, что проведенные расчеты могут служить обоснованием для реализации предлагаемого механизма наполнения бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности региональными органами власти при принятии управленческих решений, целью которых является повышение инновационной активности.

Ключевые слова

Наука, инновации, НИОКР, фонд, финансирование

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0007 «Обеспечение конкурентоспособности регионов в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики».

SOURCES OF BUDGET FORMATION OF THE FOUNDATIONS SUPPORTING SCIENTIFIC, SCIENTIFIC-TECHNICAL AND INNOVATIVE ACTIVITIES

Yu.O. Klimova

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

Article info

Received

April 22, 2021

Accepted

May 11, 2021

Type paper

Analytical paper

Abstract. Increasing innovation activity is an important factor determining the country's competitiveness. However, according to this indicator, Russia is 5-6 times lagging behind developed countries. One of the reasons for the low level of innovation activity is the insufficient amount of financial support for the research and development sector. To solve this problem, it is proposed to form foundations to support scientific, scientific-technical and innovative activities. The purpose of the study is to analyze the sources of the formation of the budget of such foundations. The article discusses the theoretical and methodological aspects of the Russian model of R&D financing. The article makes calculations on the formation of the budget of foundations, provided that the allocated groups of companies are deducted in the amount of up to 1.5% of their revenue. The author draws conclusions and outlines the prospects of the study. The scientific novelty consists in determining the categories of organizations whose revenue can be used as a source of forming budgets of foundations supporting scientific, scientific-technical and

Keywords

Science, innovation, R&D, foundation, funding

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of state assignment No. 0168-2019-0007 "Ensuring the competitiveness of regions in the conditions of scientific and technological changes and digitalization of the economy".

1. Введение. Одним из необходимых условий перевода экономики России на инновационный путь развития является внедрение инноваций и использование современных технологий [1; 2]. Важным показателем, который характеризует способность предприятий и организаций реализовывать нововведения для поддержания их конкурентоспособности, является инновационная активность. За период с 2010 по 2018 г. инновационная активность российских предприятий выросла на 3,3 п.п. и в 2018 г. составила 12,8 %. Аналогичный показатель в Канаде равняется 79,3 %, в Швейцарии – 72,6 %, в Норвегии – 71,0 %, в Бельгии – 68,1 %, в Португалии – 66,9 %¹. Статистические данные свидетельствуют о том, что по уровню инновационной активности Россия в 5–6 раз отстает от стран-лидеров [3].

Рост инновационной активности во многом определяется наличием развитого сектора исследований и разработок, обеспечивающего создание новых продуктов, материалов и технологий, которые впоследствии могут быть реализованы в производственном процессе и найти воплощение в товарной продукции, конкурентоспособной на современных рынках [4]. Одним из факторов, способствующих развитию инновационной деятельности, выступает система финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР). За период с 2010 по 2018 г. доля затрат на исследования и разработки в ВВП в России сократилась на 0,17 п.п., составив 0,99 %, в то время как в Израиле, например, этот показатель составляет 4,94 %, в Республике Корея – 4,53 %, в Швейцарии – 3,37 %, в Швеции – 3,31 %². Сложившаяся ситуация свидетельствует об отставании России по данному параметру в 3–4 раза от мировых лидеров.

Проблема усугубляется существованием диспропорций в финансировании сектора исследований и разработок между регионами Рос-

innovative activities, as well as in making calculations that characterize an increase in the volume of R&D costs in the case of deductions of companies in the amount of up to 1.5% of taxpayers' income from the sale of goods. Researchers, postgraduates, and students dealing with the problems of scientific and technological development can use the research materials. The results of the conducted research contribute to the development and systematization of the theoretical basis of the problem is raised. The practical significance of the work is that the calculations can serve as a justification for the implementation of the proposed mechanism for filling the budget of foundations supporting scientific, scientific-technical and innovative activities by regional authorities when making managerial decisions aimed at increasing innovation activity.

сийской Федерации. Разница между регионами – лидерами и аутсайдерами по состоянию на 2019 г. составляет 140 раз. В 58 из 79 субъектов Российской Федерации доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП составляет менее 1 %. В 14 регионах этот показатель равняется 1 %, и лишь в 7 регионах расходуют на эти цели свыше 2 % ВРП³.

Необходимо отметить, что проблема наблюдается и в планировании объемов финансирования сектора исследований и разработок [5]. Так, отмечается, что до 2004 г. ориентиром для планирования величины расходов федерального бюджета на науку служила норма, предусмотренная Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» в редакции от 2000 г., согласно которой на финансирование НИОКР должно выделяться не менее 4 % расходной части федерального бюджета, однако указанная норма никогда не выполнялась и в 2004 г. была отменена [6]. В проекте федерального бюджета на 2021 г. было запланировано, что на научные исследования и разработки будет направлена 486,1 млрд руб., что на 6,3 % меньше, чем планировалось в конце 2019 г. при утверждении предыдущего бюджета⁴.

Проблема недостаточного финансового обеспечения НИОКР поднимается и в органах власти. Так, специалисты Счетной палаты РФ отмечают, что сфера науки и высоких технологий должна стать одним из драйверов социально-экономического роста России. Однако справиться с этой ролью она пока не может. Подчеркивается, что по затратам на науку страна на порядок отстает от стран-лидеров⁵. Решение задачи необходимости финансового обеспечения сектора исследований и разработок поставлено и на государственном уровне. Так, в паспорте Национального проекта «Наука» отмечено, что к 2024 г. расходы на НИОКР увеличатся до 1,02 % ВВП⁶. При этом для дости-

жения значений показателя мировых лидеров в данной сфере требуется рост объема затрат на исследования и разработки в России как минимум в 3 раза, поскольку развитые страны тратят на эти цели более 3 %.

Недостаточность ресурсного обеспечения инновационной деятельности порождает низкую отдачу науки и научных исследований, низкий экономический эффект от НИОКР при имеющемся богатом научно-техническом потенциале страны (за последние 15 лет наблюдается рост числа докторантов на 8 %, организаций, выполняющих исследования и разработки, – на 10 %, разработанных передовых технологий – на 75 %, выданных патентов – на 13 % и т. д.). Надлежащее финансовое обеспечение является материальной основой реализации инновационных идей, необходимым условием для их воплощения в инновационные товары [7]. Поэтому проблема финансирования сектора исследований и разработок является актуальной.

Ранее было выявлено, что одним из инструментов повышения затрат на НИОКР является создание региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности [4]. Их формирование позволит выявлять и поддерживать наиболее приоритетные проекты, учитывая территориальные особенности, а также дифференциацию затрат на исследования и разработки по разным научным специальностям [6]. Важным является вопрос об источниках наполнения бюджета данных фондов. С нашей точки зрения, участие компаний в формировании бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности позволит также учитывать направления и приоритеты НИОКР со стороны частного сектора, определяя конкурентоспособность продукции.

В связи с вышесказанным, цель исследования заключается в анализе источников формирования бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Цель определила необходимость решения следующих задач: 1) изучить теоретико-методологические аспекты финансового обеспечения НИОКР; 2) провести расчеты по формированию бюджетов фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности на основе участия различных категорий организаций; 3) сформулировать выводы и определить перспективы исследования.

Научная новизна заключается в определении категорий организаций, чья выручка может быть использована в качестве источника формирования бюджетов фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также в проведении расчетов, характеризующих увеличение объема затрат на НИОКР в случае отчислений компаний в сумме до 1,5 % доходов налогоплательщиков от реализации товаров.

2. Методы и информационная база исследования. Для реализации цели и задач использовался комплекс научных методов. Метод сравнительного анализа применялся для исследования научной литературы при изучении теоретико-методологических аспектов рассматриваемой проблемы. Для расчета возможного увеличения объемов затрат на НИОКР за счет отчислений от выручки использовался классический инструментарий статистики. Кроме этого, в работе использовались табличные приемы визуализации данных. На основе методов обобщения и синтеза по результатам исследования были сформулированы выводы.

В качестве информационной базы выступили следующие данные: 1) НИУ ВШЭ⁷ (для анализа динамики показателей инновационной активности, а также затрат на исследования и разработки); 2) сведения рейтинга *Forbes*⁸, аналитического центра «Эксперт»⁹ (с целью поиска компаний, часть выручки которых может рассматриваться в качестве источника формирования бюджета фонда); 3) данные системы электронного документооборота СБИС¹⁰, а также финансовой отчетности банков (для получения информации об объеме выручки организаций).

3. Теоретические аспекты исследования. В научной литературе выделяются различные условия, оказывающие влияние на повышение инновационной активности, среди которых значительный научно-образовательный потенциал, взаимодействие образовательных учреждений с предприятиями, наличие благоприятной законодательной среды, кадровый потенциал, доступность информации и т. д. Наиболее распространенным фактором, на который указывает большинство исследователей, является финансовое обеспечение исследований и разработок [8–10].

Проблема финансирования НИОКР поднимается и обсуждается в исследованиях как отечественных (Л.Э. Миндели, С.И. Черных,

А.Г. Аганбегян, О.А. Чернова, Е.Л. Михайлова и др.), так и зарубежных ученых (Ph. Lagrue, D. Guelles, F. Sgard, C. Paunov, M. Borowiecki). Например, Е.А. Павловой и Л.И. Муратовой отмечается, что финансирование НИОКР является важным фактором, определяющим экономический рост [11]. С точки зрения С.А. Грачева с соавторами важной стороной ресурсного обеспечения инновационного развития является его финансовое наполнение [12]. А.Г. Аганбегян подчеркивает значение финансирования в развитии сферы экономики знаний, которая включает науку, образование, информационные технологии, биотехнологии и здравоохранение [13]. В исследовании Л.Э. Миндели и С.И. Черных отмечено, что финансовое обеспечение играет большую роль в поддержании фундаментальных исследований и разработок [14]. Подобные позиции отражены *OECD* [15]. О.А. Черновой и Е.Л. Михайловой фиксируется, что для того, чтобы оставаться конкурентоспособными в современных экономических условиях, высокотехнологичным компаниям необходимо не только осваивать новые технологии, выявлять их на самых ранних стадиях разработки, но и обеспечивать опережающее увеличение внутренних затрат на исследования и разработки над ростом объемов производства инновационной продукции [16]. Как отмечено В.В. Лапочкиной с соавторами, в качестве инструмента реализации инновационной политики выступает создание фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности [17]. Роль формирования таких фондов с целью финансовой поддержки исследований отмечается также в исследовании С.И. Черных и И.С. Букиной [18].

Таким образом, финансовое обеспечение НИОКР является одним из важнейших факторов, способствующих повышению инновационного потенциала, выступающих движущей силой экономического роста и повышения конкурентоспособности страны. Как показал анализ научной литературы, большое количество работ посвящено проблеме финансирования исследований и разработок, в которых подчеркивается роль затрат на НИОКР в повышении инновационной активности, что определяет актуальность проводимого исследования.

Основным источником финансирования исследований и разработок в России являются средства государственного бюджета, о чем свидетельствуют данные статистики. В структуре

затрат на НИОКР по данным на 2018 г. эта доля составляет 67 %, предпринимательского сектора – 29,5 %. Обратная ситуация наблюдается в странах – лидерах по инновационной активности. Так, в Канаде на долю государственного финансирования исследований и разработок приходится 33,1 %, на долю бизнеса – 41,1 %, в Бельгии – 20,0 и 63,5 %, в Японии – 14,6 и 79,1 %, в Германии – 27,7 и 66,2 % соответственно¹¹.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что если в зарубежных странах в расходах на НИОКР значительную роль играют средства предпринимательского сектора, то в России, наоборот, большая доля приходится на государство. Данный вывод также подтверждается и мнениями различных исследователей и экспертов. Как отмечается специалистами Института статистических исследований и экономики знаний ВШЭ, в российской науке доминирует государство, а бизнес мало инвестирует в исследования по причине их незаинтересованности¹². Л.И. Цединым подчеркивается, что российская модель унаследовала черты планово-распределительной системы, когда безусловным приоритетом было развитие военно-промышленного комплекса. Для нее характерны преобладание государственного финансирования исследований и незначительное участие бизнеса в инвестировании в НИОКР. К тому же, как отмечает автор, в Германии, например, государственные средства, выделяемые на научные исследования и разработки, распределяются более равномерно и рационально по отраслям знаний, чем в России. Так, на общественные, гуманитарные и аграрные науки в Германии в общей сложности приходится около 18 % против 5,7 % их доли в общем бюджете НИОКР в России. Асимметрично высокая доля расходов на технические разработки в российском бюджете объясняется доминированием затрат на военные цели [19].

Наиболее распространенными формами финансового обеспечения сектора исследований и разработок в России являются предоставление грантов через систему фондов, средства которых формируются за счет государственного бюджета, а также государственное задание. При грантовом подходе у ученых больше возможности в выборе тем исследования, однако такую поддержку может получить не каждый, поскольку проводится конкурсный отбор заявок. Финансирование по государственному за-

данию, напротив, не может сосредоточиться только лишь на новых направлениях, потому что поддерживает функционирование всех организаций, а значит, все направления работы – и традиционные, и новые. Как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, причина неэффективности государственного задания как инструмента финансирования науки заключается в том, что эти средства финансируют не науку, а административные издержки учреждений¹³.

Таким образом, анализ особенностей российской модели финансирования показал, что она характеризуется высокой долей участия государства в инвестировании в НИОКР. В научной литературе сложились различные точки зрения по вопросу эффективности такой модели, которые можно сгруппировать в два основных подхода. Представители первого положительно оценивают государственное финансирование исследований и разработок, вторые – отрицательно. Первыми отмечается, что государственное финансирование позволяет осуществлять неподъемные даже для очень крупного бизнеса научные исследования, практическая значимость которых может проявиться только в очень отдаленной перспективе, развивать принципиально новые направления науки и технологий [20–22].

Противоположная позиция по вопросу эффективности государственного финансирования сектора исследований и разработок подкрепляется большим числом вопросов к результативности российских внутренних расходов на НИОКР, финансируемых из государственного бюджета, – тому количеству и качеству соответствующих работ, которое приходится на единицу затрат на них по сравнению с другими странами. Как отмечает К.Н. Лебедев, 9 из 10 НИОКР ничем не заканчиваются, т. е. 9 из 10 руб., затраченных на НИОКР, никаких результатов не приносят, а 1 руб. приносит результаты сомнительного качества и по завышенной цене [23]. Очевидно, во многом вследствие крайней неэффективности государственных расходов на исследования и разработки российское руководство и перестало увеличивать расходы на их финансирование.

В Рекомендациях участников IX Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» отмечено, что за последние 20 лет сфера НИОКР стала одной из наиболее коррупционных: «откаты» за оборонные исследования

достигали 80 %, а до непосредственных исполнителей доходило всего 2–3 % сумм, выделяемых на НИОКР¹⁴. Аналогичная точка зрения высказывается и в отраслевой прессе, где подчеркивается «токсичность» получения государственного финансирования – деньги зачастую выделяются «своим»¹⁵.

По мнению С. Губанова, государственная поддержка науки фактически ограничивается поддержкой заработной платы научных работников и специалистов, а не формированием первоклассной материально-технической базы фундаментальных и прикладных исследований и разработок [24]. Отмечается, что вся система государственной поддержки науки направлена на поддержание существующей структуры ведомств и организаций, а не на достижение целей и реализацию приоритетов государства в научной сфере¹⁶. С точки зрения директора Российского научного фонда, увеличение государственного финансирования не влечет за собой роста вложений в науку, а лишь замещает выпадающие частные средства¹⁷.

Таким образом, одним из факторов, влияющих на низкую инновационную активность в России, может являться недостаточно эффективное распределение государственных средств, выделяемых на исследования и разработки. С целью анализа альтернативных источников финансирования НИОКР видится целесообразным рассмотреть опыт стран – лидеров в области затрат на исследования и разработки.

Например, в США НИОКР финансируются как за счет частных инвестиций, так и государственных средств. Вклад денежных ресурсов в науку основывается на системе государственно-частного партнерства. Его суть заключается в том, что результаты научных работников нацелены на потребности корпоративного сектора экономики, поскольку при такой системе частные компании на равных участвуют в реализации научных разработок, а также получают право голоса при выборе проектов, при управлении процессом исследования и использовании полученных результатов. Кроме этого, в США развита и система венчурного инвестирования, источником которого выступает частный капитал. Система венчурного инвестирования развита также и в Израиле. В случае успеха проекта грант возвращается государству через выплату роялти, в случае неуспеха проекты не несут никаких обязательств перед государством. Интересным представля-

ется подход к финансированию НИОКР в скандинавских странах (Финляндия, Швеция). Механизм поддержки научных исследований и разработок организован следующим образом: если определенная отрасль развивается успешно без государственной поддержки, то это сигнал правительству о том, что данную продукцию выгодно производить. Следовательно, частный бизнес, занятый этим видом деятельности, получает финансовые средства из государственного бюджета на выполнение дальнейших исследований и разработок, чтобы в краткие сроки перспективная отрасль получила толчок в развитии и принесла максимальную выгоду. Итак, именно частный сектор является основным игроком в финансировании и проведении НИОКР, получая со стороны государства поддержку в виде субсидий и налоговых льгот [25].

Рассмотренный зарубежный опыт финансирования исследований и разработок показал, что помимо государственного участия в ресурсном обеспечении НИОКР значительную роль играют также инвестиции частного сектора. Успешную зарубежную практику инвестирования в НИОКР можно было бы использовать и в российских условиях. В качестве инструмента финансирования сектора исследований и разработок могут выступать уже действующие в России фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Подобные фонды практически во всех развитых странах представляют собой основной инструмент реализации государственной научно-технической политики [17; 18]. Как отмечает И.Г. Дежиной, фонды обладают такими преимуществами, как возможность выявить и поддержать наиболее значимые и приоритетные работы, независимость проектов от ведомственной принадлежности, междисциплинарная, межведомственная и межрегиональная кооперация, продвижение в обществе полученных результатов, финансирование конкретных проектов, а не организаций, и т. д. [26].

Как было отмечено, в России уже функционируют региональные фонды (в Томской и Челябинской областях, Республике Башкортостан, Красноярском крае и др.), но их бюджет формируется за счет государства [4]. Учитывая успешный зарубежный опыт финансирования НИОКР, в качестве источников наполнения фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности может вы-

ступать выручка компаний. Участие бизнеса в финансовом формировании фондов позволит сократить долю государства в качестве активного участника процесса осуществления НИОКР и переориентироваться на частный бизнес. Кроме этого, взаимодействие с фондами может способствовать учету направлений и приоритетов НИОКР, исходящих со стороны частного сектора, что будет максимально соответствовать задаче повышения конкурентоспособности продукции как на внутреннем, так и на внешних рынках. С одной стороны, осуществление НИОКР по инициативе предпринимательского сектора позволит соединить теоретическую составляющую с практикой и внедрить результаты исследований и разработок в производство наиболее эффективным образом. С другой стороны, сокращение доли государственного сектора в финансировании НИОКР не означает абсолютного снижения государственных ассигнований в эту сферу. Государство должно играть роль партнера предпринимательского сектора в целях содействия коммерциализации наиболее эффективных нововведений [25].

На предыдущем этапе исследования было отмечено, что необходимые нормативно-правовые условия для формирования таких фондов созданы. Налоговым кодексом РФ (ст. 262, п. 2) и Федеральным законом от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике» предусмотрены отчисления на формирование таких фондов в сумме до 1,5 % выручки компании от реализации товаров (работ, услуг), а также имущественных прав.

4. Результаты исследования. Для того чтобы обосновать целесообразность таких отчислений, нами были просчитаны варианты увеличения финансирования сектора исследований и разработок, если бы источником формирования фондов стали отчисления от выручки: 1) 400 крупнейших российских компаний рейтинга аналитического центра «Эксперт»; 2) крупнейших ресурсодобывающих предприятий; 3) компаний, принадлежащим первым пятнадцати участникам рейтинга богатейших бизнесменов России, составленного *Forbes*; 4) государственных банков. Выбор этих категорий организаций обусловлен тем, что данные компании, предприятия и банковский сектор обладают определенным потенциалом, чьи финансовые возможности и ресурсы можно использовать при формировании фондов поддержки научной, научно-технической и инно-

вационной деятельности. Их преимущество заключается в том, что отчисления от выручки таких организаций в фонды в сумме до 1,5 % не окажут серьезного негативного влияния на доходы и рентабельность бизнеса, поэтому могут рассматриваться в качестве одного из источников финансирования сектора исследования и разработок.

Ежегодно аналитический центр «Эксперт» публикует рейтинг 400 крупнейших российских компаний практических из всех основных сфер экономики. Определяющим критерием его составления является показатель объема реализации продукции (работ, товаров, услуг) за календарный год. На основании данных рейтинга «Эксперт-400» нами были проведены расчеты, которые показали, как изменятся затраты на НИОКР при условии отчислений российскими компаниями, входящими в этот рейтинг, в фонды в размере 0,5, 1,0 и 1,5 % от их объема реализации продукции.

Расчеты, проведенные на основе данных 2019 г., показали, что формирование региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности за счет отчислений от выручки компаний, входящих в топ-400, позволит увеличить внутренние объемы затрат на исследования и разработки в расчете на душу населения по России до 2,3 раза. Анализируя полученные данные по федеральным округам, следует отметить, что наибольший рост наблюдается в Центральном федеральном округе (в 6,7 раза). Кроме этого, необходимо подчеркнуть, что увеличение объема внутренних затрат на исследования и разработки даст возможность сократить уровень дифференциации регионов по данному показателю. Расчеты показали, что разрыв между регионами с максимальным и минимальным душевыми размерами затрат может быть сокращен со 160,1 до 78,7 раза (табл. 1).

Таблица 1. Расчеты формирования бюджета фондов на основе участия компаний, входящих в перечень «Эксперт-400» (по данным на 2019 г.)

Table 1. Calculations for the formation of the budget of foundations based on the participation of companies included in the list of "Expert-400" (on the data of 2019)

Регион	Затраты на исследования и разработки, руб./чел.		
	существующие + 0,5 % выручки	существующие + 1,0 % выручки	существующие + 1,5 % выручки
Россия	11 022,6	14 312,4	17 602,2
Центральный федеральный округ	14 564,1	24 112,3	33 660,6
Белгородская область	2 239,9	2 780,9	3 321,8
Владимирская область	4 399,7	4 751,9	5 104,0
Воронежская область	4 493,2	4 831,3	5 169,4
Калужская область	9 911,1	12 453,6	14 996,1
Костромская область	1 263,2	2 327,6	3 392,1
Липецкая область	3 810,5	6 811,4	9 812,3
Московская область	17 843,7	19 845,8	21 847,9
Тверская область	4 118,7	4 352,6	4 586,5
Тульская область	6 109,5	6 570,4	7 031,2
Ярославская область	6 047,5	6 383,7	6 719,9
г. Москва	59 114,5	86 799,7	114 484,8
Северо-Западный федеральный округ	6 178,3	7 721,5	9 264,7
Республика Коми	2 749,4	3 119,1	3 488,7
Калининградская область	3 843,7	6 145,5	8 447,4
Ленинградская область	5 127,5	5 663,1	6 198,7
Мурманская область	4 146,0	4 554,3	4 962,5
Новгородская область	4 028,9	4 990,7	5 952,5
Псковская область	786,6	1 246,6	1 706,7
г. Санкт-Петербург	29 941,5	33 048,7	36 156,0
Южный федеральный округ	2 233,0	3 056,8	3 880,5
Краснодарский край	2 824,0	4 630,9	6 437,9
Волгоградская область	2 006,1	2 515,6	3 025,2
Ростовская область	4 287,6	4 773,2	5 258,8

Окончание табл. 1
The end of Table 1

Регион	Затраты на исследования и разработки, руб./чел.		
	существующие + 0,5 % выручки	существующие + 1,0 % выручки	существующие + 1,5 % выручки
Приволжский федеральный округ	5 729,0	6 386,1	7 043,3
Республика Башкортостан	2 629,1	2 707,5	2 785,8
Республика Татарстан	7 061,0	9 510,8	11 960,6
Удмуртская Республика	2 347,0	3 189,5	4 032,0
Пермский край	7 586,7	8 207,0	8 827,2
Нижегородская область	28 785,9	29 925,6	31 065,2
Самарская область	7 020,0	7 913,9	8 807,8
Уральский федеральный округ	5 860,8	8 259,0	10 657,3
Свердловская область	8 304,4	10 109,6	11 914,9
Тюменская область	5 244,6	5 466,3	5 688,0
Ханты-Мансийский АО	7 598,6	13 160,7	18 722,9
Ямало-Ненецкий АО	11 533,3	22 441,6	33 349,8
Челябинская область	7 833,6	9 500,7	11 167,9
Сибирский федеральный округ	5 279,7	6 268,3	7 256,8
Алтайский край	1 068,5	1 261,2	1 453,9
Красноярский край	12 001,2	14 545,5	17 089,8
Иркутская область	3 335,8	4 125,8	4 915,8
Кемеровская область	1 460,5	2 297,7	3 134,9
Новосибирская область	10 323,3	11 428,0	12 532,8
Томская область	17 375,4	19 207,5	21 039,7
Дальневосточный федеральный округ	3 198,7	3 846,4	4 494,1
Республика Саха (Якутия)	4 285,8	5 511,1	6 736,3
Приморский край	4 658,1	5 475,6	6 293,1
Хабаровский край	1 805,3	1 952,1	2 098,8
Амурская область	1 153,9	1 450,5	1 747,1
Сахалинская область	6 162,8	10 127,9	14 093,0

Примечание. Данные по России рассчитаны исходя из суммирования данных по регионам, указанным в таблице.

Однако следует отметить, что при условии участия в формировании фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности только компаний, входящих в топ-400, производить отчисления на исследования и разработки будут только 44 региона. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что предлагаемые мероприятия по отчислениям от выручки не затрагивают половину субъектов Российской Федерации (например, в Центральном федеральном округе из 18 регионов участие примут только 7 субъектов, а в Северо-Кавказском федеральном округе – не примет ни один), что может только усилить региональную дифференциацию по уровню инновационного развития. Кроме того, на г. Москву и Санкт-Петербург приходится почти треть всех затрат (29 %) от всех рассмотренных регионов. В связи с этим одним из вариантов решения данной проблемы видится пе-

рераспределение части средств от одних регионов к другим.

Кроме этого, на основе сведений «Эксперт-400» нами были просчитаны варианты увеличения финансирования НИОКР при условии отчислений от выручки в фонды крупнейших ресурсодобывающих компаний, т. е. таких отраслей, как нефтяная, нефтегазовая, угольная, лесная промышленность, черная и цветная металлургия и др.

Данные 2019 г., на основе которых были проведены расчеты, свидетельствуют о том, что формирование фондов за счет отчислений от выручки ресурсодобывающих компаний позволит увеличить объем затрат на исследования и разработки по России до 1,5 раза. Значительное увеличение затрат на НИОКР также наблюдается в Центральном федеральном округе (в 3,3 раза). Увеличение объема внутренних затрат на исследования и разработки позволит

сократить уровень дифференциации регионов по данному показателю. Согласно имеющимся данным на 2019 г., разрыв между регионами с

максимальным и минимальным душевыми размерами затрат может быть сокращен с 160,1 до 41,1 раза (табл. 2).

Таблица 2. Расчеты формирования бюджета фондов на основе участия ресурсодобывающих компаний, входящих в перечень «Эксперт-400» (по данным на 2019 г.)

Table 2. Calculations for the formation of the budget of foundations based on the participation of resource-extracting companies included in the list of "Expert-400" (on the data of 2019)

Регион	Затраты на исследования и разработки, руб./чел.		
	существующие + 0,5 % выручки	существующие + 1,0 % выручки	существующие + 1,5 % выручки
Россия	9 133,1	10 533,4	11 933,6
Центральный федеральный округ	8 928,3	12 840,7	16 753,2
Воронежская область	4 230,7	4 306,3	4 381,9
Липецкая область	3 810,5	6 811,4	9 812,3
Московская область	15 870,8	15 900,0	15 929,1
Ярославская область	5 881,7	6 052,1	6 222,4
г. Москва	43 280,8	55 132,2	66 983,5
Северо-Западный федеральный округ	4 842,9	5 050,8	5 258,7
Республика Коми	2 749,4	3 119,1	3 488,7
Ленинградская область	4 848,1	5 104,2	5 360,3
Новгородская область	4 028,9	4 990,7	5 952,5
г. Санкт-Петербург	27 121,2	27 408,1	27 695,1
Южный федеральный округ	1 522,9	1 636,6	1 750,3
Краснодарский край	1 221,1	1 425,2	1 629,2
Ростовская область	3 971,9	4 141,9	4 311,8
Приволжский федеральный округ	5 447,2	5 822,6	6 198,0
Республика Башкортостан	2 629,1	2 707,5	2 785,8
Республика Татарстан	6 393,0	8 174,8	9 956,7
Удмуртская Республика	2 181,4	2 858,4	3 535,4
Пермский край	7 418,2	7 870,0	8 321,7
Нижегородская область	27 877,2	28 108,1	28 339,0
Самарская область	6 375,7	6 625,3	6 874,9
Уральский федеральный округ	5 328,2	7 193,9	9 059,5
Свердловская область	7 455,3	8 411,5	9 367,7
Ханты-Мансийский АО	7 598,6	13 160,7	18 722,9
Ямало-Ненецкий АО	11 533,3	22 441,6	33 349,8
Челябинская область	7 230,6	8 294,7	9 358,8
Сибирский федеральный округ	4 820,1	5 349,1	5 878,2
Красноярский край	10 988,2	12 519,6	14 050,9
Иркутская область	3 090,6	3 635,4	4 180,2
Кемеровская область	1 283,6	1 943,9	2 604,1
Новосибирская область	9 442,7	9 666,9	9 891,1
Томская область	16 452,5	17 361,7	18 270,9
Дальневосточный федеральный округ	2 956,7	3 362,3	3 767,9
Республика Саха (Якутия)	4 285,8	5 511,1	6 736,3
Сахалинская область	6 162,8	10 127,9	14 093,0

Примечание. Данные по России рассчитаны исходя из суммирования данных по регионам, указанным в таблице.

Следует также подчеркнуть, что при условии участия в формировании фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности только ресурсодобывающих компаний, производить отчисления будут толь-

ко 30 регионов, что еще меньше, чем если бы участвовали компании «топ-400». Кроме этого, необходимо также отметить, что на г. Москву и Санкт-Петербург приходится 27 % всех затрат на исследования и разработки от анали-

зируемых регионов. В данном случае, на наш взгляд, также возможен вариант перераспределения финансовых средств между субъектами Российской Федерации для сокращения региональной дифференциации.

Ежегодно *Forbes* проводит анализ состояний российских предпринимателей. Данная оценка осуществляется на основе стоимости принадлежащих предпринимателю активов (акций компаний, земельных участков, объектов недвижимости и т. д.). Результатом этой оценки является рейтинг 200 богатейших бизнесменов, сформированный на основе совокупного владения собственностью. Как было отмечено выше, в фокусе нашего внимания были первые 15 предпринимателей, входящих в рейтинг *Forbes*. Анализ состоял в определении того, насколько изменится объем затрат на исследования и разработки в зависимости от разницы процента отчислений в фонды от выручки компаний, принадлежащих этим олигархам. В связи с отсутствием некоторых сведений о выручке ряда организаций, перечень рассматриваемых бизнесменов и их компаний был расширен. В настоящем исследовании были проанализированы данные о выручке компаний («Новатэк», «Лукойл», «Северсталь», «Норильский никель») таких олигархов, как Л.В. Михельсон, В.Ю. Алекперов, В.О. Потанин, А.И. Мельниченко, М.Д. Прохоров и др.

На основании данных *Forbes* и электронной системы СБИС были проведены расчеты, которые позволили оценить, насколько изменятся затраты на НИОКР при условии отчислений российских компаний бизнесменов, входящих в рейтинг *Forbes*, в фонды в размере 0,5, 1,0 и 1,5 % от их выручки. По сведениям на 2019 г., за счет отчислений есть возможность увеличить объем затрат на исследования и разработки на 3,4 % по сравнению с фактически данными: 7 821,2 руб./чел. при отчислениях в размере 0,5 % выручки, 7 909,7 руб./чел. – при 1,0 % и 7 998,1 руб./чел. – при 1,5 %.

Наряду с организациями, входящими в топ-400 по данным аналитического центра «Эксперт», ресурсодобывающими предприятиями, а также компаниями богатейших бизнесменов, был рассмотрен финансовый сектор России. Как было отмечено выше, за основу были взяты крупные российские государственные банки, такие как Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Россельхозбанк и др. На материалах их ежегодной финансовой отчетности были про-

ведены расчеты, которые показали, что, по данным на 2019 г., формирование региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности за счет отчислений от выручки государственных банков способствует увеличению объемов затрат на исследования и разработки на душу населения по России на 5,3 %: 7 870,6 руб./чел. при отчислении 0,5 % выручки, 8 008,3 руб./чел. – при 1,0 % и 8 146,1 руб./чел. – при 1,5 %.

5. Заключение. Таким образом, следует еще раз отметить, что низкая инновационная активность является одной из проблем экономики России, решение которой возможно путем увеличения объемов финансирования НИОКР. Как показало исследование, на сегодняшний день российская модель государственного ресурсного обеспечения сектора исследований и разработок функционирует недостаточно эффективно. Анализ зарубежного опыта показал, что высокие объемы затрат на НИОКР у стран-лидеров связаны с активным участием в финансировании компаний. Формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности является одним из инструментов активизации финансирования сектора исследований и разработок. Учитывая зарубежный опыт, источником формирования бюджетов таких фондов должны стать компании, а не государство.

В данном исследовании были рассмотрены несколько вариантов того, какие организации могли бы делать отчисления в фонды, к ним относятся компании, входящие в топ-400, ресурсодобывающие предприятия, компании богатейших бизнесменов, а также государственные банки. Данные организации имеют возможность выделять финансовые средства в размере до 1,5 % от их выручки, без ущерба для дальнейшего функционирования и развития компаний. На основании этого были просчитаны варианты роста объема затрат на исследования и разработки при условии отчислений в сумме 0,5, 1,0 и 1,5 % от выручки рассмотренных групп организаций. Проведенные расчеты показали, что такие отчисления действительно способствуют увеличению объемов финансирования НИОКР. Наибольший рост наблюдается при условии участия в данной модели государственных банков (до 5,3 %). Кроме этого, отчисления компаний в фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности способствуют сни-

жению региональной дифференциации по показателю затраты на НИОКР путем перераспределения части ресурсов, сконцентрированных в крупных регионах, другим субъектам Российской Федерации.

Материалы исследования могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами научно-технологического развития. Результаты проведенного исследования вносят вклад в развитие и систематизацию теоретической базы поднимаемой проблемы. Практическая значимость работы состоит в том, что проведенные расчеты могут служить обоснованием для реализации предлагаемого механизма наполнения бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности региональными органами власти при принятии управленческих решений, целью которых является повышение инновационной активности.

Примечания

¹ Индикаторы науки: 2020: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/384499762.pdf>.

² Там же.

³ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

⁴ Ткачев И., Губернаторов Е. Государство сократит расходы на исследования и разработки // РБК. 2020. 6 окт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/10/2020/5f7b372b9a7947fe8e8d644f>.

⁵ Уровень финансирования российской науки недостаточен для обеспечения технологического прорыва // Счетная палата Российской Федерации: офиц. сайт. 2020. 7 февр. URL: <https://ach.gov.ru/checks/9658>.

⁶ Паспорт Национального проекта «Наука»: утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратег. развитию и нац. проектам (протокол от 24 дек. 2018 г. № 16). URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf>.

⁷ Индикаторы науки: 2020.

⁸ 200 богатейших бизнесменов // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/rating/397799-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2020-reyting-forbes>.

⁹ Рейтинг крупнейших компаний России // Эксперт. URL: <https://expert.ru/expert/2020/43/spetsdoklad/1/>.

¹⁰ СБИС. URL: <https://online.sbis.ru/>.

¹¹ Индикаторы науки: 2020.

¹² Кузнецова Е., Старостина Ю. Счетная палата назвала проблемы российской науки // РБК. 2020. 7 февр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3c1bf19a7947cse149aa99>.

¹³ Ерохина Е. Тех, кто не тянет, государству не надо финансировать. Как может измениться система финансирования науки в России // Индикатор. 2018. 12 дек. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/press_about/o_2081084.

¹⁴ Итоговый документ «Рекомендации участников IX Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» от 07.04.2017 г. URL: https://rniis.ru/download/mf/2017/itog_doc.pdf.

¹⁵ Константинов А. Как растет мировая наука // Эксперт. 2021. № 7. С. 49–51.

¹⁶ Кузнецов Ю. Финансирование гражданской науки в России из федерального бюджета // Отечественные записки. 2002. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/finansirovanie-grazhdanskoj-nauki-v-rossii-iz-federalnogo-byudzheta.html>.

¹⁷ Финансирование фундаментальной науки в России выросло на 20 % за 10 лет // Finanz.ru. 2021. 8 февр. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/finansirovanie-fundamentalnoy-nauki-v-rossii-vyroslo-na-20percent-za-10-let-1030054976>.

Литература

1. Kim T.-Y., Heshmati A. Economic Growth: The New Perspectives for Theory and Policy. – Berlin : Springer, 2014. – 323 p.
2. Fostering Innovative Entrepreneurship. Challenges and Policy Options / United Nations Economic Commission for Europe. – New York ; Geneva : United Nations, 2012. – 68 p. – URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/ceci/publications/fie.pdf>.
3. Проблемы экономического роста территории / под рук. Т. В. Усковой. – Вологда, 2013. – 170 с.
4. Мазилев Е. А., Ушакова Ю. О. К вопросу формирования организационно-правовых условий стимулирования НИОКР в регионах // Проблемы развития территории. – 2019. – № 1 (99). – С. 40–55.
5. Takalo T., Tanayama T. Adverse Selection and Financing of Innovation: Is There a Need for R&D Subsidies? // The Journal of Technology Transfer. – 2010. – Vol. 35, no. 1. – P. 16–41.
6. Тодосийчук А. В. Методические подходы к расчету нормативов финансовых затрат на выполнение научных исследований и разработок в государственном секторе науки // Инвестиции в России. – 2013. – № 2. – С. 33–39.

7. *Шадиева Д.* Анализ мировых тенденций финансирования инновационной деятельности // *Мировое и национальное хозяйство*. – 2016. – № 2. – С. 1–8.
8. *Давидсон Н., Мариев О., Пушкарев А.* Региональные факторы инновационной активности российских предприятий // *Форсайт*. – 2018. – № 3. – С. 62–72. – DOI: 10.17323/2500-2597.2018.3.62.72.
9. *Собченко Н. В., Кулешова Л. В.* Факторы, влияющие на инновационную деятельность хозяйствующих субъектов // *Научный журнал КубГАУ*. – 2011. – № 71. – С. 264–273. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/23.pdf>.
10. *Чайран Ю. А., Белякова Г. Я.* Факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности // *Креативная экономика*. – 2014. – № 11. – С. 162–170.
11. *Павлова Е. А., Муратова Л. И.* Современные методические подходы к оценке затрат на проведение НИОКР // *Фундаментальные исследования*. – 2018. – № 7. – С. 142–146.
12. *Грачев С. А., Фраймович Д. Ю., Доничев О. А.* Направления ресурсного обеспечения инновационной деятельности социально-экономических систем // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2016. – № 8 (455). – С. 108–119.
13. *Аганбегян А. Г.* Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // *Деньги и кредит*. – 2015. – № 2. – С. 7–13.
14. *Миндели Л. Э., Черных С. И.* Зарубежный опыт финансирования науки и возможности его применения в России. – М.: ИПРАН РАН, 2017. – 71 с.
15. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2018. Adapting to Technological and Societal Disruption / OECD. – Paris : OECD, 2018. – 316 p. – DOI: 10.1787/sti_in_outlook-2018-en.
16. *Чернова О. А., Михайлова Е. Л.* Затраты на НИОКР как фактор развития потенциала капитализации высокотехнологичных компаний // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2019. – № 1. – С. 226–228. – DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0050.
17. *Лапочкина В. В., Каменский А. С., Корнилов А. М.* Региональные государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: успех, проблемы, зарубежный опыт // *Наука. Инновации. Образование*. – 2018. – № 2. – С. 26–53.
18. *Черных С. И., Букина И. С.* государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: состояние, проблемы, перспективы // *Инновации*. – 2013. – № 10. – С. 25–31.
19. *Цедилин Л. И.* Финансирование науки в России и Германии: сопоставление подходов и результатов их применения // *Вопросы экономики*. – 2021. – № 2. – С. 147–160. – DOI: 10.32609/0042-8736-2021-2-147-160.
20. *Макашева Н. П.* Государственная поддержка и финансирование инновационной деятельности в России и странах мира // *Вестник Томского государственного университета*. – 2013. – № 3. – С. 161–172.
21. *Мурзагалина Г. М., Каримова С. Р.* Роль государства в поддержке инновационной деятельности // *Инновационное развитие : материалы I Молодеж. экон. форума, 13–14 нояб. 2008 г., Петрозаводск*. – Петрозаводск : Кар. науч. центр РАН, 2009. – С. 129–132. – URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2009/Innov_razv_129-132.pdf.
22. *Сажин А. А.* Участие государства в инновационной деятельности в условиях современной рыночной экономики // *Экономика и политика*. – 2013. – № 10. – С. 34–39.
23. *Лебедев К. Н.* Об эффективности финансовых и нефинансовых мер решений проблем НИОКР в России // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2019. – № 1 (35). – С. 185–196.
24. *Губанов С.* Российская наука и ее проблема проблем // *Экономист*. – 2021. – № 2. – С. 27–40.
25. *Огурцова В. А.* Основные тенденции финансирования НИОКР в современной экономике // *Вестник Белорусского государственного экономического университета*. – 2014. – № 5. – С. 33–40.
26. *Дежина И. Г.* Механизмы государственного финансирования науки в России. – М., 2006. – 130 с.

References

1. Kim T.-Y., Heshmati A. *Economic Growth: The New Perspectives for Theory and Policy*. Berlin, Springer publ., 2014. 323 p.
2. United Nations Economic Commission for Europe. *Fostering Innovative Entrepreneurship. Challenges and Policy Options*. New York, Geneva, United Nations publ., 2012. 68 p. Available at: <https://unece.org/fileadmin/DAM/ceci/publications/fie.pdf>.
3. Uskova T.V. (ed.) *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii [Problems of economic growth of the territory]*. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences publ., 2013. 170 p. (in Russian).
4. Mazilov E.A., Ushakova Yu.O. To the issue of forming organizational and legal conditions to promote research and development in regions. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 1 (99), pp. 40-55. (in Russian).
5. Takalo T., Tanayama T. Adverse Selection and Financing of Innovation: Is There a Need for R&D Subsidies? *The Journal of Technology Transfer*, 2010, Vol. 35, no. 1, pp. 16-41.
6. Todosiychuk A.V. Methodical approaches to the calculation of the standards of financial expenses for carrying out scientific researches and developments in the state sector of science. *Investitsii v Rossii*, 2013, no. 2, pp. 33-39. (in Russian).
7. Shadiyeva D. Analysis of the world trends in innovative activity financing. *Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo*, 2016, no. 2, pp. 1-8. (in Russian).
8. Davidson N., Mariev O., Pushkarev A. The Impact of Externalities on the Innovation Activity of Russian Firms. *Foresight and STI Governance*, 2018, Vol. 12, no. 3, pp. 62-72. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.3.62.72. (in Russian).
9. Sobchenko N.V., Kuleshova L.V. The factors influencing innovative activity of managing subjects. *Scientific Journal of KubSAU*, 2011, no. 71, pp. 264-273, available at: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/23.pdf>. (in Russian).
10. Chairan Yu.A., Beliakova G.Ya. Factors affecting the development of innovative activity. *Journal of creative economy*, 2014, no. 11, pp. 162-170. (in Russian).
11. Pavlova E.A., Muratova L.I. Modern methodological approaches to the assessment of costs for R&D. *Fundamental research*, 2018, no. 7, pp. 142-146. (in Russian).
12. Grachev S.A., Fraimovich D.Yu., Donichev O.A. Areas of resource provision for innovative activity of socio-economic systems. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2016, Vol. 15, iss. 8, pp. 108-119. (in Russian).
13. Aganbegyan A. Six steps necessary to recover social and economic growth and to overcome stagnation, recession and stagflation. *Russian Journal of Money and Finance*, 2015, no. 2, pp. 7-13. (in Russian).
14. Mindeli L.E., Chernykh S.I. *Zarubezhnyi opyt finansirovaniya nauki i vozmozhnosti ego primeniya v Rossii [Foreign experience of financing science and the possibility of its application in Russia]*. Moscow, Institute of Problems of Science Development of the Russian Academy of Sciences publ., 2017. 71 p. (in Russian).
15. OECD. *OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2018. Adapting to Technological and Societal Disruption*. Paris, OECD publ., 2018. 316 p. DOI: 10.1787/sti_in_outlook-2018-en.
16. Chernova O.A., Mikhaylova E.L. The cost of research as a factor of development potential of capitalizing high-tech companies. *Azimuth Scientific Research: Economics and Management*, 2019, no. 1, pp. 226-228. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0050. (in Russian).
17. Lapochkina V.V., Kamensky A.S., Kornilov A.M. Regional state funds for support of science, technology and innovation: success, problems, foreign experience. *Science. Innovation. Education*, 2018, no. 2, pp. 26-53. (in Russian).
18. Chernykh S.I., Bukina I.S. State funds for support of scientific, scientific-technical and innovative activity: the state, problems, perspectives. *Innovations*, 2013, no. 10, pp. 25-31. (in Russian).
19. Tsedilin L.I. Funding of science: A comparison of approaches and outcomes in Russia and Germany. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 2, pp. 147-160. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-2-147-160. (in Russian).

20. Makasheva N.P. The state support and financing of innovative activity in Russia and the world countries. *Tomsk State University Journal of Economics*, 2013, no. 3, pp. 161-172. (in Russian).

21. Murzagalina G.M., Karimova S.R. Rol' gosudarstva v podderzhke innovatsionnoi deyatelnosti [The role of the state in support of innovative activities], in: *Innovatsionnoe razvitie [Innovative development]*, Materials of the 1st Youth Economic Forum, November 13-14, 2008, Petrozavodsk, Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2009, pp. 129-132, available at: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2009/Innov_razv_129-132.pdf. (in Russian).

22. Sazhin A.A. Uchastie gosudarstva v innovatsionnoi deyatelnosti v usloviyakh sovremennoi rynochnoi ekonomiki [Participation of the state in innovative activity in a modern market economy]. *Ekonomika i politika*, 2013, no. 10, pp. 34-39. (in Russian).

23. Lebedev K.N. About the effectiveness of financial and non-financial measures for solving problems of R&D in Russia. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2019, no. 1 (35), pp. 185-196. (in Russian).

24. Gubanov S. Rossiiskaya nauka i ee problema problem [Russian science and its problem of problems]. *Ekonomist*, 2021, no. 2, pp. 27-40. (in Russian).

25. Ogurtsova V.A. Major Trends in Financing R&D in Modern Economy. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2014, no. 5, pp. 33-40. (in Russian).

26. Dezhina I.G. *Mekhanizmy gosudarstvennogo finansirovaniya nauki v Rossii [Mechanisms of state financing of science in Russia]*. Moscow, 2006. 130 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Климова Юлия Олеговна – младший научный сотрудник
Адрес для корреспонденции: 160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а
E-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3295-9510
ResearcherID: Q-6340-2017
РИНЦ AuthorID: 993257

About the author

Yulia O. Klimova – junior researcher
Postal address: 56a, Gor'kogo ul., Vologda, 160014, Russia
E-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3295-9510
ResearcherID: Q-6340-2017
RSCI AuthorID: 993257

Для цитирования

Климова Ю. О. Источники формирования бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 93–106. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).93-106.

For citations

Klimova Yu.O. Sources of budget formation of the foundations supporting scientific, scientific-technical and innovative activities. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 93-106. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).93-106. (in Russian).

УДК 159.923+159.922.6+316.66+316.455
JEL: I3, Y80
DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(2).107-116

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОХОДА

А.Ю. Маленова, Е.Е. Федотова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
16 февраля 2021 г.

Дата принятия в печать
15 марта 2021 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Субъективное благополучие,
студенческий возраст, молодежь,
доход, счастье, удовлетворен-
ность жизнью, сфера жизни

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, проект № МУ-5/2020.

Аннотация. Представлены результаты исследования уровня счастья и удовлетворенности жизнью студентов как компонентов субъективного благополучия. Исследование носило сравнительный характер, направленный на установление особенностей оценки своего благополучия студентами с разным уровнем дохода. Выборку исследования составили 310 студентов г. Омска в возрасте от 17 до 24 лет, из них 38 молодых людей воздержались от разглашения информации о финансовом состоянии. На выборке из 272 чел. было показано, что молодые люди студенческого возраста с разным достатком имеют больше сходств, чем значимых различий. Согласно результатам, студенты имеют средний уровень счастья и удовлетворенности жизнью. В среднем молодые люди наиболее довольны своими социальными отношениями с семьей, друзьями и другими людьми, менее всего – достижениями и финансовым положением. При этом студенты, чей доход наиболее высок, более остальных довольны всеми областями жизни за исключением отношений с семьей, удовлетворенность которыми выше у студентов с низким и средним уровнем дохода. Значимые отличия между студентами касаются только их удовлетворенности своим материальным положением, которая тем выше, чем выше доход, не распространяясь на оценку других сфер жизни. Вывод исследования состоит в том, что уровень дохода в студенческом возрасте не является ключевым фактором общего уровня субъективного благополучия студентов. Полученные результаты, не отрицая важность улучшения материального положения студенческой молодежи, в первую очередь указывают на необходимость укрепления ее социальных ресурсов, способствующих достижению субъективного благополучия через удовлетворенность отношениями с окружающими людьми.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF INCOME

A.Yu. Malenova, E.E. Fedotova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
September 7, 2021

Accepted
October 8, 2021

Type paper

Research paper

Keywords

Subjective well-being, student
age, youth, income, happiness,
life satisfaction, sphere of life

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Dostoevsky Omsk State University, project No. MU-5/2020.

Abstract. The article contains the results of a study of the level of happiness and life satisfaction of students as components of subjective well-being. The purpose of the comparative study was to determine the characteristics of the assessment of their well-being by students with different income levels. The study sample consisted of 310 students from Omsk, aged 17 to 24 years. 38 young people did not want to share information about their financial situation. There were more similarities than differences between groups in a sample of other 272 students. Students have an average level of happiness and life satisfaction. On average, young people are most satisfied with their social relationships with family, friends and others, least of all with achievements and financial situation. The highest-income students are more satisfied with all areas of life, excluding family relationships, with which low- and middle-income students are most satisfied. Significant differences between students relate only to their satisfaction with their financial situation. The higher the income, the higher the satisfaction with it, but not the satisfaction with other areas of life. The conclusion of the study is that the level of income is not the main factor in the level of subjective well-being at student age. The results do not deny the importance of improving the material well-being of student youth, but primarily indicate the need to strengthen their social resources, which contribute to the achievement of subjective well-being through satisfaction with relationships with people around them.

1. Постановка проблемы. Научные исследования в области позитивной психологии очень распространены в наше время, но тем не менее очень сложны в организации, в том числе по причине отсутствия четких подходов к определению и измерению феноменов счастья и удовлетворенности жизнью на фоне естественного стремления людей к их переживанию, а также необходимости повышения объективного уровня жизни населения.

Особый интерес в контексте проблематики благополучия вызывает оценка его уровня и качественного наполнения у молодежи – группы, имеющей стратегическое значение для государства. Субъективное благополучие молодых людей также способствует гармоничному становлению личности, формированию ее склонности к просоциальной активности, имеющей особую общественную пользу.

Несмотря на отсутствие исчерпывающих теорий, разные факторы, детерминирующие благополучие, неоднократно изучались эмпирическим путем. Одним из объективных критериев оценки субъективного благополучия выступают материальные аспекты его достижения, в частности высокий достаток приводит к открытию новых возможностей, тогда как серьезные финансовые ограничения выступают фактором снижения удовлетворенности жизнью. Учитывая трансформацию ценностей, наблюдаемую в российском обществе на протяжении последних лет, важно понять, насколько субъективное благополучие молодежи зависит от уровня ее дохода. Важность исследований в этом направлении определяется исходным противоречием, в рамках которого студенческая молодежь, стремясь к независимости и автономности, в том числе финансовой, имеет явные ограничения в этой сфере в связи с имеющимся социально-экономическим статусом. Размер академической стипендии не может удовлетворить актуальные потребности молодых людей, тогда как совмещение учебы и работы не всегда возможно и находит поддержку в среде вуза, часто препятствуя получению качественного образовательного продукта. С другой стороны, в студенческом возрасте существует много других задач нематериального характера, хотя опосредованно и связанных с ним – освоение выбранной профессии, формирование дружеских и интимно-личных отношений, организация досуга и пр. В связи с этим можно предположить, что вы-

деление финансового положения молодых людей выступает важным, но не единственным фактором их субъективного благополучия, и, следовательно, повысить уровень последнего возможно не только с помощью повышения экономического статуса молодежи. Кроме того, значимость материального положения для жизни молодого человека в контексте его психологического благополучия может быть в принципе переоценена. Другими словами, если финансовая уязвимость выступает одним из признаков молодости, означает ли это, что молодежь однозначно относится к группе риска и она закономерно психологически неблагополучна? Полагаем, что данные предположения требуют серьезной эмпирической проверки.

2. Обзор литературы. В соответствии с ранней теорией Э. Динера феномен субъективного благополучия имеет сложную трехкомпонентную структуру и состоит из удовлетворенности жизнью, а также позитивного и негативного аффектов [1]. Позднее автор предложил четвертый компонент благополучия, направленный на уточнение оценки общей удовлетворенности посредством ее рассмотрения в различных областях [2]. Связь между общей удовлетворенностью и частной может иметь различную причинность, а значит, представление об удовлетворенности всей жизнью в целом может либо формировать оценку удовлетворенности в отдельных сферах, либо само может быть обусловлено этой оценкой [3].

Определяя жизнь людей, косвенно или напрямую, финансовое положение является одним из самых обсуждаемых факторов, влияющих на субъективное благополучие. В работе Э. Динера и Ш. Оиши показано, что доход связан с удовлетворенностью финансовой сферой, которая в свою очередь коррелирует с удовлетворенностью жизнью в целом [4]. Согласно У. Шиммаку, анализ данных, собранных в рамках Всемирного обзора ценностей, ведет к схожему объяснению данной корреляции: доход жителей различных стран влияет на их удовлетворенность, так как финансовое удовлетворение, связанное с высоким благосостоянием, является предиктором для общей удовлетворенности всей жизнью [3]. Альтернативная, но столь же популярная интерпретация взаимосвязи между доходом и удовлетворенностью жизнью заключается в том, что счастливые люди зарабатывают больше денег за счет того, что состояние, в котором они пребывают, дает им

внутренний ресурс, способствующий продуктивности и эффективному решению задач [5].

Исследователем, впервые проявившим интерес к системному анализу проблемы субъективного благополучия в экономической науке, является Р. Истерлин. Внутри отдельных стран между доходами и счастьем им была найдена прямая значимая связь – люди с высокими доходами, согласно результатам, в среднем были счастливее, чем люди с низкими доходами. При этом связь счастья с доходами не подтвердилась при сравнении жителей бедных и богатых стран, а также при сравнении уровня счастья у людей, живших в одной стране в разное время, отличное по степени экономической стабильности, ввиду чего автор предположил, что людям свойственно оценивать свою жизнь, ориентируясь не столько на собственные доходы, сколько исходя из сравнения своей жизни с жизнью окружающих [6].

Р. Истерлин, помимо ранее описанных идей, также определил, что субъективное благополучие не только напрямую связано с доходом, но и обратно пропорционально материальным устремлениям. По мнению ученого, вопреки более высокому уровню счастья у богатых людей по сравнению с бедными на начальном этапе их взрослости, дальнейший рост достатка в течение жизни не способствует увеличению уровня счастья, так как становится причиной для эквивалентного роста материальных устремлений у представителей обеих групп [7].

Опровергая парадокс, который обнаружил Р. Истерлин, Э. Динер и соавторы сделали вывод, что увеличение доходов всё же приводит к росту субъективного благополучия в тех ситуациях, когда люди испытывают удовлетворенность своим материальным положением, а также смотрят в будущее с оптимизмом. Иначе говоря, между уровнем счастья и увеличением дохода есть связь для тех людей, желания которых адекватны их уровню жизни, и ее нет для тех людей, которые быстрее адаптируются к новому возросшему доходу, переставая ценить то, что у них есть [8].

При адаптации идей Р. Истерлина на российской выборке А.В. Ларин и С.В. Филясов сделали вывод, что известный парадокс имеет место и в нашем обществе, однако только в долгосрочной перспективе, в то время как динамика реального эквивалентного дохода в краткосрочной перспективе, согласно данным

RLMS-HSE за 2000–2016 гг., наоборот, близка к тому, как изменялась удовлетворенность материальным положением и жизнью за этот период. По мнению ученых, изменения последних лет, касающиеся увеличения уровня удовлетворенности жизнью в России, связаны не с растущими доходами, а с негативным шоком в экономике России в 1990-х гг., последствия которого многие помнят до сих пор. При этом в качестве причины, по которой рост дохода не оказывает долгосрочного эффекта на удовлетворенность жизнью у людей, авторы называют не процесс сравнения себя с другими, а привыкание к растущему доходу [9].

Базируясь на тех же данных, собранных в 2000–2014 гг., Л.А. Родионова определила, что доход имеет нелинейное влияние на удовлетворенность жизнью жителей России, что также объясняется эффектом адаптации, однако не в значении знакомого нам привыкания к финансовому положению. Согласно автору, меньший прирост уровня счастья объясним снижением различий между тем, что человек может себе позволить, и тем, что желает. Анализируя рост удовлетворенности, автор определила, что доход, соответствующий точке «насыщения», равен 60 тыс. руб. [10].

Согласно данным всероссийского опроса ВЦИОМ, с 2012 по 2020 г. большинство россиян, которые не чувствуют себя счастливыми, указывают в качестве причины этого материальные проблемы (в 2020 г. – 11 %), в то время как опрошенные, испытывающие счастье, на фоне остальных причин редко упоминают, что их состоянию способствует достаток (в 2020 г. – 8 %), и связывают счастье в основном с семьей (37 %), а также со своим хорошим самочувствием и со здоровьем близких им людей (18 %)¹.

Проведя социологический опрос, Е.О. Смолева и М.В. Морев пришли к аналогичным выводам, определив, что низкий уровень доходов (34 %) и рост цен (44 %) больше всего влияют на несчастье, по мнению людей, которые не чувствуют себя счастливыми, в то время как в группе людей, которые испытывают счастье, редко упоминается влияние материального достатка (14 %), в отличие от основной причины счастья – благополучия семьи (56 %) [11].

Таким образом, данные результаты говорят о том, что деньги могут быть необходимы людям для поддержания приемлемого состояния, однако только их недостаточно для обре-

тения людьми счастья. Кроме того, если предположить, что респонденты, ощущающие счастье, так остро не нуждаются в деньгах, как те, кто заявили о несчастье, можно интерпретировать важную роль финансов для последних следующим образом: величина дохода, в том числе по мнению М. Аргайла, имеет сильное влияние на счастье у людей с низким достатком, так как дает возможность удовлетворить им свои базовые нужды [12].

3. Организация исследования. Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязи между доходами студенческой молодежи и компонентами ее субъективного благополучия. В число исследовательских задач вошли:

- 1) определение групп студентов с разным уровнем дохода;
- 2) сравнение студентов с разным уровнем дохода по выраженности удовлетворенности и счастья;
- 3) сопоставление удовлетворенности разными сферами жизни у студентов, имеющих разный доход.

Выборку исследования составили 310 студентов из 8 высших учебных заведений г. Омска, из них 190 девушек и 120 юношей в возрасте от 17 до 24 лет (после решения первой задачи выборка сократилась до 272 студентов).

Для решения поставленных задач были использованы: 1) шкала взаимозависимого счастья (*IHS*; Hitokoto, Uchida), направленная на определение уровня счастья у респондентов; 2) шкала удовлетворенности жизнью (*SWLS*; Diener) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, направленная на выявление общего уровня удовлетворенности жизнью у студентов; 3) анкета об уровне удовлетворенности отдельными сферами жизни, направленная на выявление степени удовлетворенности молодых людей различными областями их жизнедеятельности; 4) социально-демографическая анкета, содержащая вопросы, необходимые для описания выборки и ее разделения на подгруппы. Определение важной для нашего исследования характеристики, а именно дохода молодежи, осуществлялось с помощью вопроса: «Ваш ежемесячный бюджет составляет примерно... (пожалуйста, укажите Ваш общий месячный доход в рублях)». Как видно из вопроса, под доходами мы понимаем некий суммарный бюджет молодежи, который может состоять из заработной платы, стипендии и социальных

выплат, а также из родительской финансовой поддержки.

Для обработки данных применялись первичные описательные статистики, частотный анализ, ϕ -критерий Фишера и критерий Краскала–Уоллиса.

4. Результаты исследования. В качестве разделительной границы уровня материального достатка студенческой молодежи мы приняли решение использовать величину прожиточного минимума². Для разделения средних и высоких доходов использовался показатель среднего денежного дохода на одного человека³. В 2019 г. на территории Омска и Омской области данные показатели были равны 9 570 и 26 714 руб. соответственно.

Исходя из величины выбранных показателей к группе респондентов с низким уровнем дохода отнесено 110 чел., со средним уровнем дохода – 96 чел., с высоким уровнем дохода – 66 чел. Личный денежный доход данных студентов в среднем составил 19 881 руб. При этом медиана выборки почти в два раза меньше – всего лишь 10 000 руб. на человека.

Ориентируясь на разницу между двумя характеристиками выборки, а также на математические свойства данных показателей, мы можем убедиться в том, что среднее арифметическое дохода значительно превышает ту сумму, которая есть в распоряжении «среднего» молодого студента, в то время как медиана, устойчивая к отклонениям, дает более верное понимание ситуации в связи с тем, что она не зависит от нескольких аномально высоких значений, полученных при опросе студентов.

Отметим, что своеобразие полученных в ходе опроса результатов касается не только вероятного преувеличения своих доходов студентами, но также и нежелания многих из них (38 молодых людей из 310) давать ответ о своем финансовом положении. Вполне возможно, молодые люди считают уровень дохода личным делом, и потому предпочитают пропускать вопрос о нем, даже учитывая конфиденциальность. Также возможно, что студенты не ведут учет своих доходов, и потому их может быть непросто подсчитать из-за отсутствия единственного и стабильного источника. Наконец, разглашение молодыми людьми информации о доходах, как правило невысокого уровня, может вести к появлению негативных эмоций, в то время как пропуск вопроса может способствовать избеганию дискомфорта

ных переживаний по поводу недостатка денежных средств.

Так как проверить достоверность собранных ответов невозможно, мы можем лишь предполагать, что в большинстве своем заявленные респондентами доходы соответствуют реальным. По крайней мере частая встречаемость значений ниже среднего по шкале заработка у студентов, на наш взгляд, убедительна и отражает объективно наблюдаемую реальность.

Перейдем к рассмотрению благополучия у молодых людей в студенческий период в связи с их уровнем материального достатка. Студенты независимо от уровня дохода чаще всего довольны жизнью в средней степени, реже испытывают недовольство ею и еще реже де-

монстрируют высокую оценку своей жизни. При этом достоверные различия не обнаружены не только между обладателями среднего и низкого или среднего и высокого дохода, но и между студентами, чье благосостояние являлось наиболее отличным – соответствующим низкому или высокому уровню.

Что же касается другого компонента субъективного благополучия, студенты с низким уровнем дохода демонстрируют низкий уровень счастья чаще, чем студенты, чей доход равен среднему уровню ($\phi = 2,222$ при $p \leq 0,05$), и реже показывают высокий уровень счастья по сравнению со студентами, чьи доходы мы склонны оценивать как высокие ($\phi = 1,875$ при $p \leq 0,05$) (рис. 1).

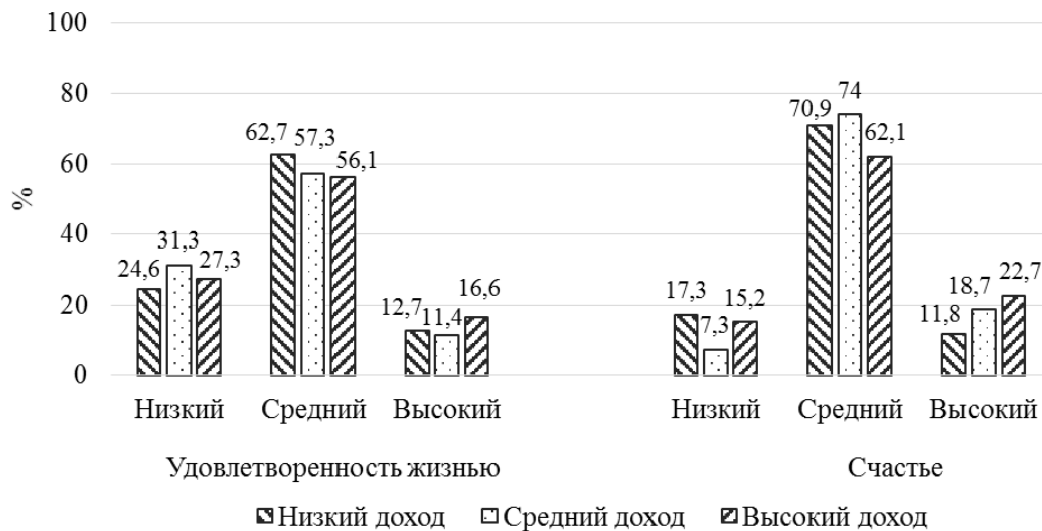

Рис. 1. Уровень общей удовлетворенности жизнью и счастья у студенческой молодежи с различным уровнем дохода (частотный анализ, %)

Fig. 1. The level of general satisfaction with life and happiness among student youth with different income levels (frequency analysis, %)

Исходя из этого, можно предположить существование влияния величины дохода на достижение счастья студентами, которое, на наш взгляд, объяснимо немаловажной ролью материальных благ в обеспечении комфортной и счастливой жизни, лишенной ряда беспокойств, решаемых посредством денег. Кроме того, финансовое благосостояние может нести студентам пользу в том, чтобы делать счастливее и лучше жизнь людей, которые для них важны, а также в том, чтобы производить на окружающих людей хорошее впечатление и получать от них одобрение, что важно, исходя из значимости социального взаимодействия для счастья.

На фоне этого отсутствие значимо более высоких показателей по шкале общей удовлетворенности у тех студентов, чей доход является высоким или средним, может быть связано с тем, что они имеют более высокие запросы, которые полностью нивелируют возможности, доступные для них благодаря финансовому положению.

Оценка уровня удовлетворенности разными сторонами жизни также показала сходство профилей студентов с разным уровнем дохода (у всех групп показатели в пределах средних значений: от 4 до 7 баллов) с незначительным превосходством тех, кто имеет доход выше, чем у сверстников (рис. 2).

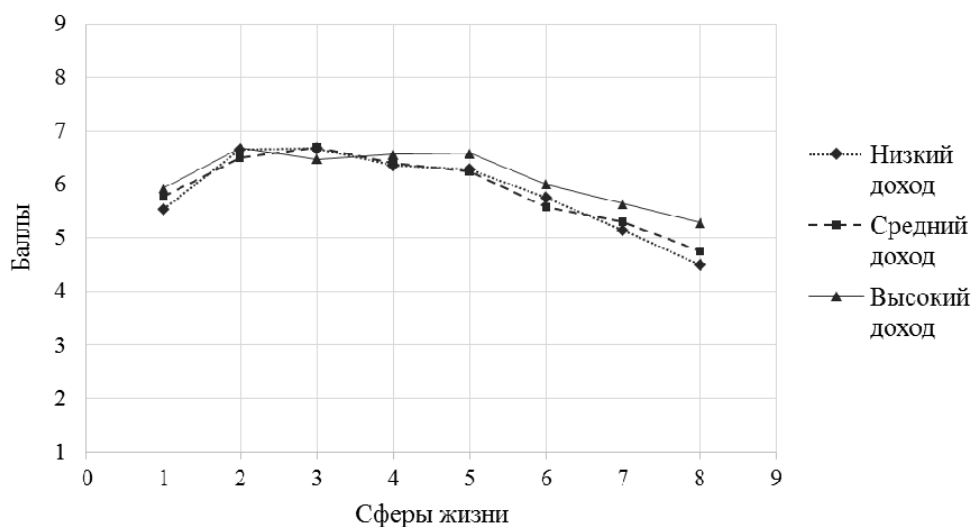

Рис. 2. Удовлетворенность отдельными сферами жизни у студенческой молодежи с разным уровнем дохода (средние значения, баллы):

1 – здоровье; 2 – отношения с друзьями; 3 – отношения с семьей; 4 – отношения с людьми; 5 – возможности; 6 – личный рост; 7 – достижения; 8 – финансовое положение

Fig. 2. Satisfaction with the spheres of life among student youth with different income levels (average values, points): 1 – health; 2 – relationships with friends; 3 – relationships with family; 4 – relationships with people; 5 – opportunities; 6 – personal growth; 7 – achievements; 8 – financial situation

В свою очередь процедура ранжирования показала присутствие большего сходства у молодых людей со средними и низкими доходами. Так, молодые люди данных двух групп высоко оценивают общение с людьми (семьей, друзьями и другими людьми), ниже – свои возможности, личный рост и состояние здоровья (студенты с низкими доходами больше довольны своим ростом, нежели здоровьем, а молодежь со средними доходами – наоборот), и наконец, они ниже всего оценивают удовлетворенность достижениями и материальным состоянием.

Студенты с более высоким уровнем дохода оценивают сферы своей жизни иначе. Так, несмотря на то, что они, как и прочие студенты, в меньшей степени довольны такими областями, как личный рост, здоровье, достижения и финансы, они в большей степени удовлетворены отношениями с друзьями и предоставляемыми возможностями, которыми, судя по всему, они и воспользовались для укрепления своего финансового положения (табл. 1).

Таблица 1. Удовлетворенность отдельными сферами жизни у студенческой молодежи с разным уровнем дохода (ранги)

Table 1. Satisfaction with the spheres of life among student youth with different income levels (ranks)

Сфера жизни	Уровень дохода		
	Низкий	Средний	Высокий
Здоровье	6	5	6
Отношения с друзьями	2	2	1
Отношения с семьей	1	1	4
Отношения с людьми	3	3	3
Возможности	4	4	2
Личностный рост	5	6	5
Достижения	7	7	7
Финансовое положение	8	8	8

Примечание. Цветом выделены идентичные показатели у разных групп, курсивом – сходные, полужирным начертанием – различные.

Учитывая эти данные, мы склонны утверждать, что найденные здесь различия в первую очередь связаны с уровнем дохода, в то время как обнаруженные сходства являются следствием принадлежности всех респондентов к единой возрастной и социальной группе, а именно к студенческой молодежи.

Так, значимость социальных контактов, прежде всего дружеских и родственных, важность предоставляемых возможностей при реалистичной оценке достигнутого – вполне объяснимы в контексте картины мира и себя в нем в период молодости. Единственный момент, который выделяется из привычных трактовок, – невысокая удовлетворенность студентами состоянием собственного здоровья. Возможно, эта позиция в иерархии связана с недооценкой его значимости (при явном возрастном благополучии) на фоне важности других показателей, кроме того, напомним, что на выборке в целом количество неудовлетворенных жизнью студентов уступает тем, кто удовлетворен ей в средней степени. Однако, допускаем также, что образ жизни молодых людей, учебные и другие стрессы нормативного и ненормативного характера, а также действительные проблемы здоровья могут приводить к неудовлетворительной оценке своего физического самочувствия. Низкая удовлетворенность финансами в сравнении с другими жизненными сферами у всех опрошенных студентов также отражает тот факт, что независимо от уровня доходов вся молодежь в период обучения ис-

пытывает недовольство материальным положением, стремясь к финансовой свободе и обретению высокого достатка.

В это же время, сравнивая молодых людей с различным уровнем дохода по средним баллам, следует сказать, что те студенты, чей достаток наиболее высок, больше других довольны всеми областями жизни за исключением общения с семьей, где их уровень удовлетворенности хотя и незначительно, но всё же ниже, чем у молодых людей с более низкими доходами, которые, наоборот, в сравнении с другими сферами оценивают позитивнее именно семейные отношения. Так как высокий доход у студентов может быть объясним тем, что они не только учатся, но и работают, их недовольство отношениями с членами семьи, возможно, вызвано отсутствием у них достаточного времени для близкого общения с родными. Или же, напротив, в связи с отсутствием финансовой поддержки от родителей, они вынуждены работать, что снижает позитивную оценку эмоциональных связей с ними, тогда как студенты с низким и средним уровнем дохода, напротив, рассматривают свою семью в качестве одного из возможных источников благополучия, в том числе финансового.

При этом значимые отличия между студентами касаются только их удовлетворенности своим материальным положением, которая тем выше, чем выше доход ($H = 5,949$ при $p \leq 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2. Удовлетворенность отдельными сферами жизни у студенческой молодежи с разным уровнем дохода (ср. балл, значимость различий)

Table 2. Satisfaction with the spheres of life among student youth with different income levels (average score, significance of differences)

Сфера жизни	Уровень дохода			Н эмп.	p
	Низкий	Средний	Высокий		
Здоровье	5,54	5,77	5,94	1,079	0,58
Отношения с друзьями	6,66	6,49	6,68	1,192	0,55
Отношения с семьей	6,67	6,69	6,47	0,647	0,72
Отношения с людьми	6,37	6,41	6,56	0,335	0,85
Возможности	6,29	6,24	6,58	1,097	0,58
Личностный рост	5,75	5,58	6,00	2,425	0,30
Достижения	5,14	5,30	5,64	2,632	0,27
Финансовое положение	4,50	4,76	5,29	5,949*	0,05
Общая удовлетворенность жизнью	22,62	22,10	23,20	0,340	0,84

Примечание. * – различия, значимые при $p \leq 0,05$.

Дальнейший частотный анализ результатов показал, что большинство студентов с разным уровнем дохода дает схожие оценки следующим сферам жизни: высокие – возможностям и отношениям с друзьями, другими людьми и семьей, средние – сфере достижений.

Различия же студентов разных групп касаются того, что большая часть молодых людей с высокими доходами (50 %) удовлетворена своим здоровьем в средней степени, в то время как большая часть студентов с низкими (40 %) и средними (40,6 %) доходами довольна состоянием здоровья на высоком уровне. Возможно, продолжительное состояние усталости и стресса вследствие дисбаланса между временем для отдыха и для работы у молодых людей с высоким уровнем дохода имеет негативные последствия для состояния здоровья, что отражается в низкой оценке данной сферы у студентов. Кроме того, высокий уровень дохода может позволить уделять молодежи большее внимание своему самочувствию, а значит, больше знать о своем состоянии и, вероятно, больше беспокоиться за его несоответствие нормальным показателям, в то время как студенты с более низким доходом могут поддерживать свое здоровье за счет заботы со стороны близких, особенно при совместном проживании с ними.

Большая часть молодых людей с высокими доходами (45,5 %) положительно определяет свой личностный рост, большая часть студентов с низкими (43,6 %) и средними (45,8 %) доходами довольна своим ростом только в средней степени. Можно предположить, что более высокий доход молодых людей дает им большие возможности для саморазвития, в то время как у молодых людей, которые имеют более низкий доход, может не хватать не только нужных для развития ресурсов, но также мотивации для того, чтобы заниматься самосовершенствованием на фоне других более жизненно важных нужд.

Наконец, что касается финансов, большая часть студентов с низкими доходами (40 %) довольна данной сферой жизни в низкой степени, тогда как наибольшая доля студентов, обладающая средними (42,7 %) или высокими (40,9 %) доходами, оценивает удовлетворенность материальным положением как соответствующую среднему уровню. Тот факт, что та часть молодых людей, которая дает более позитивную оценку своему финансовому поло-

жению, является примерно равной независимо от среднего или высокого дохода, может указывать на то, что после достижения определенного финансового положения, которое может позволить молодежи удовлетворить ее потребности и не нуждаться в базовых вещах, дальнейший рост доходов не всегда ведет к высокой удовлетворенности материальным благополучием, что подтверждает данные, полученные исследователями на других выборках. Однако, если брать в расчет, что среди молодых людей со средними доходами чаще встречаются те, кто низко оценивает свое денежное состояние (33,3 %), а среди молодых людей с высокими доходами – те, кто, наоборот, довольны ими высоко (34,8 %), мы можем всё же утверждать о связи между объективным уровнем финансов и удовлетворенностью ими в студенческой среде.

5. Заключение. Результаты проведенного исследования доказывают, что молодые люди студенческого возраста с разным уровнем дохода имеют больше сходств, чем значимых различий. Вполне возможно, сходства между ними в оценке жизни и ее отдельных областей вызваны тем, что, несмотря на выделение трех групп с различным уровнем дохода, достаток молодежи всё же несопоставим с достатком более финансово-стабильных социальных групп, на фоне которых доходы студентов являются одинаково невысокими. Кроме того, возможно, что студенческую молодежь в силу ее амбициозных ожиданий также может объединять сильное недовольство материальным положением в сравнении с другими жизненными сферами, присущее ей независимо от реального дохода и схожим образом влияющее на благополучие и его компоненты.

При этом некоторые различия в оценке своей жизни, полученные при сравнении студентов, имеют важное значение в рамках проделанной работы, поскольку подтверждают идею о том, что денежный доход хоть и способствует обеспечению комфортного уровня жизни, но все-таки не гарантирует высокой удовлетворенности и, главное, благополучия в других сферах, в частности в семье, тесно взаимосвязанного с субъективным ощущением счастья, в связи с чем, помимо усиления стратегии молодежной финансовой политики, важным направлением повышения субъективного благополучия студенческой молодежи может выступать поиск и укрепление социальных ре-

курсов, способствующих переживанию счастья и удовлетворенности жизнью через удовлетворенность отношениями с окружающими, прежде всего друзьями и членами семьи, а также представителями других рефератных для студентов групп.

Примечания

¹ Индекс счастья на фоне коронавируса: аналитические материалы // Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. сайт. 2020. 23

апр. URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/indeks-schastya-na-fone-koronavirusa>.

² Согласно постановлению Правительства Омской области от 18 марта 2020 г. № 88-п «О величине прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Омской области за IV квартал 2019 года».

³ См.: Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2020).

Литература

1. Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. – 1984. – № 95. – P. 542–575.
2. Diener E., Suh E. M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress // *Psychological bulletin*. – 1999. – № 125 (2). – P. 276–302.
3. Schimmack U. The structure of subjective well-being // *The science of subjective well-being* / Eds. M. Eid, R. J. Larsen. – Guilford Press, 2008. – P. 97–123.
4. Diener E., Oishi S. Money and happiness: Income and subjective well-being across nations // *Culture and subjective well-being* / Eds. E. Diener, E. M. Suh. – The MIT Press, 2000. – P. 185–218.
5. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? // *Social indicators research*. – 2002. – № 57 (2). – P. 119–169.
6. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // *Nations and households in economic growth* / Eds. R. David, R. Reder. – Academic Press, 1974. – P. 89–125.
7. Easterlin R. A. Income and happiness: Towards a unified theory // *The Economic Journal*. – 2001. – № 111 (473). – P. 465–484.
8. Diener E., Tay L., Oishi S. Rising income and the subjective well-being of nations // *Journal of personality and social psychology*. – 2013. – № 104 (2). – P. 267–276.
9. Ларин А. В., Филясов С. В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 59–83. – DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83.
10. Родионова Л. А. Парадокс Истерлина в России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*. – 2014. – Т. 14, № 2, ч. 2. – С. 386–393.
11. Смолева Е. О., Морев М. В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога : моногр. / под науч. рук. А. А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 164 с.
12. Аргайл М. Психология счастья. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 271 с.

References

1. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, no. 9, pp. 542-575.
2. Diener E., Suh E.M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological bulletin*, 1999, no. 125 (2), pp. 276-302.
3. Schimmack U. The structure of subjective well-being, in: Eid M., Larsen R.J. (eds.) *The science of subjective well-being*, Guilford Press, 2008, pp. 97-123.
4. Diener E., Oishi S. Money and happiness: Income and subjective well-being across nations, in: Diener E., Suh E.M. (eds.) *Culture and subjective well-being*, The MIT Press, 2000, pp. 185-218.
5. Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? *Social indicators research*, 2002, no. 57 (2), pp. 119-169.
6. Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence, in: David R., Reder R. (eds.) *Nations and households in economic growth*, Academic Press, 1974, pp. 89-125.
7. Easterlin R.A. Income and happiness: Towards a unified theory. *The Economic Journal*, 2001, no. 111 (473), pp. 465-484.
8. Diener E., Tay L., Oishi S. Rising income and the subjective well-being of nations. *Journal of personality and social psychology*, 2013, no. 104 (2), pp. 267-276

9. Larin A., Filiasov S.V. Adaptation and the Easterlin Paradox in Russia. *HSE Economic Journal*, 2018, Vol. 22, no. 1, pp. 59-83. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83. (in Russian).
10. Rodionova L.A. Easterlin paradox in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2014, Vol. 14, no. 2, pt. 2, pp. 386-393. (in Russian).
11. Smoleva E.O., Morev M.V. *Udovletvorennost' zhizn'yu i uroven' schast'ya: vzglyad sotsiologa* [Life satisfaction and the level of happiness: a sociologist's view], Monograph, Under the scientific editorship of Doctor of Economics A.A. Shabunova. Vologda, Institute of the Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences publ., 2016. 164 p. (in Russian).
12. Argyle M. *The psychology of happiness*, 2nd ed. London, Taylor & Francis publ., 2001. 228 p.

Сведения об авторах

Маленова Арина Юрьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
 Адрес для корреспонденции: 644053, Россия, Омск, ул. Нефтезаводская, 11
 E-mail: malyonova@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-5778-0739
 РИНЦ AuthorID: 678318

Федотова Елизавета Евгеньевна – младший научный сотрудник

Адрес для корреспонденции: 644053, Россия, Омск, ул. Нефтезаводская, 11
 E-mail: elizaveta.fedotovaaaaa@gmail.com
 ORCID: 0000-0003-1082-3273

Вклад авторов

Маленова А.Ю. – планирование исследования; постановка целей и задач; разработка методики исследования; руководство проведением исследования; анализ данных; корреспонденция с журналом
Федотова Е.Е. – планирование исследования; подготовка метаданных; сбор информации; анализ данных; визуализация и представление данных; перевод на иностранный язык

Для цитирования

Маленова А. Ю., Федотова Е. Е. Субъективное благополучие студенческой молодежи с разным уровнем дохода // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 107–116. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).107-116.

About the authors

Arina Yu. Malenova – PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology
 Postal address: 11, Neftezhavodskaya ul., Omsk, 644053, Russia
 E-mail: malyonova@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-5778-0739
 RSCI AuthorID: 678318

Elizaveta E. Fedotova – junior researcher

Postal address: 11, Neftezhavodskaya ul., Omsk, 644053, Russia
 E-mail: elizaveta.fedotovaaaaa@gmail.com
 ORCID: 0000-0003-1082-3273

Authors' contributions

Malenova A.Yu. – conceptualization; methodology; data curation; investigation; project administration; supervision; writing – review & editing
Fedotova E.E. – conceptualization; data curation; investigation; formal analysis; visualization; writing – original draft

For citations

Malenova A.Yu., Fedotova E.E. Subjective well-being of students with different levels of income. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 107-116. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).107-116. (in Russian).

АКТИВИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИИ

Н.М. Румянцев

Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
3 марта 2021 г.

Дата принятия в печать
15 апреля 2021 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Регион, инвестиции, накопление, сбережение, инвестиционная политика, источники финансирования инвестиций, цепочки создания стоимости

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Аннотация. Динамизм внешних условий хозяйствования накладывает свой отпечаток на экономическое развитие регионов. Геоэкономическое и геополитическое влияние вынуждает искать новые драйверы экономического роста, в том числе и на региональном уровне. Жесткие ограничения, вызванные пандемией SARS-CoV-2, вызвали сжатие экономики и значительно сократили уровень инвестиционной активности. В связи с этим актуальным становится изыскание направлений увеличения объемов капиталовложений, привлекаемых в экономику региона. Целью исследования стал поиск и научное обоснование мер активизации инвестиционной деятельности на основании ее анализа. В рамках работы были исследованы динамические и структурные параметры инвестиционного процесса в экономике Вологодской области, проанализирована структура источников формирования ресурсов капиталовложений. Определено, что причинами замедления инвестиционной активности стали низкая норма накопления, отчасти вызванная недостаточным развитием механизмов трансформации сбережений в накопления, уязвимая структура источников финансирования инвестиций, а также значительные отраслевые диспаритеты распределения инвестиционных ресурсов. Для решения данных проблем был предложен ряд направлений совершенствования инвестиционной политики региона: совершенствование механизмов трансформации сбережений в накопления, активизация альтернативных источников финансирования инвестиционной деятельности, а также развитие цепочек создания стоимости в региональной экономике. Научная новизна работы состоит в выявлении ключевых тенденций протекания инвестиционного процесса, а также в разработке практических рекомендаций по активизации инвестиционной деятельности экономики Вологодской области в условиях выхода из постпандемического кризиса. Результаты данного исследования могут быть полезны органам региональной власти, а также ученым, имеющим научный интерес к инвестиционной деятельности.

INCREASING THE INVESTMENT ACTIVITY OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF POST-PANDEMIC

N.M. Rumyantsev

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

Article info

Received
March 3, 2021

Accepted
April 15, 2021

Type paper

Analytical paper

Abstract. The dynamism of the external economic conditions leaves its mark on the economic development of the regions. Geoeconomic and geopolitical influence forces us to look for new drivers of economic growth, including at the regional level. Tight restrictions caused by the SARS-CoV-2 pandemic have caused a contraction in the economy and significantly reduced the level of investment activity. In this regard, it becomes urgent to find ways to increase the volume of capital investments attracted to the region's economy. The aim of the study was to find and scientifically substantiate measures to enhance investment activity based on its analysis. Within the framework of the work, the dynamic and structural parameters of the investment process in the economy of the Vologda Oblast were investigated; the structure of sources of formation of capital investment resources was analyzed. It was determined that the reasons for the slowdown in investment activity were the low rate of accumulation, partly caused by the insufficient development of mechanisms for transforming savings into accumulation, the vulnerable structure of investment financing sources, as well as significant sectoral disparities in the distribution of investment resources. To solve these problems, a number of directions for

Keywords

Region, investments, accumulation, savings, investment policy, sources of investment financing, value chains

Acknowledgements. The article is prepared in accordance with the state assignment for the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, research project No. 0168-2019-0005 "Research of factors and methods of sustainable socio-economic development of territorial systems in changing global geopolitical and geo-economic conditions".

1. Введение. Сложившиеся на сегодняшний день условия хозяйствования требуют незамедлительной реакции руководства регионов Российской Федерации, в том числе и Вологодской области, где вызванные жесткими противоэпидемиологическими ограничениями негативные тенденции в региональной экономике вынуждают искать драйверы активизации ее роста.

В качестве возможных направлений интенсификации развития экономики регионов ученые и эксперты называют стимулирование потребительского спроса [1], развитие человеческого капитала [2], управляемые структурные изменения [3], внедрение инновационной экономики [4], а также развитие межрегиональной кооперации и малого и среднего бизнеса [5; 6].

improving the investment policy of the region were proposed: improving the mechanisms for transforming savings into accumulation, activating alternative sources of financing investment activities, as well as developing value chains in the regional economy. The scientific novelty of the work consists in identifying key trends in the course of the investment process, as well as in developing practical recommendations for enhancing the investment activity of the economy of the Vologda Oblast in the context of overcoming the post-pandemic crisis. The results of this study can be useful to regional authorities, as well as scientists interested in investment activities.

Однако достижение необходимых темпов экономического роста региона за счет вышеуказанных факторов требует привлечения значительных ресурсов, и тогда одним из главных вопросов повестки обеспечения роста становится активизация инвестиционной деятельности.

Как отмечают эксперты Вольного экономического общества, опорой восстановления темпов экономического роста и выхода из кризиса во многих зарубежных странах стала высокая инвестиционная активность¹. Важность инвестиций как фактора активизации народнохозяйственной деятельности подтверждают данные межстранового сопоставления темпов экономического роста и нормы накопления² (рис. 1).

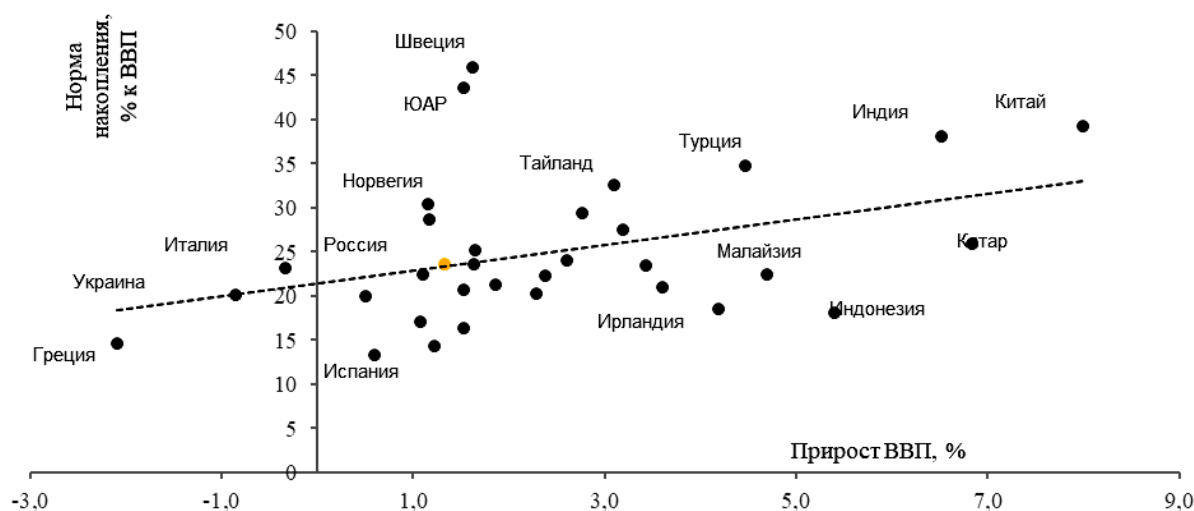

Рис. 1. Взаимосвязь нормы накопления и темпов прироста ВВП некоторых стран, усредненные значения за 2008–2019 гг. (рассчитано по данным World Bank (<https://data.worldbank.org/>))

Fig. 1. The relationship between the rate of accumulation and the growth rate of the gross domestic product of some countries, averaged values for 2008–2019 (calculated based on World Bank data (<https://data.worldbank.org/>))

Вологодская область до введения ограничений имела один из самых высоких показателей роста инвестиций в основной капитал: за последние 5 лет среднегодовой темп при-

роста составлял 10,27 %. Однако, в результате пандемии, вызвавшей падение потребительского спроса и недостаток средств у предприятий, инвестиционная активность в 2020 г.

значительно сократилась – за первый квартал сокращение составило 21,6 %, а по итогам года объем инвестиций снизился на 5,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [7]. Данный факт требует реакции органов власти для восстановления инвестиционной активности в регионе.

Эту необходимость подтверждает и состояние основных производственных фондов в регионе. Так, значение показателя их износа на протяжении 20 лет не опускалось ниже 40 %, в 2019 г. страновое значение ниже на 9,2 % (рис. 2).

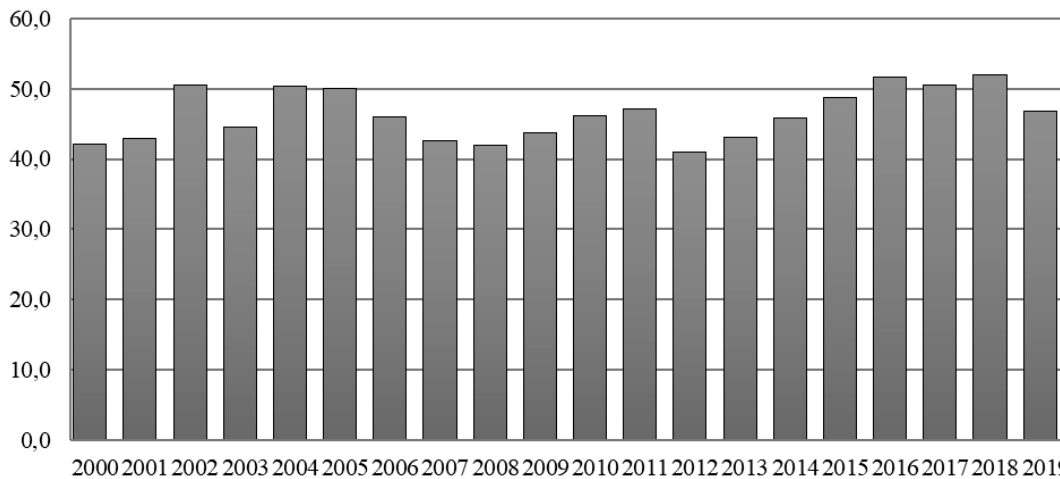

Рис. 2. Степень износа основных фондов в экономике Вологодской области за 2000–2019 гг., % (сост. по данным Вологдастата (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Fig. 2. Degree of depreciation of fixed assets in the economy of the Vologda Oblast for 2000–2019, % (comp. based on Vologdastat data (<https://vologdastat.gks.ru/>))

В связи с представленными выше фактами и мнениями актуальность исследования заключается в необходимости разработки гибкой инвестиционной политики в ответ на постпандемическое сжатие экономики региона. Целью исследования является разработка и научное обоснование мер активизации инвестиционной деятельности на основании ее анализа. В связи с этим в рамках исследования был поставлен и решен ряд задач:

- анализ динамических и структурных показателей инвестиционной деятельности в Вологодской области;
- исследование проблем формирования инвестиционных ресурсов;
- разработка мер региональной инвестиционной политики.

Информационную базу исследования составили статистические данные и материалы Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка РФ, Всемирного банка, Международного валютного фонда, публикации российских и зарубежных авторов.

Практическая новизна работы состоит в выявлении ключевых тенденций протекания инвестиционного процесса, а также в разработ-

ке рекомендаций по активизации инвестиционной деятельности экономики Вологодской области в условиях выхода из постпандемического кризиса.

2. Обзор литературы. Изучению вопросов активизации экономического роста региона за счет активизации инвестиционного процесса посвящено значительное количество исследовательских работ. Такое внимание со стороны научного сообщества обусловлено рядом острых проблем, которые могут значительно замедлить развитие народного хозяйства, в конце концов превратившись из драйвера экономического роста в его стопор.

Ввиду сырьевого характера экономики России с момента перехода к рыночной системе хозяйствования возникли отраслевые диспаритеты в сторону сырьевого сектора и обрабатывающей промышленности начальных переделов [8]. Пространственное развитие постсоветской России характеризуется рядом устойчивых тенденций, которые сформировали крайне непропорциональное распределение населения, доходов, ресурсов (в том числе и инвестиционных) по территории страны [9].

На национальном уровне отмечаются высокие риски ведения инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации [10]. Актуальной является проблема кредитования инвестиционной деятельности: банковские активы недостаточно вовлечены в финансирование инвестиционных проектов [11]. Создаваемые государством институты поддержки инвестиционной деятельности плохо справляются со своими функциями [12]. Остро стоит проблема офшорных инвестиций [13]. При этом низкая инвестиционная привлекательность российских регионов снижает как присутствие отечественных инвесторов, так и объемы привлекаемых зарубежных капиталовложений [14; 15].

Научным сообществом актуализирован поиск оптимальных решений для устранения вышеназванных проблем. Так, значительный акцент сделан на совершенствовании инвестиционной и промышленной политики, направленной на обеспечение экономического роста [9; 16]. Ряд исследователей предлагает перестроить денежно-кредитную политику для стимулирования инвестиционной активности банков. Активно продвигаются идеи повышения нормы накопления промышленного капитала с целью активизации экономического роста за

счет фондосоздающих отраслей [17]. Акцентируется внимание на государственных инвестициях: на примере Вьетнама [18] и США [19] доказано, что основным драйвером инвестиционного процесса выступают государственные инфраструктурные вложения, привлекающие за собой крупных частных инвесторов за счет снижения инвестиционных рисков.

Однако на региональном уровне такого широкого инструментария активизации инвестиционной деятельности не представлено, что еще раз актуализирует вопросы разработки мер совершенствования инвестиционной политики.

3. Основные результаты исследования.

Пик инвестиционной активности пришелся на предкризисный 2007 г., в дальнейшем из-за сжатия внешних рынков инвестиций и ослабления курса национальной валюты экономика Вологодской области вошла в состояние «инвестиционной паузы», выход из которого начался в последние годы. Намечающиеся позитивные тенденции были прерваны введением жестких эпидемиологических ограничений, и как уже отмечено выше, оперативная статистика говорит о сокращении объемов инвестиций в основной капитал (рис. 3).

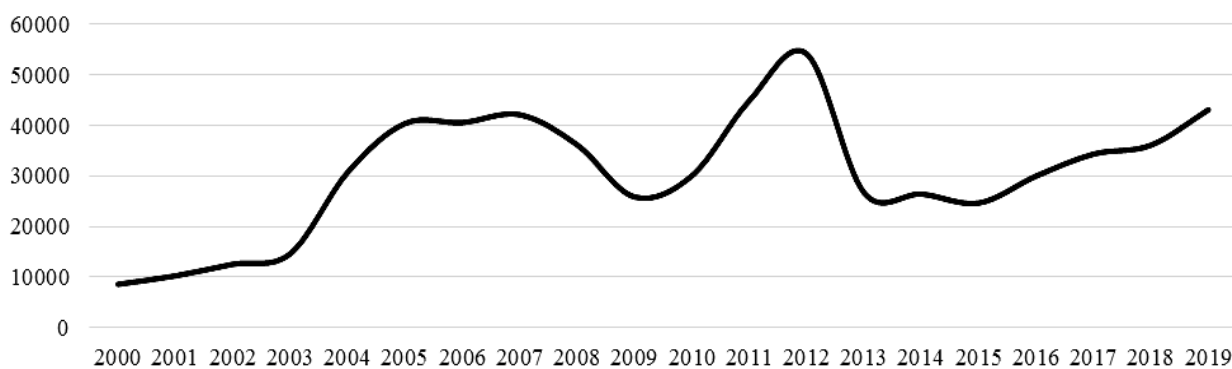

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал в экономике Вологодской области за 2000–2019 гг. в ценах 2000 г., млн руб. (сост. по данным Вологодстата (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Fig. 3. Dynamics of investments in fixed assets in the economy of the Vologda Oblast for 2000–2019, in 2000 prices, million rubles (comp. based on Vologdastat data (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Переходя к структурным проблемам, стоит акцентировать внимание на низкую долю инвестиций в ВРП экономики Вологодской области (рис. 4). Для устойчивого роста экономики в 7,5 % (это позволит удвоить ВРП за десять лет) необходима норма накопления не менее 35 %, что подразумевает под собой форсиро-

ванный рост инвестиций [20]. Норма накопления в настоящий момент имеет значения, соответствующие экономике развитых стран³. Для экономики Вологодской области такого объема инвестиций недостаточно для устойчивого развития.

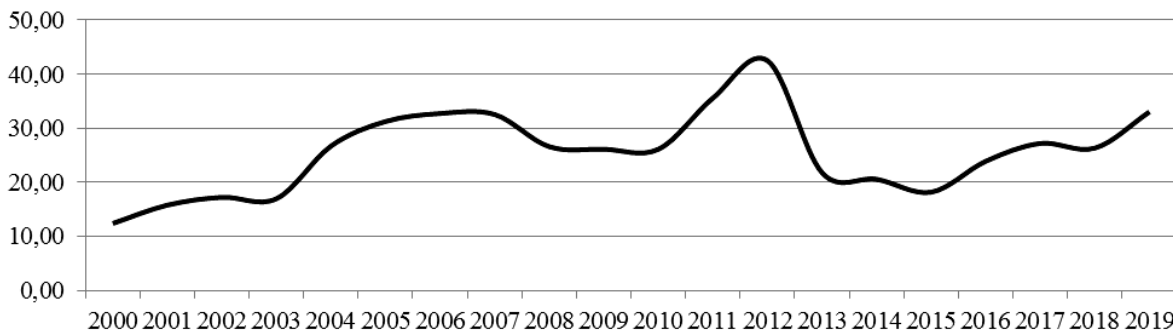

Рис. 4. Доля инвестиций в основной капитал в экономике Вологодской области в 2007–2019 гг., % к ВРП (сост. по данным Вологдастата (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Fig. 4. The share of investments in fixed assets in the economy of the Vologda Oblast in 2007–2019, % to the gross regional product (comp. based on Vologdastat data (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Низкий уровень нормы накопления в экономике регионов обусловлен в том числе слабой развитостью механизмов трансформации сбережений в инвестиции (рис. 5): основной формой сбережений выступают банковские вклады, что связано с невысокими рисками.

Однако банки не стремятся выдавать инвестиционные кредиты, так как их альтернатива – потребительские займы – более выгодны из-за меньших рисков невозврата, более высоких процентных ставок и ускоренной оборачиваемости.

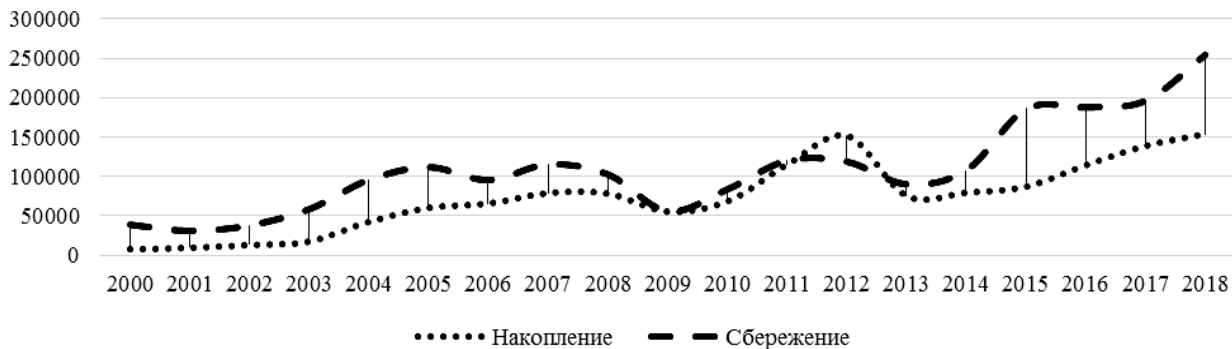

Рис. 5. Сопоставление объемов накопления и объемов сбережения в экономике Вологодской области за 2000–2019 гг. (сост. по данным Вологдастата (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Fig. 5. Comparison of the volume of accumulation and the volume of savings in the economy of the Vologda Oblast for 2000–2019 (comp. based on Vologdastat data (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Следует отметить, что наблюдаемое в кризисные годы сближение величин нормы сбережения и накопления обусловлено в основном снижением объемов сбережения, а не ростом накопления капитала. Также, как отмечают эксперты, одной из причин является значительный отток капитала из экономики через офшоры с целью ухода крупнейших экспортеров сырья от российского налогообложения⁴ [21].

В экономике Вологодской области также имеется ряд проблем, замедляющих процесс формирования фонда накопления, касающихся тех или иных источников наполнения инвестиционного процесса.

В структуре источников финансирования инвестиций, согласно их экономическим формам, выделяют следующих участников инвестиционной деятельности:

- предприятия (реинвестируемая прибыль и амортизационные фонды);
- бюджет (доходная часть);
- население (доходы);
- банковский сектор (долгосрочное кредитование) [22].

Анализируя пропорции финансирования капиталовложений, можно заметить, что основным источником являются собственные средства предприятий (в 2019 г. – 59,5 % от итога; табл. 1). Среди привлеченных средств преоб-

ладают прочие источники (16,2 %), основу которых составляют средства вышестоящих компаний⁵. Немаловажную роль в инвестиционном

процессе играют бюджетные средства всех уровней. Незначительный вклад вносят банковский кредит и средства населения.

Таблица 1. Структура источников финансирования инвестиционной деятельности в Вологодской области за 2000–2019 гг., %

Table 1. Structure of sources of financing for investment activities in the Vologda Oblast for 2000-2019, %

Источник	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Собственные средства	49,9	39,8	36,9	61,7	58,1	49,4	54,1	47,7	59,5
Привлеченные средства	50,1	60,2	63,1	38,3	41,9	50,6	45,9	52,3	40,5
В том числе:									
кредиты банков	3,8	7,5	10,8	7,0	17,8	11,4	5,2	2,2	1,5
заемные средства других организаций	3,8	0,7	0,9	2,4	...	0,4	0,2	0,3	0,6
бюджетные средства	20,6	6,3	11,7	12,6	11,3	11,0	6,4	8,0	8,3
средства организаций и населения на долевое строительство	...	1,0	2,8	3,8	3,1	1,8	0,8
в том числе средства населения	1,7	3,8	3,1	1,8
прочие	21,3	44,7	36,8	11,4	6,6	25,5	33,2	40,8	29,4

Примечание. Сост. по данным Вологдастата (<https://vologdastat.gks.ru/>).

Сложившаяся структура инвестиционной деятельности в регионе имеет значительные уязвимости.

Во-первых, финансируя свою деятельность в основном за счет собственных средств, в кризисных ситуациях предприятия в первую очередь сокращают инвестиционные расходы в пользу текущих. Согласно опросу, проводимому ИНП РАН, более 37,0 % организаций отказались от капиталовложений в период пандемии, еще 31,4 % – заметно уменьшили их объем.

Во-вторых, несмотря на доказанную эффективность государственных инвестиций при привлечении частных капиталовложений⁶, всё еще остается низкой доля участия бюджета в

инвестиционной деятельности. В условиях профицита бюджета за последние годы тенденции пересмотра расходов не склоняются в пользу инвестиций.

Третьим негативным моментом можно назвать незначительное финансирование инвестиционного процесса экономики Вологодской области за счет долгосрочного банковского кредитования. При высоких уровнях ставок по инвестиционным кредитам (рис. 6) предприятия просто не имеют возможности финансировать капиталовложения, к тому же высоки и инвестиционные риски. Банки при этом заинтересованы в более краткосрочном кредитовании ввиду его выгоды.

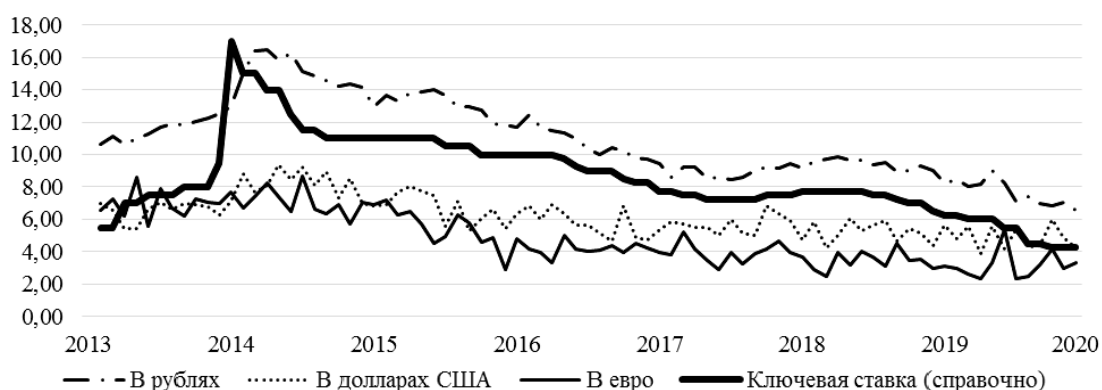

Рис. 6. Средневзвешенные процентные ставки по предоставленным нефинансовым организациям инвестиционным кредитам, % (сост. по данным Банка России (https://cbr.ru/hd_base/))

Fig. 6. Weighted average interest rates on investment loans provided to non-financial organizations, % (comp. based on the data of the Bank of Russia (https://cbr.ru/hd_base/))

Наиболее острой структурной проблемой в инвестиционном процессе экономики Вологодской области является неравномерность отраслевых пропорций распределения капиталовложений. Вологодская область – старопромышленный регион Европейского Севера России с экспортоориентированной моноструктурной экономикой [23]. Преобладающими отраслями промышленности являются черная ме-

таллургия и химические производства, также развита пищевая промышленность и лесопромышленный комплекс. Эти же отрасли являются основными направлениями инвестиционной деятельности в регионе (рис. 7). Инвестиции привлекаются чаще всего в те отрасли, где есть стабильный высокий доход, а также потенциал роста.

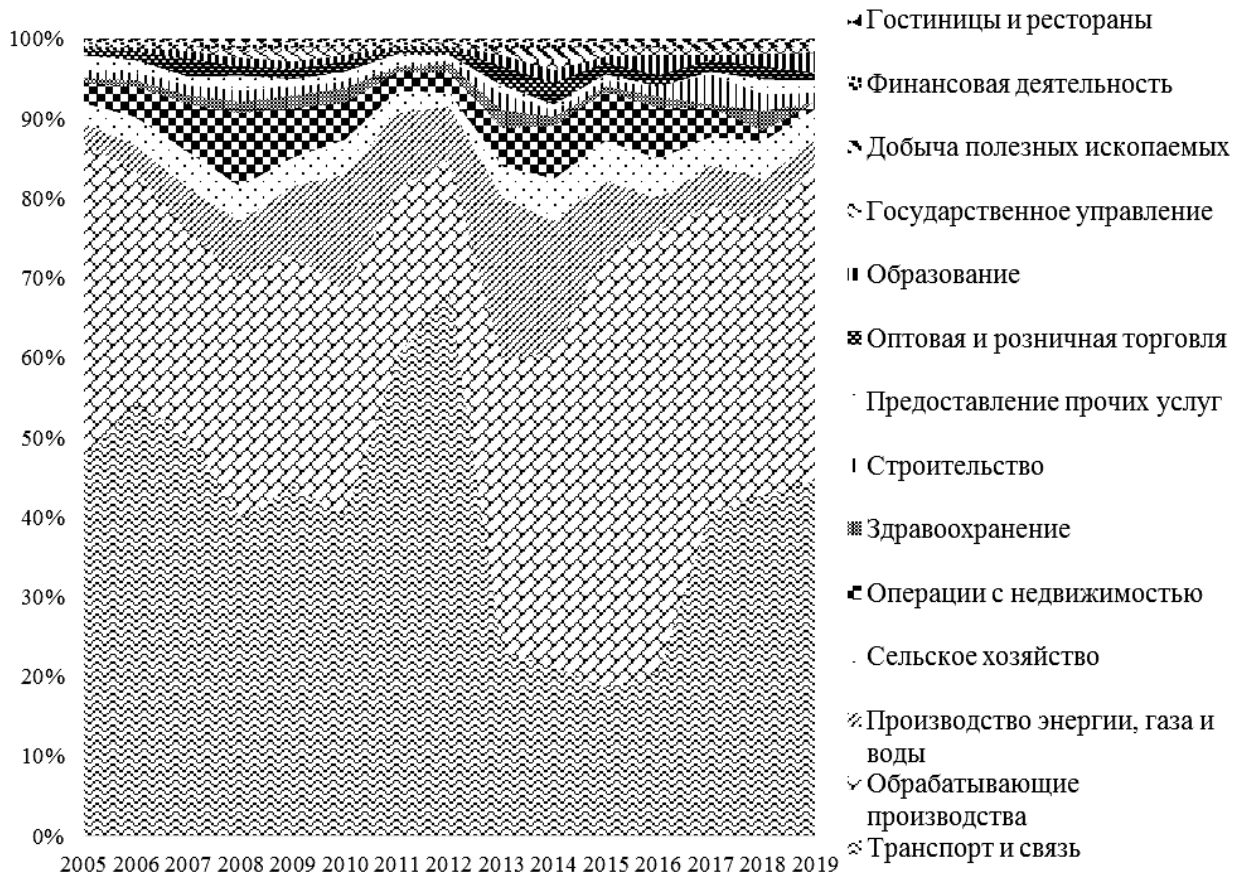

Рис. 7. Отраслевая структура инвестиций в основной капитал в экономике Вологодской области за 2005–2019 гг. (сост. по данным Вологдастата (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Fig. 7. Sectoral structure of investments in fixed assets in the economy of the Vologda Oblast for 2005-2019 (comp. based on Vologdastat data (<https://vologdastat.gks.ru/>))

Лидирующие позиции транспортно-коммуникационной отрасли объясняются реализацией на территории региона крупных инфраструктурных проектов, инициаторами и главными инвесторами которых являются крупные федеральные компании (строительство магистралей от сырьевых месторождений в Западную Европу и модернизация основных фондов федеральных энергетических и транспортных компаний (ПАО «Газпром», ПАО «РЖД», ПАО «ФСК ЕЭС» и ПАО «МРСК Северо-Запада»). Это также можно заметить по скачкообразному

тренду удельного веса отрасли – когда реализуется проект, происходит значительный рост объема инвестиций и, как следствие, его доли, по окончании – тенденция обратная.

Второе место по удельному весу в общем объеме капиталовложений занимают обрабатывающие производства. Такая тенденция объясняется присутствием в регионе крупных предприятий черной металлургии и химической промышленности, имеющих экспортоориентированное производство продукции низких переделов. Это позволяет им получать значи-

тельные объемы прибыли и активно ее реинвестировать.

Однако моноструктурность экономики Вологодской области не позволяет столь же динамично развиваться и другим отраслям – их доли в инвестиционном процессе незначительны. Потенциальными отраслями – точками роста (при условии поступления достаточных объемов инвестиций) можно назвать строительство и агропромышленный комплекс,

Несмотря на рост объема инвестиций в строительство, в целом доля этой отрасли довольно низкая, строительное направление как часть народного хозяйства региона имеет значительный инвестиционный потенциал. Необходимо также расширить поток привлекаемых инвестиций в сельское хозяйство ввиду наличия значительного потенциала формирования агропромышленного комплекса и сопутствующей ему пищевой промышленности. И то, и другое направление экономической деятельности являются приоритетными в инвестиционной политике региона, в то же время реализуемых инвестиционных проектов недостаточно, их нельзя назвать крупномасштабными.

В условиях низкой диверсификации экономики, а также ограниченного количества источников финансирования инвестиционного процесса возникает такая ситуация, при которой ключевые отрасли имеют значительный объем накопления основного капитала, при этом нуждаясь лишь в технологической модернизации производства, а остальные отрасли испытывают острую потребность в инвестициях. При этом из-за сокращения способности генерации доходов на фоне заметного износа основных средств полярность данной проблемы становится всё более очевидной.

Подводя итог аналитической части исследования, подчеркнем основные проблемы инвестиционной деятельности в Вологодской области:

- низкий уровень нормы накопления при высоком износе основных фондов, слабая конвертация сбережений в накопления;

- несбалансированная, уязвимая структура источников формирования инвестиционных ресурсов;

- значительные отраслевые диспаритеты распределения капиталовложений.

4. Направления совершенствования инвестиционной политики. На основании аналитических аспектов проведенного исследова-

ния, для решения проблем, сложившихся внутри инвестиционного процесса в Вологодской области, имеют место следующие направления инвестиционной политики.

4.1. Повышение нормы накопления за счет совершенствования механизма трансформаций сбережений населения в инвестиции. Для повышения эффективности процесса трансформации сбережений в накопления необходимо развитие инвестиционного рынка в интересах населения, так как наиболее крупный потенциальный источник финансирования – доходы граждан.

В рамках данного направления могут быть реализованы следующие меры:

- повышение инвестиционной грамотности населения при индивидуальном и коллективном инвестировании;

- обеспечение прозрачности деятельности финансовых посредников для повышения доверия граждан;

- расширение доступного ассортимента инвестиционных продуктов и площадок;

- вовлечение граждан в процесс индивидуального пенсионного обеспечения.

Это позволит ускорить процесс конвертации средств населения для целей капиталовложений. Однако стоит соблюдать балансы между темпами прироста накопления и потребления, так как потребительский спрос также является значительным фактором роста экономики региона. Также возникает проблема привязки инвестиций населения к конкретному региону. Для решения этой задачи могут быть использованы региональные и муниципальные облигации, что обеспечит возможности финансирования конкретных региональных и муниципальных проектов.

4.2. Формирование оптимальной структуры источников финансирования инвестиционного процесса. При сложившейся структуре инвестиционного процесса угрозы экономике, замедляющие ее рост, вызывают цепную реакцию: сокращение доходов предприятий ведет к урезанию расходов на капиталовложения, что влечет за собой снижение конкурентоспособности производимой продукции и очередное снижение доходов.

В связи с этим имеется острая необходимость привлечения большего объема инвестиционных кредитов и бюджетных средств. За рубежом основная доля (до 80 %) финансирования капиталовложений – вклад банковского

сектора за счет льготных долгосрочных кредитов под низкий процент, к тому же еще и субсидируемый государством. При использовании бюджетных средств в целях финансирования инвестиций имеет смысл не только использовать полученный за последние годы профицит бюджета, но искусственно создать дефицит (до 3 %) ⁷ для финансирования крупных инвестиционных проектов в перспективных отраслях. Это позволит привлекать дополнительных инвесторов за счет снижения рисков при условии государственного участия.

4.3. Сокращение отраслевых диспаритетов с помощью вертикальной интеграции и удлинения цепочек создания стоимости (далее – ЦСС) ⁸. Низкая фрагментированность ЦСС является одной из причин отраслевых диспаритетов региональной экономики, в том числе и инвестиционных. Ввиду сырьевого характера экономики и преобладания в структуре производства продукции низких переделов значительная часть отраслей недополучает доходы, сокращая и без того скудные возможности для инвестиций. Более глубокая переработка позволит усилить интеграцию крупных сырьевых предприятий с отраслями, нуждающимися в различного рода ресурсах. Это позволит оставлять большую часть доходов внутри экономики, а также перераспределить инвестиционные ресурсы.

Перспективным видится трансформация уже существующих цепочек создания стоимости в черной металлургии и химическом производстве. Также важным направлением может стать развитие цепочек в сельском хозяйстве (это позволит вывести отрасль из кризиса) и лесном комплексе. Необходимо внедрение в ЦСС, основой которых являются названные отрасли, звеньев в виде производств, включающих больше производственных стадий [24; 25], и как следствие – более глубокую переработку ресурсов, высокий мультипликатор добавленной стоимости и, что самое важное, большую величину дохода внутри экономики. К таким видам экономической деятельности относятся машиностроение, базой для которого может стать развитая металлургическая промышленность, производство резиновых и пластмассовых изделий, опирающиеся на химические производства, пищевое произ-

водство как продолжение сельскохозяйственной цепочки и целлюлозно-бумажное как основной потребитель продукции лесного комплекса.

4.4. Введение временного инвестиционного налогового стимула как инструмента поддержки предприятий в рамках постпандемического восстановления экономики. Жесткая периодизация стимулирует ускорение текущих инвестиционных расходов с возможностью использования налоговых льгот. Это позволит сократить издержки предприятий в краткосрочном для инвестирования периоде (от 1 до 3 лет). Предложенные меры будут способствовать повышению конкурентоспособности российских предприятий и усилению их инвестиционной привлекательности. Согласно оценкам Международного валютного фонда, изменение налоговой нагрузки на 1 % способствует росту инвестиций от 2,6 до 14,0 % [26]. Предполагаемые эффекты будут зависеть от гибкости бюджетно-налоговой политики [27].

5. Прогнозирование результатов активизации инвестиционной деятельности. Отметим, что мероприятия структурно-инвестиционной политики прежде всего направлены на формирование дополнительных возможностей роста экономики за счет усложнения структуры производства и повышения эффективности межотраслевых связей. Для научного обоснования требуется расчет последствий их реализации.

Для прогнозирования результатов реализации мероприятий в рамках вышеназванных направлений была использована модель производства экономики Вологодской области, основой которой является региональный межотраслевой баланс. В рамках данного исследования выдвигается прогнозная гипотеза о том, что достижение названной доли инвестиций в основной капитал в ВРП вызовет увеличение спроса на продукцию инвестиционного сектора (к которому относятся машиностроение и строительство) на 10 %. В рамках концепции межотраслевого баланса рост спроса на продукцию одной отрасли вызывает мультипликативные отклики в других. Итоговые показатели данного эффекта выражаются в росте выпуска, занятости и фонда оплаты труда.

Таблица 2. Предполагаемые эффекты реализации мер структурно-инвестиционной политики в Вологодской области в отраслевом разрезе

Table 2. Estimated effects of the implementation of structural and investment policy measures in the Vologda Oblast in the sectoral context

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска		Прирост численности работников, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн руб.
	%	млн руб.		
Экономика в целом	103,1	31 073	26 153	11 571
Производство транспортных средств и оборудования	196,1	1 795	1 569	617
Производство электрооборудования и электроники	170,1	6 776	581	375
Добыча полезных ископаемых	151,0	620	227	98
Финансовое посредничество; страхование	131,0	652	1 785	1 202
Производство резиновых и пластмассовых изделий	121,7	476	120	36
Производство машин и оборудования	120,4	1 908	2 743	1 180
Транспорт и связь	118,8	1 172	6 834	3 311
Текстильное, швейное и кожевенное производство	113,8	58	248	34
Государственное управление; социальное страхование	110,0	107	3 030	1 501
Строительство	109,6	8 008	2 308	921
Оптовая и розничная торговля	109,4	1 760	3 673	1 001
Производство стройматериалов и стекла	108,3	901	252	120

Примечание. Рассчитано на основе межотраслевого баланса Вологодской области (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621875).

6. Заключение. Вологодская область обладает значительным инвестиционным потенциалом (более 600 инвестиционных площадок, 4 индустриальных парка, выгодное географическое положение). Это позволяет ей стать одним из флагманов экономического роста российской экономики. Однако для этого необходимо принятие гибких решений в области экономической и, в частности, инвестиционной политики. Несмотря на активный рост инвестиционной деятельности, в регионе существует ряд проблем, которые обнажила пандемия COVID-19. Предложенные меры могут не только компенсировать ее последствия, но и дать дополнительный толчок экономическому развитию региона.

В настоящий момент проблематика исследования регионального инвестиционного процесса требует дополнительных изысканий в рамках следующих направлений:

1) внедрение в разрабатываемую нами межотраслевую модель экономики Вологодской области инвестиционного блока;

2) ведение оперативного мониторинга реализации инвестиционных проектов – на данный момент реализованы концептуальные аспекты работы, ведется сбор и обработка информации по текущим проектам в Вологодской области и смежных с ней регионах (Северо-Западный федеральный округ, европейская часть России);

3) разработка конкретных инструментов, форм и методов гибкой структурно-инвестиционной политики с целью превентивной реакции на изменяющиеся условия хозяйствования.

Результаты данного исследования могут быть полезны органам региональной власти, а также ученым, имеющим научный интерес к инвестиционной деятельности.

Примечания

¹ Дом "Э" – Инвестиции как драйвер российской экономики. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TMtLXNzMYIE>.

² Доля валового накопления в ВВП. Валовое накопление включает валовое накопление основного капитала, изменение запасов материальных оборотных средств и чистое приобретение ценностей.

Валовое накопление основного капитала представляет собой вложение резидентными единицами средств в объекты основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве, т. е. статистически – показатель, приближенный к инвестициям в основной капитал.

³ Для сравнения, норма накопления в Китае в 2019 г. составила 43,0 %, в Индонезии – 33,8 %, в Индии – 30,2 % – эти страны возглавляют список промышленно развивающихся.

⁴ Согласно экспертным оценкам, за 2008–2015 гг. общий объем капитала, вывезенного из России субъектами экономики и частными лицами, составил 30 трлн руб. (эквивалентно 16 % ВВП и 30 % доходов федерального бюджета, полученных в эти годы).

⁵ Основные предприятия-акторы инвестиционной деятельности в регионе, Череповецкий метал-

лургический комбинат и АО «Апатит», являются частью крупных холдингов (ПАО «Северсталь» и ПАО «Фосагро» соответственно), финансирующих их деятельность.

⁶ Making public investment more efficient: report. Washington, D.C.: International Monetary Fund, June 2015. 67 p. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/061115.pdf>.

⁷ В Вологодской области в 2020 г. доходы консолидированного бюджета увеличились на 4,6 %, в первую очередь из-за существенно повышенных межбюджетных трансфертов; также отмечен рост в акцизных сборах (8,7 %) [7].

⁸ В научной литературе под цепочкой создания стоимости понимается полный спектр видов деятельности, которые осуществляются предприятиями для доведения товара или услуги от стадии разработки до использования конечным потребителем [22; 23].

Литература

1. Лукин Е. В., Леонидова Е. Г., Сидоров М. А. Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 125–143. – DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8.
2. Аганбегян А. Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222, № 2. – С. 164–182. – DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-164-182.
3. Румянцев Н. М., Леонидова Е. Г. Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 169–183. – DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.10.
4. Аганбегян А. Г., Клепач А. Н., Порфирьев Б. Н., Узяков М. Н., Широков А. А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 6 (183). – С. 18–26. – DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26.
5. Ускова Т. В., Лукин Е. В., Воронцова Т. В., Смирнова Т. Г. Проблемы экономического роста территории : моногр. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 170 с.
6. Мазилев Е. А., Кремин А. Е. Роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии российских регионов: проблемы и тенденции // Проблемы развития территории. – 2018. – № 2 (94). – С. 7–18. – DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.1.
7. Сидоров М. А. Мониторинг экономики: ноябрь 2020 года // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 157–168. – DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.9.
8. Акиндинова Н. В., Бессонов В. А., Ясин Е. Г. Российская экономика: от трансформации к развитию : докл. НИУ ВШЭ к XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 10–13 апр. 2018 г.). – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 55 с.
9. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России : моногр. / под науч. ред. В. В. Ивантера. – М. : Научный консультант, 2017. – 196 с.
10. Глазьев С. Ю. О неадекватности денежно-кредитной политики и задаче рывка в экономическом развитии // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2018. – Т. 214, № 6. – С. 71–127.
11. Турыгин О. М. Рост инвестиций в основной капитал экономики региона за счет увеличения заемного финансирования // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 4. – С. 1348–1361. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-23.
12. Ивантер А., Механик А., Обухова Е., Ульянов Н. Реформа системы отрицательного КРП // Эксперт. – 2020. – № 49. – С. 13–18.
13. Гурова И. П. Офшорные инвестиции в российской экономике // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4. – С. 122–132.

14. Румянцев Н. М. Обоснование территориальных приоритетов инвестирования в Северо-Западном федеральном округе // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 5 (50). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28377>. – DOI: 10.15838/tidi.2019.5.50.3.
15. Калинина С. Л. Инвестиционная привлекательность региона // Вопросы территориального развития. – 2020. – Т. 8, № 2. – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28523>. – DOI: 10.15838/tidi.2020.2.52.3.
16. Ивантер В. В. Структурно-инвестиционная составляющая долгосрочной экономической стратегии России // Общество и экономика. – 2017. – № 8. – С. 5–32.
17. Николаев М. А., Мальшев Д. П. Методология построения механизма управления инвестиционной деятельностью в регионе // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономические и технические науки». – 2014. – № 4. – С. 3–17.
18. Nguyen C. T., Trinh L. T. The impacts of public investment on private investment and economic growth: Evidence from Vietnam // Journal of Asian Business and Economic Studies. – 2018. – Vol. 25, no. 1. – P. 15–32. – DOI: 10.1108/JABES-04-2018-0003.
19. Murova O., Khan A. Public investments, productivity and economic growth: A cross-state study of selected public expenditures in the United States // International Journal of Productivity and Performance Management. – 2017. – Vol. 66, no. 2. – P. 251–265. – DOI: 10.1108/IJPPM-12-2015-0190.
20. Лукин Е. В. Направления использования межотраслевого баланса в анализе и моделировании развития социально-экономических систем // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 1 (36). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2125>.
21. Ильин В. А., Поварова А. И. Проблемы эффективности государственного управления: Тенденции рыночных трансформаций; Кризис бюджетной системы; Роль частного капитала; Стратегия–2020: проблемы реализации : моногр. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
22. Караваев Д. С. Государственное регулирование инвестиционных процессов в условиях рыночных отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2008. – 26 с.
23. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы : моногр. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 148 с.
24. Лукин Е. В., Аносова Т. С., Мельников А. Е., Сидоров М. А. Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 101–116. – DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6.
25. Kaplinsky R. Globalisation and unequalisation: what can be learned from value chain analysis? // Journal of Development Studies. – 2000. – Vol. 37 (2). – P. 117–146. – DOI: 10.1080/713600071.
26. Zwick E., Mahon J. Tax Policy and Heterogeneous Investment Behavior // The American Economic Review. – 2017. – Vol. 107, no. 1. – P. 217–248.
27. Maffini G., Xing J., Devereux M. P. The Impact of Investment Incentives: Evidence from UK Corporation Tax Returns // American Economic Journal: Economic Policy. – 2019. – Vol. 11, no. 3. – P. 361–389.

References

1. Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, Vol. 11, no. 4, pp. 125-143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8. (in Russian).
2. Aganbegyan A.G. How to resume social and economic growth in Russia? *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2020, Vol. 222, no. 2, pp. 164-182. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-222-2-164-182. (in Russian).
3. Rumyantsev N.M., Leonidova E.G. Asymmetry problems of structural shifts in regional economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, Vol. 13, no. 6, pp. 169-183. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.10. (in Russian).
4. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiryev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development. *Studies on Russian Economic Development*, 2020, Vol. 31, no. 6, pp. 599-605. DOI: 10.1134/S1075700720060027.

5. Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii [Problems of economic growth of the territory]*, Monograph. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences publ., 2013. 170 p. (in Russian).
6. Mazilov E.A., Kremin A.E. The Role of Small Business in the Socio-Economic Development of Russian Regions: Problems and Trends. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 2 (94), pp. 7-18. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.1. (in Russian).
7. Sidorov M.A. Monitoring of the economy: November 2020. *Problems of Territory's Development*, 2021, Vol. 25, no. 1, pp. 157-168. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.9. (in Russian).
8. Akindinova N.V., Bessonov V.A., Yasin E.G. *Rossiiskaya ekonomika: ot transformatsii k razvitiyu [The Russian economy: from transformation to development]*, HSE report, to the 19th April international scientific conference on the problems of development of economy and society, Moscow, April 10-13, 2018. Moscow, HSE publ., 2018. 55 p. (in Russian).
9. Ivanter V.V. (ed.) *Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii [Structural and investment policy in order to ensure economic growth in Russia]*, Monograph. Moscow, Nauchnyi konsul'tant publ., 2017. 196 p. (in Russian).
10. Glazyev S.Yu. On the incoherence of monetary policy with the task of economic development breakthrough. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2018, Vol. 214, no. 6, pp. 71-127. (in Russian).
11. Turygin O.M. Growth of Fixed Capital Investments in the Regional Economy by Increasing Debt Financing. *Economy of region*, 2020, Vol. 16, iss. 4, pp. 1348-1361. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-23. (in Russian).
12. Ivanter A., Mekhanik A., Obukhova E., Ul'yanov N. Reforma sistemy otritsatel'nogo KPI [*Reform of the negative KPI system*]. *Ekspert*, 2020, no. 49, pp. 13-18. (in Russian).
13. Gurova I.P. Offshore investment in the Russian economy. *Studies on Russian Economic Development*, 2020, Vol. 31, no. 4, pp. 449-456. DOI: 10.1134/S1075700720040061.
14. Rumyantsev N.M. Justification of territorial investment priorities in the Northwestern Federal District. *Territorial development issues*, 2019, no. 5 (50), available at: http://vtr.isert-ran.ru/article/28377?_lang=en. DOI: 10.15838/t di.2019.5.50.3. (in Russian).
15. Kalinina S.L. Investment Attractiveness of the Region. *Territorial development issues*, 2020, Vol. 8, no. 2 (52), available at: http://vtr.isert-ran.ru/article/28523?_lang=en. DOI: 10.15838/t di.2020.2.52.3. (in Russian).
16. Ivanter V. Structural-investment component of long-term economic strategy of Russia. *Society and Economy*, 2017, no. 8, pp. 5-32. (in Russian).
17. Nikolaev M.A., Malyshev D.P. Methodology of constructing management mechanism of investment activities in the region. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Ekonomicheskie i tekhnicheskie nauki"*, 2014, no. 4, pp. 3-16. (in Russian).
18. Nguyen C.T., Trinh L.T. The impacts of public investment on private investment and economic growth: Evidence from Vietnam. *Journal of Asian Business and Economic Studies*, 2018, Vol. 25, no. 1, pp. 15-32. DOI: 10.1108/JABES-04-2018-0003.
19. Murova O., Khan A. Public investments, productivity and economic growth: A cross-state study of selected public expenditures in the United States. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2017, Vol. 66, no. 2, pp. 251-265. DOI: 10.1108/IJPPM-12-2015-0190.
20. Lukin E.V. Areas of Using Input-Output Balances in Analyzing and Simulating the Development of Socio-Economic Systems. *Territorial development issues*, 2017, no. 1 (36), available at: http://vtr.isert-ran.ru/article/2125?_lang=en. (in Russian).
21. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Public administration efficiency: Market transformation trends; Crisis of the budget system; Role of private capital; Strategy-2020: implementation issues*, Monograph. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences publ., 2014. 188 p. (in Russian).
22. Karavaev D.S. *Gosudarstvennoe regulirovanie investitsionnykh protsessov v usloviyakh rynochnykh otnoshenii [State regulation of investment processes in the conditions of market relations]*, PhD Thesis. Moscow, 2008. 26 p. (in Russian).

23. Lukin E.V., Uskova T.V. *Mezhregional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Interregional economic cooperation: status, problems, prospects], Monograph. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences publ., 2016. 148 p. (in Russian).

24. Lukin E.V., Anosova T.S., Mel'nikov A.E., Sidorov M.A. Experience in agent-based modeling of interregional value chains. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, Vol. 13, no. 6, pp. 101-116. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6.

25. Kaplinsky R. Globalisation and unequalisation: what can be learned from value chain analysis? *Journal of Development Studies*, 2000, Vol. 37, iss. 2, pp. 117-146. DOI: 10.1080/713600071.

26. Zwick E., Mahon J. Tax Policy and Heterogeneous Investment Behavior. *The American Economic Review*, 2017, Vol. 107, no. 1, pp. 217-248.

27. Maffini G., Xing J., Devereux M.P. The Impact of Investment Incentives: Evidence from UK Corporation Tax Returns. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2019, Vol. 11, no. 3, pp. 361-389.

Сведения об авторе

Румянцев Никита Михайлович – инженер-исследователь

Адрес для корреспонденции: 160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а

E-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443

ResearcherID: AAC-2818-2019

РИНЦ AuthorID: 1067960

About the author

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer

Postal address: 56a, Gor'kogo ul., Vologda, 160014, Russia

E-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443

ResearcherID: AAC-2818-2019

RSCI AuthorID: 1067960

Для цитирования

Румянцев Н. М. Активизация инвестиционной деятельности региона в условиях постпандемии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 117–130. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).117-130.

For citations

Rumyantsev N.M. Increasing the investment activity of the region in the conditions of post-pandemic. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 117-130. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).117-130. (in Russian).

ФАКТОРЫ УСПЕХА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Ю.А. Фомина, И.В. Катунина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
24 февраля 2021 г.

Дата принятия в печать
25 марта 2021 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Фактор успеха, барьер, социальное предпринимательство, образование, Европейский Союз, качественное образование

Финансирование. Реализация проекта «Социальное предпринимательство: опыт и практики Европейского Союза» № 2017-3334/040-001 происходит при финансовой поддержке Европейской Комиссии в рамках программы Жан Монне. Содержание данного материала отражает мнение авторов, Европейская Комиссия не несет ответственности за использование содержащейся в нем информации.

Аннотация. Данное исследование нацелено на выявление, анализ и обобщение факторов, способствующих или препятствующих успеху социального предпринимательства в образовательной сфере Европейского Союза. Авторы использовали методологию качественного исследования, в частности метод коллективного кейс-стади. Объектом исследования стали семь социальных предприятий, действующих в сфере образования и просвещения ЕС на разных уровнях: от местного до международного. Анализ данных велся как вручную, так и с помощью программного обеспечения для анализа качественных данных – QDA Miner. Результатом исследования стало выявление пяти групп факторов, способствующих и препятствующих успеху социального предпринимательства в области образования и просвещения ЕС. В частности, это такие парные группы факторов, как сетевое взаимодействие, формирование социального капитала – слабое сетевое взаимодействие; профессионализм, увлеченность, сплоченность команды – слабость команды; финансовая (экономическая) устойчивость – ограниченность финансовых ресурсов; открытость мышления участников, их готовность к новшествам – барьеры в мышлении. Также были выявлены две непарные группы факторов успеха: значимость социальной миссии, приверженность социальной миссии и созданию новой социальной ценности; также политические и бюрократические барьеры. Выявленные группы факторов успеха в целом совпадают с факторами успеха, характерными для социального предпринимательства. Мы не обнаружили отличий в факторах успеха, диктуемых принадлежностью организаций к ЕС или к сфере образования и просвещения. Определенные отличия проявлялись только в детализации факторов. Еще одним результатом исследования стало выявление приоритета фактора социальной и, в меньшей степени, фактора экономической устойчивости как факторов успеха социального предпринимательства в сфере образования и просвещения ЕС. Это также подтверждается выбором качественного образования (ЦУП 4) как приоритетной цели устойчивого развития во всех проектах. В то же время экологическая устойчивость игнорируется как фактор успеха, что ограничивает возможности сбалансированного устойчивого развития и соответственно долгосрочного успеха.

SUCCESS FACTORS OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE FIELD OF EDUCATION AND ENLIGHTENMENT OF THE EUROPEAN UNION

Yu.A. Fomina, I.V. Katunina

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
February 24, 2021

Accepted
March 25, 2021

Type paper

Research paper

Abstract. This study aims to identify, analyze and summarize the factors contributing or hindering the success of social entrepreneurship in the field of education of the European Union. The authors used a qualitative research methodology, in particular, the method of collective case study. The object of research includes seven social enterprises operating in the field of education and enlightenment of the EU at different levels: from local to international. Data analysis was carried out both manually and using the Qualitative Data Analysis Software – QDA Miner. The study led us to some results including the identification of five groups of factors contributing and hindering the success of social entrepreneurship in the field of education and enlightenment of the EU. In particular, there are the following paired groups of factors: networking, social capital development vs. weak networking; professional-

Keywords

Success factor, barrier, social entrepreneurship, education, the European Union, Quality Education

Acknowledgement. The project "Social Entrepreneurship: the European Union Experience and Practices", No. 2017-3334/040-001, is co-financed by European Commission within the framework of Jean Monnet Actions. The European Commission support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents which reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

1. Введение. Данная статья является продолжением коллективного кейс-стади в сфере образования и просвещения Европейского Союза (ЕС). Первая часть исследования¹ посвящена мотивам социального предпринимательства в ЕС. Вторая часть исследования, результаты которого представлены в данной статье, имеет целью выявление и обобщение факторов, способствующих успеху социального предпринимательства в сфере образования и просвещения, а также факторов, препятствующих успеху (барьеров и ограничений).

Несмотря на общую эмпирическую базу, обе части представляют собой достаточно самостоятельные исследования, которые могут быть рассмотрены читателями независимо друг от друга.

В данном исследовании используется методология качественного исследования, в частности авторы применяли метод коллективного кейс-стади. Объектом данного исследования являются семь социальных предприятий (*social enterprises*), действующих в сфере образования и просвещения ЕС на разных уровнях: от локального (уровень местного сообщества) до международного (уровень Европейского Союза) (См. приложение). Нумерация кейсов внутри коллективного кейс-стади сохранена (один из восьми кейсов исключен в процессе анализа данных). Сбор данных основывался на методе триангуляции. Для анализа качественных данных использовалось программное обеспечение – *QDA Miner 2.0.8 (Qualitative Data Analysis Software)*.

Ответом на первый исследовательский вопрос стало выявление групп факторов, спо-

ism, dedication, team cohesion vs. a weak team; financial (economic) sustainability vs. limited financial resources; open minded participants, their readiness to innovate vs. barriers in thinking. We also identified two unpaired groups of success factors: significance of social mission, commitment to the social mission and creation of a new social value; and political and bureaucratic barriers. The identified groups of success factors basically are the same as success factors specific to social entrepreneurship in general. We did not find the factors of success influenced by the belonging of organizations to the EU or to the field of education and enlightenment. Certain differences appear only in the details of the factors. One more result of the study lies in the identification of the priority of the social factor and, to a lesser extent, the economic factor of sustainability as success factors of social entrepreneurship in the field of education and enlightenment of the EU. This is also confirmed by the choice of Quality Education (SDG 4) as a prior Sustainable Development Goal in all projects. At the same time, environmental sustainability is ignored as a success factor, that limits the possibilities for balanced sustainable development and, accordingly, long-term success.

собствующих и препятствующих успеху социального предпринимательства в области образования и просвещения ЕС. Среди факторов, влияющих на успех, можно выделить следующие: сетевое взаимодействие (нетворкинг) и формирование социального капитала; профессионализм, увлеченность, сплоченность команды; финансовая (экономическая) устойчивость; открытость мышления участников, их готовность к новшествам; значимость социальной миссии, приверженность социальной миссии и созданию новой социальной ценности; также политические и бюрократические барьеры.

При ответе на второй исследовательский вопрос о сходстве и отличии факторов успеха социального предпринимательства в ЕС в сфере образования и просвещения в отношении известных факторов успеха социального предпринимательства мы не выявили какой-либо связи между группами факторов успеха и принадлежностью организаций к Европейскому Союзу. Выявленные группы факторов успеха в целом совпадают с факторами успеха, характерными для социального предпринимательства в целом. Отличия проявлялись только в детализации факторов.

Ответом на третий исследовательский вопрос стало выявление того факта, что в социальном предпринимательстве в сфере образования и просвещения ЕС основное внимание уделяется социальной и экономической устойчивости как факторам успеха, тогда как экологическая составляющая игнорируется (по крайней мере о ней не говорят как о факторе успеха), что не позволяет говорить о сбалансированном

устойчивом развитии как факторе долгосрочного успеха.

2. Обзор литературы. Социальное предпринимательство, являясь новой формой предпринимательской деятельности, имеет как свои уникальные черты, так и наследует черты классического предпринимательства.

Уникальность социального предпринимательства заключается в создании новой социальной ценности на основе инновационной предпринимательской деятельности [1; 2], другими словами, в реализации социальной / экологической миссии через предпринимательство [3], в стремлении к позитивным изменениям в экосистемах общества и планеты [4], в стремлении к социальной и экологической устойчивости [5].

По словам Муххамада Юнуса, лауреата Нобелевской премии мира 2006 г., одного из основоположников социального предпринимательства, «это не благотворительность. Это бизнес».

Еще одной уникальной чертой социального предпринимательства является создание гибридной системы аккумуляции и распределения денежных потоков [3; 6–8]. Среди основных источников, формирующих притоки денежных средств, выделяют выручку от реализации товаров / услуг, благотворительные взносы / пожертвования, членские взносы (на безвозвратной основе), гранты, взносы в капитал организации (как правило, на возвратной основе), субсидии. Привлеченные средства расходуются на достижение социальной миссии организации; прибыль, как правило, не распределяется между участниками, а реинвестируется, что, впрочем, не изменяет их доли в капитале [9; 10].

От классического предпринимательства социальное предпринимательство унаследовало такие черты, как деятельностный подход, инновационность, стремление к экономической устойчивости и независимости [11–13].

Социальное предпринимательство, сочетая стремление к экономической и социальной, экологической устойчивости в достижении своей миссии, всё больше ассоциируется с концепцией устойчивости и устойчивого предпринимательства [14].

И хотя одни ученые полагают, что устойчивое предпринимательство отлично от социального и экологического предпринимательства [15; 16], а другие утверждают, что устой-

чивое предпринимательство включает в себя как социальное, так и экологическое предпринимательство [17; 18], тем не менее очевидно, что идеи социального предпринимательства во многом пересекаются с концепцией устойчивого развития [19; 20]. Социальное предпринимательство обеспечивает экономическую эффективность в долгосрочной перспективе, одновременно решая социальные и/или экологические проблемы и обеспечивая успешный социальный бизнес.

Возможности достижения успеха в социальном предпринимательстве также активно обсуждаются в современных исследованиях с разных позиций. Например, J. Dees указывает на необходимость интеграции ценностей двух культур (культуры благотворительности и культуры предпринимательства) для успеха социального предпринимательства [11].

Успешность социального предпринимательства может быть определена через создание «социальных благ», «социальной ценности» с положительными экстерналиями, достижение социальной миссии и решение социальных и экологических проблем [21; 22]. Выделяют три критерия измерения успешности социального предпринимателя: достижение заявленных целей; способность обеспечить устойчивую текущую деятельность, включая получение ресурсов; способность находить ресурсы для дальнейшего роста и развития [23].

Фонды, поддерживающие социальных предпринимателей, вырабатывают свои критерии оценки достижения успеха. Например, Фонд Ашока (*the Ashoka Foundation*) предлагает такие критерии, как способность продемонстрировать новизну идеи, креативность, социальное воздействие идеи, этичность, качество предпринимательства (экономические показатели). Фонда Шваба (*the Schwab Foundation*) выдвигает следующие критерии выбора социальных предпринимателей, которые добились успеха в течение длительного периода: преобразующие социальные изменения; организационная устойчивость; доказанное социальное и/или экологическое воздействие; охват и масштаб; масштабируемость [24].

Факторы, влияющие на успех социального предпринимательства, изучались многими учеными. Среди известных факторов успеха социального предпринимательства – взаимодействие в социальных сетях (*social networking*) и создание социального капитала (*social*

capital) [25–28]. В частности, О. Lehner, анализируя трансформацию социального капитала в экономический капитал, доказал, что успех социальных предприятий основан на социальном капитале предпринимательской команды [29]. Успех социального предпринимательства посредством сетевого взаимодействия всё больше основан на использовании информационно-коммуникационных технологий [30].

Факторы, которые могут повысить успех социального предприятия, можно разделить на внутренние (включая лидерство и приверженность социальной цели; привлечение ресурсов; встроенное сетевое взаимодействие) и внешние (благоприятная государственная политическая среда; динамичная социальная среда; слабая экономическая среда); также можно выделить процессы, способствующие успешному социальному предпринимательству (ориентация на социальное предпринимательство; постоянная адаптация миссии; постоянная реализация имеющихся возможностей) [27].

Возможности, открывающиеся перед социальным предпринимателем, конструируются как его внутренней мотивацией и предприимчивостью, так и организационной, социальной, институциональной и рыночной средой (контекстом), в которую встроен предприниматель [31]. С одной стороны, эти контекстуальные силы создают барьеры, или факторы сопротивления, социальному предпринимательству, с другой стороны, именно они обеспечивают успех социальных инноваций [31; 32].

Среди факторов, способствующих успеху социальных предприятий, выделяют такие, как: 1) социальная сеть предпринимателя; 2) приверженность успеху предприятия; 3) наличие первоначального капитала на этапе создания предприятия; 4) принятие идеи в общественном дискурсе; 5) состав венчурной команды, включая соотношение волонтеров и наемных работников; 6) обеспечение долгосрочного сотрудничества в государственном и некоммерческом секторах; 7) способность выдержать проверку рынком; 8) предыдущий управленческий опыт предпринимателей [23].

Еще одним фактором успеха является обеспечение устойчивости предприятия, в частности применение в комплексе социальной, экологической и экономической составляющих устойчивого развития [30; 33; 34].

Обучение социальных предпринимателей, в том числе начинающих, также достаточно

часто рассматривается как ключевой фактор успеха [28; 35; 36].

Несмотря на всплеск исследований, посвященных социальному предпринимательству, вопросы, связанные с региональной и отраслевой спецификой факторов, влияющих на успех социального предпринимательства, еще недостаточно хорошо изучены. В частности, открытыми остаются вопросы, связанные с изучением факторов, влияющих на успех социального предпринимательства в сфере образования и просвещения Европейского Союза [37–39].

3. Исследовательские вопросы и методы исследования. Приведенный выше обзор литературы привел нас к следующим исследовательским вопросам:

1. Каковы основные факторы успеха и барьеры социального предпринимательства в сфере образования и просвещения Европейского Союза?

2. В чем сходство и отличие факторов успеха социального предпринимательства в ЕС в сфере образования и просвещения в отношении известных факторов успеха социального предпринимательства?

3. Как факторы успеха в сфере образования и просвещения ЕС соотносятся с концепцией устойчивого развития?

Поскольку подробное описание методологии исследования приведено в первой части исследования, ниже мы остановимся только на его ключевых моментах.

Во-первых, в основе данной работы лежит методология качественного исследования [40], широко применяемая в работах по социальному предпринимательству [41; 42]. Во-вторых, методология качественного исследования реализуется путем применения метода кейс-стади, в частности метода коллективного кейс-стади (*collective case study*) [40; 43; 44].

Объект данного исследования представлен семью организациями, основная деятельность которых связана с образованием и просвещением на территории Европейского Союза (от муниципального до международного уровня). Включение в коллективный кейс осуществлялось на основе принципов принадлежности к определенной группе: социальное предприятие, зарегистрированное на территории ЕС [9]; сфера образования и просвещения как основная сфера деятельности – и максимизации вариативности данных (предприятия ме-

стного уровня, регионального и национально-го уровней, а также уровня ЕС) [45].

В-третьих, в основе сбора данных лежал метод триангуляции данных [46; 47], включая личные интервью с руководителями, наблюдения на местах, анализ документов и материалов.

Большая часть информации была собрана авторами в 2017–2019 гг., в 2020 г. в связи с пандемией и карантинными мероприятиями проводился только анализ документов и уточнение полученной ранее информации.

В-четвертых, анализ данных осуществлялся частично вручную в *MS Word* и *Excel* с использованием методики контент-анализа, частично с использованием программного обеспечения для анализа качественных данных – *QDA Miner 2.0.8 (Qualitative Data Analysis Software)*. Использование *QDA Miner* во второй части исследования (в первой мы не использовали данное программное обеспечение) обусловлено

прежде всего большим объемом данных, связанных с факторами успеха.

Как в первой, так и во второй части исследования мы использовали многоступенчатую схему контент-анализа данных: ознакомление с данными; назначение кодов к данным; формирование категорий; поиск и формулировка тем; обобщение [48]. Использование *QDA Miner* позволило обеспечить итерационный характер анализа данных и выявить факторы, влияющие на успех социального предпринимательства в сфере образования и просвещения ЕС.

4. Результаты исследования. Результатом исследования стало выявление как факторов, способствующих успеху социального предпринимательства в сфере образования и просвещения в Европейском Союзе, так и факторов, препятствующих успеху (барьеров, препятствий). В табл. 1 парные факторы приведены на одной строке, непарные – разделены.

Таблица 1. Факторы успеха и барьеры социального предпринимательства в сфере образования и просвещения Европейского Союза

Table 1. Factors of success and barriers of social entrepreneurship in the field of education and enlightenment of the European Union

<i>Факторы успеха</i>	<i>Барьеры</i>
1. Сетевое взаимодействие и формирование социального капитала	1. Слабое социальное взаимодействие (нетворкинг)
2. Состав команды проекта – профессионализм, увлеченность, сплоченность	2. Слабая внутренняя организация, в том числе команды проекта, внутренние конфликты в команде
3. Финансовая устойчивость	3. Ограниченность финансовых ресурсов
4. Открытость мышления участников, готовность к новшествам, новым знаниям и навыкам	4. Барьеры в мышлении участников
5. Значимость социальной миссии, приверженность социальной миссии и созданию новой социальной ценности (в том числе инновационной)	–
–	5. Бюрократические и политические барьеры

Для выявления факторов успеха мы попросили респондентов ответить на вопрос: «Каковы основные факторы, ведущие к успеху Вашего социально-предпринимательского проекта?» В результате анализа были выявлены следующие группы факторов:

1. **Сетевое взаимодействие (создание социальной сети, нетворкинг) и формирование социального капитала.** Участники отмечали важность эмоциональной составляющей в формировании устойчивой сети (устойчивых связей) и социального капитала – это получение положительных эмоций, радости, удовольствия от деятельности, от работы в команде, общения и т. п.:

- *Создание международной сети (international network) на основе студенческих городов... Установление связей между студентами Европы (ЕС2).*

- *Дружба. Получение удовольствия (having fun) от работы в мультикультурной группе (ЕС2).*

- *Организация предоставляет своим членам идеальное сочетание деятельности и удовольствия (fun) (ЕС3).*

- *Волонтеры, которые хотят провести с этими детьми свое свободное время... Дети не только попадали в учреждения культуры, но и наслаждались обществом и вниманием взрослого (волонтера) (ЕС4).*

- Дружественные отношения между участникам (учителей и учеников) (ЕС6).

- Когда студенты оказываются в другой стране, то они чувствуют себя счастливыми, если кто-то говорит с ними на их родном языке. Приходя в университет, они расстраиваются, грустят. Мы помогаем им – не быть в стрессе от учебы и всех бюрократических процедур. Мы чувствуем ответственность за них (граждан моей страны) (ЕС7).

2. Состав команды проекта – профессионализм, увлеченность, сплоченность:

- Правильный подбор волонтеров, которые работают с детьми, организаторами фонда (ЕС4).

- Командный дух, умение полагаться на других, добросовестность, инициативность (ЕС5).

- Слаженная командная работа (ЕС6).

- Учителя с различным культурным опытом и языковыми навыками (ЕС6).

- Привлечение студентов на практику, в качестве волонтеров, активное взаимодействие с университетом (ЕС8).

3. Финансовая устойчивость:

- Поддержка тренингов Европейским социальным фондом (ЕС8).

4. Открытость мышления участников, готовность к новшествам, новым знаниям и навыкам:

- Потребность в создании общей Европейской идентичности и понимании другой культуры (ЕС2).

- Стремление участников к созданию более свободного, справедливого и демократического общества (ЕС3).

- Быть открытым (*being open minded*) (ЕС6).

- Потребность в улучшении навыков... языка у детей, в том числе иммигрантов (ЕС6).

- Потребность участников в усилении их компетенций: навыков коммуникации, управленческих навыков, управленческого мышления, программировании, работе с большими данными, фандрайзинге, управлении проектами, управлении устойчивостью, новым моделям социального предпринимательства (ЕС8).

5. Значимость социальной миссии, приверженность социальной миссии и созданию новой социальной ценности (в том числе инновационной):

- Создание международной организации без привязки к национальному уровню для

формирования Европейской идентичности (ЕС2).

- Главным фактором успеха был высокий интеллектуальный уровень послания, или миссии этой организации, способность показать, что наше послание полезно для людей (ЕС3).

- Это наше стремление внедрить социальные инновации (ЕС8).

Для выявления факторов, препятствующих успеху, участники исследования ответили на вопрос: «Каковы основные препятствия, барьеры на пути к успеху Вашего социально-предпринимательского проекта?» Среди факторов, препятствующих успеху, мы выделили следующие:

1. Слабое социальное взаимодействие (нетворкинг):

- Небольшая организация, известная только профессионалам, а не простым людям (ЕС3).

- Сложно найти достаточное количество волонтеров, чтобы обеспечить потребность в сопровождении детей (ЕС4).

2. Слабая внутренняя организация, в том числе команды проекта, внутренние конфликты в команде:

- Серьезные конфликты внутри организации за идентичность своих идей (идеологические конфликты) (ЕС3).

- Размывание ответственности, обязательств в команде (ЕС5).

- Неопределенность в количестве участников курса (не известно сколько учеников присоединиться к курсу) (ЕС6).

3. Ограниченность финансовых ресурсов:

- Финансовые барьеры. У нас нет таких ресурсов, как у политических партий. Небольшой бюджет (ЕС3).

4. Барьеры в мышлении участников:

- Преодоление национальных рамок мышления для перехода на международный (европейский) уровень взаимодействия (ЕС2).

- Миссия очень сложная, высокоинтеллектуальная, что осложняет ее восприятие и ограничивает привлечение потенциальных участниками (ЕС3).

- Пассивное отношение участников, когда они ждут только государственных грантов (ЕС8).

5. Бюрократические и политические барьеры:

- Получение визы для отдельных людей, участвующих в проекте (ЕС2).

- Основными барьерами были политические барьеры (ЕС3).
- Барьеры – у нас нет барьеров для реализации проекта, основные трудности – в бюрократии (ЕС7).
- Основные проблемы связаны с государственной политикой и поддержкой популистских партий... Сложности, связанные с социально-политическим климатом (ЕС8).

В табл. 2 приведены ответы участников исследования на дополнительные вопросы, связанные с их оценочным суждением успешности проекта, его инновационности, пропорциональности прилагаемых усилий и результатов (эффективности), а также достижением целей устойчивого развития (далее – ЦУР).

Таблица 2. Успешность, инновационность, эффективность и устойчивость социального предпринимательства

Table 2. Success, innovation, efficiency and sustainability of social entrepreneurship

Код проекта	Считаете ли Вы свой проект успешным?	Считаете ли Вы свой проект инновационным?	Сопоставьте результаты и усилия Вашей команды и волонтеров. Что больше – усилия или результаты?	Направлены ли Ваши проекты на достижение ЦУР? Если да, то на какие именно?
ЕС2	Да	Да	Результаты	ЦУР 4, 16, 17
ЕС3	Да	Да	Сложно сказать	ЦУР 4, 16, 17
ЕС4	Да	Да	Результаты	ЦУР 4, 10
ЕС5	Возможно	Да	Равенство усилий и результатов	ЦУР 4, 5, 10
ЕС6	Да	Да	Усилия	ЦУР 4, 5, 10
ЕС7	Да	Нет	Равенство усилий и результатов	ЦУР 4, 10
ЕС8	Да	Да	Результаты	ЦУР 4, 8, 9

Таблица 2 показывает, что большая часть респондентов считает свои социально-предпринимательские проекты успешными и инновационными (в обоих случаях – шестеро из семи). Что касается эффективности прилагаемых усилий, то здесь наблюдается большой разброс мнений участников: трое считают, что результаты превысили усилия, двое говорят о равенстве результатов и усилий, один считает, что усилия превышают результат, и еще один затруднился дать ответ.

Что касается достижения целей устойчивого развития, то все участники единогласно в первую очередь говорили о соответствии их деятельности ЦУР 4 – качественное образование, что соответствует выбранной сфере образования и просвещения. Кроме того, среди указанных целей звучали ЦУР 5 – гендерное равенство; ЦУР 8 – достойная работа и экономический рост; ЦУР 9 – индустриализация, инновации и инфраструктура; ЦУР 10 – уменьшение неравенства; ЦУР 16 – мир, правосудие и эффективные институты; ЦУР 17 – партнерство в интересах устойчивого развития.

5. Дискуссия. Первой парной группой факторов, способствующих / препятствующих

успеху, является сетевое взаимодействие и формирование социального капитала, а в качестве барьера – их слабость или отсутствие. Данные результаты в исследовании были, наверное, самыми ожидаемыми, поскольку воздействие социальных сетей и социального капитала на социальное предпринимательство обсуждается достаточно давно и подкреплено большим количеством работ [23; 25–29]. Сетевое взаимодействие и социальный капитал являются важнейшими составляющими социальной устойчивости социального предпринимательства (как одного из факторов устойчивого развития) [30; 33].

Второй парной группой факторов, влияющих на успех проекта, являются характеристики команды, на одной стороне – профессионализм, увлеченность, командный дух, слаженность работы, умение привлечь волонтеров, на другой – слабая организация, конфликты, неопределенность, что также подтверждает данные предыдущих исследований [23; 33]. Участники неоднократно подчеркивали значимость фактора квалификации и культуры учителей, преподавателей, волонтеров, что можно считать характерной чертой социального

предпринимательства в сфере образования и культуры. Состав, квалификация и взаимодействие членов команды также формируют социальную устойчивость социального предпринимательства [30; 33].

Таким образом, первая и вторая группа факторов успеха относятся к одной из трех базовых составляющих устойчивого развития (социальной устойчивости).

Третьей парной группой факторов является финансовая устойчивость – финансовая неустойчивость проектов. В приложении представлены предприятия, вошедшие в выборку. Практически все исследуемые организации имеют гибридную форму финансирования, что характерно для социального предпринимательства в целом, поскольку она обеспечивает экономическую устойчивость. Экономическая устойчивость как фактор успеха социального предпринимательства [27; 49] и одновременно базовый компонент устойчивого развития социального предпринимательства [30; 33] также неоднократно обсуждалась в современных исследованиях по социальному предпринимательству.

Четвертую группу факторов, влияющих на успех, мы можем охарактеризовать как открытость мышления участников, их готовность к новшествам, инновациям, новым знаниям, к тому, чтобы учить и учиться самим. Открытость мышления играет ключевую роль в успехе социальных инноваций, в принятии обществом идей социального предпринимательства [23]. Открытость мышления обеспечивает динамичность институциональной, организационной и социальной среды, что так необходимо для успеха социального предпринимательства [27; 31].

Пятой непарной группой факторов успеха социального предпринимательства в сфере образования и просвещения является значимость социальной миссии, приверженность социальной миссии, создание новой социальной ценности (в том числе инновационной). Данная группа факторов обсуждалась учеными, в том числе как «приверженность социальной цели» [27], «приверженность успеху предприятия» [23].

Пятым (непарным) фактором неуспеха социального предпринимательства были названы бюрократические и политические барьеры. Данный фактор рассматривался учеными ранее, в частности как влияние государственной политической среды [27], институциональной среды [31]. Надо отметить, что хотя отдельные

ученые рассматривают сопротивление внешней среды как один из факторов, ведущих к успеху [31; 32], в нашем исследовании мы не нашли подтверждения данному факту.

6. Заключение. Результатом данного исследования стало выявление пяти групп факторов, способствующих и препятствующих успеху. Четыре группы факторов являются парными, т. е. когда мы говорим об успехе – данный фактор присутствует, о неуспехе, барьерах – наблюдается нехватка или отсутствие данного фактора. Это такие группы факторов, как: 1) сетевое взаимодействие (нетворкинг) и формирование социального капитала – слабое сетевое взаимодействие; 2) профессионализм, увлеченность, сплоченность команды – слабость команды; 3) финансовая (экономическая) устойчивость – ограниченность финансовых ресурсов; 4) открытость мышления участников, их готовность к новшествам – барьеры в мышлении.

Кроме того, мы выделили две непарные группы факторов успеха. К пятой группе факторов, способствующих успеху, мы отнесли значимость социальной миссии, приверженность социальной миссии и созданию новой социальной ценности, к пятой группе факторов, препятствующих успеху, – политические и бюрократические барьеры.

В ходе исследования мы не выявили какой-либо связи между группами факторов успеха и принадлежностью организаций к Европейскому Союзу, хотя предметная область реализуемых проектов зачастую напрямую связана с Европейским Союзом.

Все выявленные группы факторов успеха можно считать характерными для социального предпринимательства в целом [26–29; 31]. Влияние принадлежности организаций к сфере образования и просвещения проявлялось в детализации факторов: например, когда речь шла о формировании сетевого взаимодействия, говорили о важности эмоциональной составляющей (*having fun*); когда речь шла о команде – то говорили прежде всего о квалификации и увлеченности педагогов и волонтеров; открытость мышления (*being open minded*) участники связывали не только с инновациями, но и с готовностью учиться, воспринимать новые знания – как учениками, так и самими учителями.

Что касается устойчивости организации как фактора успеха социального предпринимательства [30; 33; 34], то мы выявили, что

социальные предприниматели в сфере образования и просвещения ЕС уделяют внимание только двум из трех базовых факторов устойчивости – социальному и экономическому, видимо, оставляя экологическую составляющую экологическому или устойчивому предпринимательству. При этом отмечается явный приоритет социальных факторов как факторов успеха. Это подтверждается также выбором приоритетных целей устойчивого развития: главной целью в проектах является ЦУР 4 – качественное образование, также звучали ЦУР 5, 10, 16, 17, относящиеся к социальной сфере, и только в одном случае ЦУР 8 и 9, связанные с экономикой, тогда как ЦУР в области эколо-

гии не было ни в одном проекте. Известно, что устойчивое развитие организации как фактор успеха базируется на балансе трех составляющих – экономической, экологической и социальной устойчивости. Игнорирование одной из трех составляющих устойчивости ограничивает возможности устойчивого развития и, следовательно, долгосрочного успеха организации, в том числе в сфере образования и просвещения.

Примечание

¹ Фомина Ю.А., Катунина И.В. Мотивы социального предпринимательства в сфере образования и просвещения Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. (В печати).

Литература / References

1. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and Commercial Entrepreneurship: Same, Different, or Both? *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2006, Vol. 30, iss. 1, pp. 1-22.
2. Ghalwash S., Tolba A., Ismail A. What motivates social entrepreneurs to start social ventures? An exploratory study in the context of a developing economy. *Social Enterprise Journal*, 2017, Vol. 13, iss. 3, pp. 268-298.
3. Alter S.K. *Social enterprise: A typology of the field contextualized in Latin America*, Working Paper. Washington, DC, 2003. 93 p.
4. Chahine T. *Introduction to Social Entrepreneurship*. Boca Raton, CRC Press, 2016. 314 p.
5. Stecker M.J. Revolutionizing the Nonprofit Sector Through Social Entrepreneurship. *Journal of Economic Issues*, 2014, Vol. 2, pp. 349-357.
6. Pache A.C., Santos F. Inside the hybrid organization: selective coupling as a response to competing institutional logics. *Academy of Management Journal*, 2012, Vol. 56, pp. 972-1001.
7. Alberti F.G., Varon Garrido M.A. Can profit and sustainability goals co-exist? New business models for hybrid firms. *Journal of Business Strategy*, 2017, Vol. 38, no. 1, pp. 3-13. DOI: 10.1108/JBS-12-2015-0124.
8. Davies I.A., Doherty B. Balancing a Hybrid Business Model: The Search for Equilibrium at Cafedirect. *Journal of Business Ethics*, 2019, Vol. 157, pp. 1043-1066.
9. Monzón J.L., Chaves R. *The Social Economy in the European Union*, Report. Brussel, European Economic and Social Committee publ., 2012. 116 p.
10. Doherty B., Haugh H., Lyon F. Social enterprises as hybrid organizations: A review and research agenda. *International journal of management reviews*, 2014, Vol. 16, iss. 4, pp. 417-436.
11. Dees J.G. A Tale of Two Cultures: Charity, Problem Solving, and the Future of Social Entrepreneurship. *Journal of Business Ethics*, 2012, Vol. 111, iss. 3. Social Entrepreneurship in Theory and Practice, pp. 321-334.
12. Keohane G.L. *Social Entrepreneurship for the 21st Century: Innovation across the nonprofit, private, and public sector*. McGraw-Hill, 2013. 272 p.
13. Lubberink R., Blok Ophem V.J., Omta O. Responsible innovation by social entrepreneurs: an exploratory study of values integration in innovations. *Journal of Responsible Innovation*, 2019, Vol. 6, iss. 2, pp. 179-210.
14. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2010, Vol. 1, iss. 1, pp. 32-53.
15. Schaltegger S., Wagner M. Sustainable entrepreneurship and sustainability innovation: categories and interactions. *Business Strategy and the Environment*, 2011, Vol. 20, iss. 4, pp. 222-237.
16. Munoz P., Cohen B. Sustainable Entrepreneurship Research: Taking Stock and Looking Ahead. *Business Strategy and the Environment*, 2018, Vol. 27, iss. 3, pp. 300-322. DOI: 10.1002/bse.2000.

17. Hockerts K., Wüstenhagen R. Greening Goliaths versus emerging Davids – Theorizing about the role of incumbents and new entrants in sustainable entrepreneurship. *Journal of Business Venturing*, 2010, Vol. 25, iss. 5, pp. 481-492.
18. Vuorio A.M., Puumalainen K., Fellnhofer K. Drivers of entrepreneurial intentions in sustainable entrepreneurship. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2018, Vol. 24, iss. 2, pp. 359-381.
19. Robertson M. *Sustainability Principles and Practice*, 2nd ed. Routledge publ., 2017. 418 p.
20. United Nations. *Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*, A/RES/70/1. United Nations publ., 2015. Available at: <https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981>.
21. Cukier W., Trenholm S., Dale C., Gekas G. Social Entrepreneurship: A Content Analysis. *Journal of Strategic Innovation and Sustainability*, 2011, Vol. 7, iss. 1, pp. 99-119.
22. Santos F.M. A positive theory of social entrepreneurship. *Journal of Business Ethics*, 2012, Vol. 111, no. 3, pp. 335-351.
23. Sharir M., Lerner M. Gauging the Success of Social Ventures Initiated by Individual Social Entrepreneurs. *Journal of World Business*, 2006, Vol. 41, no. 1, pp. 6-20.
24. Abhijit R., Brumagim A., Goll I. Predictors of Social Entrepreneurship Success: A Cross-national Analysis of Antecedent Factors. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2014, Vol. 5, no. 1, pp. 42-59.
25. Leadbeater Ch. *The Rise of the Social Entrepreneur*. London, Demos publ., 1997. vi + 87 p.
26. Dufays F., Huybrechts B. Connecting the Dots for Social Value: A Review on Social Networks and Social Entrepreneurship. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2014, Vol. 5, no. 2, pp. 214-237.
27. Zhang D.D., Swanson L.A. Linking Social Entrepreneurship and Sustainability. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2014, Vol. 5, iss. 2, pp. 175-191.
28. Sengupta S., Sahay A., Croce F. Conceptualizing social entrepreneurship in the context of emerging economies: an integrative review of past research from BRIICS. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 2018, Vol. 14, iss. 4, pp. 771-803. DOI: 10.1007/s11365-017-0483-2.
29. Lehner O.M. The formation and interplay of social capital in crowdfunded social ventures. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2014, Vol. 26, no. 5-6, pp. 478-499.
30. Bonomi S., Ricciardi F., Rossignoli C. Network organisations for externality challenges: How social entrepreneurship co-evolves with ICT-enabled solutions. *International Journal of Knowledge-Based Development*, 2017, Vol. 8, iss. 4, pp. 346-366. DOI: 10.1504/IJKBD.2017.088183.
31. Newth J., Woods Ch. Resistance to Social Entrepreneurship: How Context Shapes Innovation. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2014, Vol. 5, no. 2, pp. 192-213.
32. Robinson J. Navigating Social and Institutional Barriers to Markets: How Social Entrepreneurs Identify and Evaluate Opportunities, in: Mair J., Robinson J., Hockerts K. (eds.) *Social entrepreneurship*, New York, Palgrave MacMillan publ., 2006, pp. 95-120.
33. Satar M.S., John S. A conceptual model of critical success factors for Indian social enterprises. *World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 2016, Vol. 12, iss. 2, pp. 113-138. DOI: 10.1108/WJEMSD-09-2015-0042.
34. Ambati N.R. Social innovation practices in sustainable waste management: Case study of successful social enterprises in Ahmedabad. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2019, Vol. 8, iss. 12, pp. 1978-1985.
35. Schlee P.R., Curren M.T., Harich K.R. Building a marketing curriculum to support courses in social entrepreneurship and social venture competitions. *Journal of Marketing Education*, 2009, Vol. 31, iss. 1, pp. 5-15. DOI: 10.1177/0273475308324087.
36. Engelke H., Mauksch S., Darkow I.-L., von der Gracht H.A. Opportunities for social enterprise in Germany – Evidence from an expert survey. *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, Vol. 90, pp. 635-646. DOI: 10.1016/j.techfore.2014.01.004.
37. Becker S., Kunze C., Vancea M. Community energy and social entrepreneurship: Addressing purpose, organisation and embeddedness of renewable energy projects. *Journal of Cleaner Production*, 2017, Vol. 147, pp. 25-36. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.01.048.
38. Orhei L.E., Nandram S.S., Vinke J. Social entrepreneurship competence: Evidence from founders of social enterprises in Romania. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 2015, Vol. 25, iss. 1, pp. 80-105. DOI: 10.1504/IJESB.2015.068780.

39. Sparviero S. The Case for a Socially Oriented Business Model Canvas: The Social Enterprise Model Canvas. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2019, Vol. 10, iss. 2, pp. 232-251. DOI: 10.1080/19420676.2018.1541011.
40. Patton M.Q. *Qualitative Research and Evaluation Methods*, 4th ed. Thousand Oaks, SAGE publ., 2015. 832 p.
41. Germak A.J., Robinson J.A. Exploring the Motivation of Nascent Social Entrepreneurs. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2014, Vol. 5, iss. 1, pp. 5-21.
42. Saebi T., Foss N.J., Linder S. Social Entrepreneurship Research: Past Achievements and Future Promises. *Journal of Management*, 2019, Vol. 45, no. 1, pp. 70-95.
43. Yin R. *Case study research: Design and methods*, 5th ed. Thousand Oaks, CA, SAGE publ., 2014. 312 p.
44. Grima-Farrell C. The Collective Case Study Design: Comparing Six Research to Practice Case Studies, in: Grima-Farrell C. *What Matters in a Research to Practice Cycle? Teachers as Researchers*, Singapore, Springer publ., 2017, pp. 67-105. DOI: 10.1007/978-981-10-2087-2.
45. Eriksson P., Kovalainen A. *Qualitative Methods in Business Research*. London, SAGE publ., 2008. 376 p. DOI: 10.4135/9780857028044.
46. Bryman A. Integrating quantitative and qualitative research: How is it done? *Qualitative Research*, 2006, Vol. 6, no. 1, pp. 97-113. DOI: 10.1177/1468794106058877.
47. Sato H. Generalization Is Everything, or Is It?: Effectiveness of Case Study Research for Theory Construction. *Annals of Business Administrative Science*, 2016, Vol. 15, no. 1, pp. 49-58. DOI: 10.7880/abas.0151203a.
48. Clarke V., Braun V., Hayfield N. Thematic analysis, in: Smith J.A. (ed.) *Qualitative psychology: A practical guide to research methods*, London, SAGE publ., 2015, pp. 222-248.
49. Sodhi M.S., Tang C.S. Social enterprises as supply-chain enablers for the poor. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2011, Vol. 45, iss. 4, pp. 146-153.

Приложение. Данные по социальным предприятиям, вошедшим в выборку

Appendix. Data on social enterprises included in the sample

Код	Организационная форма	Сфера деятельности	Сфера ответственности респондента	Миссия организации	Денежный поток
ЕС1	Результаты исключены из анализа				
ЕС2	Некоммерческая организация, ассоциация, с 1985 г., уровень ЕС	Культурная, образовательная, политическая (не является партией)	Руководитель организации на местном уровне	Установление связей между студентами по всей Европе, между студенческими городами; летние школы в Европе, встречи	Гранты, в том числе европейские; пожертвования
ЕС3	Некоммерческая организация, ассоциация, с 1949 г. (в современном виде с 1972), уровень ЕС	Политическая, образовательная, культурная	Руководитель проектов на местном уровне	Создание демократической Европейской федерации как ключевого элемента мирного общества, гаранта свободы, справедливости и демократии; лекции, летние школы	Гранты, в том числе европейские; пожертвования; продажа товаров с фирменной символикой
ЕС4	Некоммерческая организация, фонд, с 2004 г., национальный уровень	Культурная, просветительская	Руководитель одного из проектов фонда	Обеспечение доступа к культурным мероприятиям (посещение музеев, театров, оперы, цирка), обучение пению, танцам, рисованию и т. п. детей из малообеспеченных семей. К каждому ребенку на время мероприятия прикрепляется волонтер. Волонтеры являются проводниками между миром искусства и детьми	Продажа книг; пожертвования; грантовая поддержка

Окончание приложения
The end of Appendix

<i>Код</i>	<i>Организационная форма</i>	<i>Сфера деятельности</i>	<i>Сфера ответственности респондента</i>	<i>Миссия организации</i>	<i>Денежный поток</i>
ЕС5	Некоммерческая организация, ассоциация, с 2008 г., национальный уровень	Образовательная, просветительская	Руководитель проекта на местном уровне	Информирование и поддержка молодежи на пути от поступления в университет до завершения учебы и начала карьеры. Поддержка в первую очередь адресована тем, кто первыми в семье получают высшее образование (дети из «неакадемических» семей)	Финансирование со стороны министерств, фондов (в том числе международных), университетов; пожертвования от частных лиц
ЕС6	Некоммерческая организация, ассоциация, с 2002 г., региональный уровень (регион страны)	Культурная, образовательная	Руководитель одного из проектов, член команды	Языковые курсы – улучшение навыков родного языка у детей, а также обучение иностранцев, в том числе беженцев, языку данной страны; социальная работа в школах; инклюзивные проекты; многоязычный и устойчивый детский сад; повышение квалификации педагогов в сфере межкультурного обучения и защиты молодежи	Продажа услуг; грантовая поддержка
ЕС7	Студенческая ассоциация, при университете, без юридического лица (местный уровень)	Культурная, образовательная	Руководитель команды по одной из стран ЕС	Помощь иностранным студентам в адаптации к университету и городу. Команды волонтеров формируются по странам (по родному языку участников), чтобы сограждане помогали своим согражданам	Поддержка со стороны университета
ЕС8	Консорциум (сеть социальных кооперативов), региональный уровень (регион страны), с 1999 г.	Образовательная	Руководитель консорциума	Профессиональное обучение социальных предпринимателей, безработных, коммерческих компаний, которые имеют социальную миссию. Способствуют созданию и внедрению социальных инноваций среди членов консорциума	Грантовая поддержка, в том числе от европейских фондов; продажа услуг

Сведения об авторах

Фомина Юлия Андреевна – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга
 Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
 E-mail: Fomina-u-a@yandex.ru
 ORCID: 0000-0002-8761-5002
 РИНЦ AuthorID: 643340

About the authors

Yulia A. Fomina – PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Marketing
 Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
 E-mail: Fomina-u-a@yandex.ru
 ORCID: 0000-0002-8761-5002
 RSCI AuthorID: 643340

Катунина Ирина Владимировна – д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга
 Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
 E-mail: i.v.katunina@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-1130-3985
 ResearcherID: S-3678-2016
 РИНЦ AuthorID: 437772

Irina V. Katunina – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Management and Marketing
 Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
 E-mail: i.v.katunina@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-1130-3985
 ResearcherID: S-3678-2016
 RSCI AuthorID: 437772

Вклад авторов

Фомина Ю.А. – введение, обзор литературы, исследовательские вопросы и методы исследования, результаты исследования, дискуссия, заключение

Катунина И.В. – введение, обзор литературы, результаты исследования, заключение

Authors' contributions

Fomina Yu.A. – introduction, literature review, research questions and methods of research, research results, discussion, conclusion

Katunina I.V. – introduction, literature review, research results, conclusion

Для цитирования

Фомина Ю. А., Катунина И. В. Факторы успеха социального предпринимательства в сфере образования и просвещения Европейского Союза // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 131–143. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).131-143.

For citations

Fomina Yu.A., Katunina I.V. Success factors of social entrepreneurship in the field of education and enlightenment of the European Union. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 131-143. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).131-143. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» выходит 4 раза в год (ежеквартально) объемом около 200 страниц и состоит из разделов «Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика», «Региональная экономика и управление публичной сферой», «Экономика и финансовая политика». Перечень разделов каждого номера определяется тематикой поступивших и публикуемых материалов.
2. Статьи, обязательно подписанные автором, сдаются или присылаются ответственному редактору в электронном и распечатанном варианте по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, ОмГУ, Экономический факультет (редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"»), – или пересылаются на e-mail: vestnik@omesco.ru.
Кроме статьи автор отдельным файлом предоставляет сведения о себе, которые должны содержать: Ф.И.О. (полностью), место работы (учебы), должность, ученую степень (если есть), адрес, контактный телефон, адрес эл. почты.
3. Объем статьи для докторантов, кандидатов и докторов – до 1 п. л., для других авторов – до 0,8 п. л. Плата за публикацию с авторов не взимается.
4. Каждая статья проходит обязательное рецензирование специалистами той отрасли знания, по которой она предложена. Автор предоставляет две рецензии, желательно – из числа рецензентов, рекомендованных редакционной коллегией журнала (см. список на сайте журнала: <http://journal.omesco.ru/ru/index.html>). В случае необходимости редколлегия может направить статью на внешнее рецензирование. Статьи, получившие отрицательные рецензии, возвращаются авторам (вместе с рецензией).
5. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» придерживается Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций» и действует для пресечения ее нарушения. Принципы публикационной этики журнала представлены на сайте (http://journal.omesco.ru/ru/journal/publication_ethics.html).
6. Статья должна быть тщательно выверена автором. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также корректность использования материалов из других источников несет автор. Точки зрения автора(ов) и редакционной коллегии могут не совпадать.
7. Статья должна быть структурирована, разделы – пронумерованы. В случае соавторства должно быть отражено участие каждого из авторов.
8. Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. Статьи с превышением норм технических погрешностей и ошибок (от 5 ошибок) в номер не включаются.
9. Редакция не вступает в переписку и объяснения по поводу отклонения статьи к публикации. Рукописи и дискиеты авторам не возвращаются.
10. **Требования к оформлению предоставляемых материалов:**
 - Текст набирается в MS Word гарнитурой Times New Roman 12 кеглем через 1,5 интервала, поля – 20 мм со всех сторон.
 - В верхнем левом углу листа ставится УДК. Название статьи – прописными буквами (жирным шрифтом, по центру). Ф.И.О. автора(ов) (жирным шрифтом, по центру), место работы автора (курсивом по центру). Ниже через строку – реферат на русском и английском языках (объемом до 250 слов, 11 кегль), затем ключевые слова на русском и английском языках.
 - Ссылки оформляются цифрами в квадратных скобках (например, [1]) по тексту и приводятся в конце статьи в порядке их упоминания в тексте. Ссылки на нормативные источники, статистические данные и общественно-политические публикации даются либо внутри текста статьи, либо в виде примечаний.
 - Примечания оформляются в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ (до списка литературы) и нумеруют числом в виде верхнего индекса.
 - В основном тексте допускается не более трех таблиц и рисунков.
 - Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми (цветные – не принимаются) и четкими. При необходимости используется черно-белая (но не серая) штриховка.
 - Буква Ё употребляется в тех случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова или указать произношение малоизвестных слов и терминов. Во всех иных случаях допускается замена Ё на Е.

Статьи, оформленные с нарушением настоящих требований, приниматься к публикации не будут.

ЖДЕМ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!